

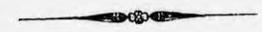
А 290
219

801-13
2615

СБОРНИКЪ
ПИСЕМЪ И СТАТЕЙ

ПОЛОЖЕНІИ ОФИЦІАНТОВЪ И ПОЛОВЫХЪ
И НА КАКИХЪ УСЛОВІЯХЪ ОНИ СЛУ-
ЖАТЬ У СВОИХЪ ХОЗЯЕВЪ.

Соб. М. Я. Гордѣевъ.

1/271-33

МОСКВА,
Типографія Филатова, Срѣтенка, Колокольн. п., д. Малюшана.
1905 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Имѣю честь довести до свѣдѣнія уважаемыхъ читателей, что всѣ напечатанные въ сборникѣ факты, фактами и остались, и ни кѣмъ не были опровергнуты.

Какъ вы думаете, читатель, какими качествами долженъ обладать официантъ, для того, чтобы успѣшно работать. Вы можетъ быть думаете, что ему нужно извѣстная ловкость, умѣнье подать кушанья или вина, вообще извѣстное умѣнье служить. Ничуть не бывало. Человѣкъ обладающій только этими качествами, на первый взглядъ достаточными для его ремесла, — тѣмъ не мѣнѣе рискуеть ничего не заработать и въ лучшемъ случаѣ перебиваться лишь жалкими грошами.

Всякій официантъ прежде всего долженъ быть опытнымъ знатакомъ въ познаніи того гостя, который кормить и поить этого человѣка, ибо въ противномъ случаѣ онъ не можетъ вынести все хозяйскіе поборы и самъ будетъ работать безвозмездно.

Дозволено цензурою, Москва, 3 августа 1905 г.

2011094051

СБОРНИКЪ

ПИСЕМЪ И СТАТЕЙ О ПОЛОЖЕНІИ ОФИЦІАНТОВЪ И ПОЛОВЫХЪ.

Письмо къ издателю.

М. Г.—Прошу васъ удѣлить мѣстечко въ вашей уважаемой газетѣ нижеслѣдующимъ строкамъ. Въ № 161 *Русскихъ Вѣдомостей* по поводу закрытія сада *Чикаго*, вслѣдствіе того, что антрепренеръ не могъ внести своевременно установленнаго залога, замѣчено что правильнѣе было бы выработать одну общую норму залога, постановивъ, чтобы залогъ равнялся полуторамѣсячному жалованію всѣхъ артистовъ. Такимъ образомъ, если послѣдуетъ крахъ антрепренера, артисты могли бы быть обезпечены полуторамѣсячнымъ жалованьемъ до пріисканія новаго труда.

При такой заботливости объ артистахъ, почему *Русскія Вѣдомости* ничего не сказали относительно официантовъ, которыхъ положеніе гораздо хуже? Они несутъ свои гроши въ видѣ залога и зачастую не получаютъ его обратно. Неужели они такъ ничтожны, что не стоитъ объ нихъ говорить? Артисты свое жалованье получили, но официанты своего залога не получили. А между тѣмъ они идутъ на мѣсто при самыхъ стѣснительныхъ условіяхъ. Содержателю буфета обыкновенно деньги нужны. Онъ набираетъ для этого залогов. Сверхъ того берутъ съ человѣка 20 к. въ день

неизвѣстно за что. По усмотрѣнію содержателя буфета вычитается изъ залога 5 р. неизвѣстно за что. Конечно, человѣкъ ходитъ безъ дѣла 2, 3 и болѣе мѣсяца, безо всякихъ средствъ существованія, и готовъ пойти на всякія условія. Собираетъ онъ этотъ несчастный залогъ у кого рубля 2, 3, съ большими затрудненіями, и не думаетъ, что крахъ грозитъ даже его залогу. Кончается же это нерѣдко очень печально. Расходы официанта значительны. Бѣсть, пить надо, квартира, стирка бѣлья, необходимы сорочки, служебный костюмъ, обувь. А между тѣмъ многіе связаны съ деревней, у нихъ жены, дѣти, престарѣлые отецъ и мать, или братъ на военной службѣ. Все это проситъ помощи. Сестру невѣсту женихи сватаютъ, нуженъ оброкъ, земскія повинности, крестьянскіе сборы и т. п.

Доходы же уменьшаются еще и потому, что содержатели набираютъ вдвое больше людей. Гдѣ нужно 60 человѣкъ онъ беретъ 120, потому что при этомъ залога наберется больше, а плата по 20 к. съ человѣка дастъ вдвое больше. Доходъ же официантовъ съ публики уменьшается вслѣдствіе чрезмѣрнаго числа. Но и это не все. Одинъ ресторанъ обязалъ официантовъ подпиской платить 15 к. за посуду и 20 к. за харчи. Нужно, стало-быть, цѣлый день въ ресторанѣ быть на службѣ и платить хозяину за харчи. Тутъ уже выходитъ такъ, что не хозяинъ содержатель слуги, а слуга хозяина, слуга платитъ содержателю жалованье 15 к. въ день, что составляетъ 4 р. 50 к. въ мѣсяцъ, да за харчи 6 руб. При этомъ за харчи получается безо всякаго условія со служащими: какую пищу варить, нуженъ ли ему ужинъ, хочетъ ли онъ пользоваться его обѣдомъ: все равно плати 20 к. Точно также вездѣ рестораны берутъ съ официантовъ за посуду: кто бы ни разбилъ, за все платитъ прислуга.

Всѣ эти условія становятся все хуже. Сначала платили 3 руб. жалованья, потомъ начали брать безъ жалованья, потомъ явилась плата съ прислуги 10 к. Теперь берутъ уже 20 к. и даже 35 к. Явилась еще новость: плата за харчи. Неужели прислуга не заслуживаетъ никакой защиты? Конечно, могутъ сказать: „не выгодно—не служи“. Но вѣдь ростовщикъ тоже говорить: „если велики проценты—не бери денегъ“. Однако на нихъ надѣли узду; законъ ихъ строго караетъ.

Почему же остается безо всякой защиты прислуга? Содержатели могутъ указать на тяжесть своихъ расходовъ: но неужели всю эту тяжесть можно сваливать на прислугу? Чтобъ имѣть доходъ, нужно умѣло развивать торговлю, а не выжимать соки изъ прислуги.

Я надѣюсь что найдутся люди которые, наконецъ, скажутъ что-нибудь въ защиту этихъ труженниковъ.

Примите и пр.

Матвей Гордѣевъ.

„Моск. Вѣд.“ № 186. 1897 года.

Вопросъ объ официантахъ.

Письмо къ издателю.

М. Г. Въ № 186 Вашей газеты было помѣщено письмо г. Гордѣева, описывающее положеніе нашихъ московскихъ официантовъ. Положеніе ихъ дѣйствительно заслуживаетъ вниманія. При службѣ очень тяжелой, съ утра и нерѣдко до 2 часовъ пополуночи, эти труженники въ настоящее время, во многихъ мѣстахъ, уже не получаютъ никакого вознагражденія отъ хозяевъ, и должны жить исключительно подачками публики.

Мало того, даже и значительную долю этихъ подачекъ они должны уже теперь удѣлять хозяину, потому что, не получая жалованья, они сами обязаны платить хозяину отъ 20 до 40 коп. въ день. Ясно, что эту подать они должны уплатить изъ денегъ, получаемыхъ отъ щедротъ публики.

Это очевидное злоупотребленіе тѣмъ болѣе должно было бы подлежать уничтоженію, что падаетъ не на однихъ официантовъ, а также публику. Посѣтитель ресторана, заходя отдохнуть и поѣсть,—думаетъ что, уплативъ совершенно правильно, по таксѣ, за все взятое, онъ совершенно чистъ и имѣетъ право на вѣжливую и добросовѣстную услугу официантовъ. Но войдите въ положеніе официанта, который долженъ во что бы то ни стало получить подачку посѣтителя для увеличенія своего дохода, потому что безъ этого онъ ничего не будетъ имѣть и не можетъ даже уплатить хозяину свой ежедневный долгъ. Если въ такомъ положеніи официантъ получаетъ слишкомъ мало или тѣмъ болѣе не получаетъ ничего, можно ли обвинить его, если онъ провожаетъ потребителя косымъ взглядомъ или даже грубымъ словомъ? Кто же виноватъ въ такомъ положеніи, когда человѣкъ, отправившійся въ ресторанъ пріятно провести время, и за все честно расплатившійся, получаетъ грубости прислуги? Виноваты хозяева, устанавливающіе это ненормальное положеніе, къ общему ущербу и обиранию публики и прислуги.

Въ оправданіе свое содержатели ресторановъ не могутъ сослаться даже на то, что ихъ поведение вызывается необходимостью. Доселѣ есть приличные рестораны, въ которыхъ это обстоятельство не допускается, а прислугѣ платятъ жалованье. Таковы, напримеръ, рестораны на вокзалахъ желѣзныхъ дорогъ.

Извѣстно, что эти рестораны не разоряются отъ вполнѣ честнаго веденія дѣла. Слѣдовательно система, вводимая нынѣ все шире, въ большинствѣ другихъ ресторановъ, вызывается не неизбѣжною необходимостью, а просто недостаткомъ надзора и свободой произвола хозяевъ. Нельзя, поэтому не пожелать, чтобы введеніе должнаго надзора за ресторанами положило предѣль произволу ихъ, столь тяжкому для прислуги и невыгодному для потребителей.

Примите и пр.

„Моск. Вѣд.“ № 211. 1897 года.

II.

Письмо къ издателю.

М. г.—Первымъ долгомъ позвольте вамъ выразить отъ лица всѣхъ моихъ сотоварищей по профессіи искреннюю благодарность за то, что вы нашли возможнымъ удѣлить мѣсто въ №№ 186 и 211 заявленіямъ о незавидномъ положеніи московскихъ офиціантовъ.

Мои собратья меня прямо со слезами просятъ, чтобъ я вамъ выразилъ эту благодарность и завѣрить, что положеніе офиціантовъ дѣйствительно крайне печально. Еслибы кто-либо нашелъ возможнымъ собрать точныя свѣдѣнія о московскихъ ресторанахъ и нѣкоторыхъ трактирахъ, мы можемъ указать множество изъ злоупотребленій. Вотъ, на примѣръ, новые факты.

Одинъ извѣстный отель беретъ ежедневно 40 коп. съ человѣка. Въ кофейныхъ извѣстнаго предпринимателя взыскиваютъ съ насъ 5 к. съ торговаго рубля. Въ трактирѣ г. П. хозяинъ снимаетъ квартиру для половыхъ за 22 р. 50 к., а съ половыхъ взимаетъ

25 р., да еще набиваетъ туда поваровъ, мужиковъ и мальчиковъ. Неужели половые обязаны за всѣхъ платить? Да сверхъ того, они же платятъ ежедневно по 10 к. Такихъ фактовъ множество, и ни откуда мы не находимъ защиты.

Г. редакторъ, ваша уважаемая газета всегда готова подать руку помощи погибающему. Я надѣюсь, что она еще разъ отзовется на нашъ вопль. У животныхъ и то есть Общество Покровительства Животныхъ, но у насъ ни отъ кого нѣтъ защиты.

При такихъ поборахъ, вы бы посмотрѣли, какъ насъ кормятъ и гдѣ мы обѣдаемъ: рѣдко гдѣ есть какая-либо столовая, а то просто въ судомойной въ грязи, кто стоя, а кто съ грѣхомъ пополамъ присѣлъ. Мясо для насъ варится такое, что ни одна порядочная собака не будетъ ѣсть; щи отвратительнаго и чернаго вида. Только чаемъ да кускомъ хлѣба и дышемъ. А работа непрерывная, даже забыли что такое церковь Божія.

Убѣдительно я прошу васъ, г. редакторъ, отъ всѣхъ моихъ сотоварищей помѣстить это письмо въ вашей уважаемой газетѣ. Тѣ два письма, которыя вы опубликовали, все-таки дали хозяевамъ нѣкоторую острастку. А, быть-можетъ, наши справедливыя жалобы обратятъ вниманіе и вызовутъ какія либо мѣры къ нашей защитѣ.

Запасный взводный унтеръ-офицеръ, а нынѣ офиціантъ небольшого ресторана *Матвій Гордѣевъ*.

„Моск. Вѣд.“ № 280. 1897 года.

ЗАМѢТКА.

Къ вопросу о положеніи официантовъ.

Въ рядѣ писемъ напечатанныхъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* выставлено крайне тяжелое положеніе большаго круга официантовъ, служащихъ въ московскихъ ресторанахъ. Въ этихъ письмахъ сами официанты раскрывали всѣ неприглядныя стороны своего быта, которыя до сихъ поръ мало кому были извѣстны.

Въ самомъ дѣлѣ, кто могъ думать ранѣе о тѣхъ „поборахъ“, которые установлены многими содержателями ресторановъ съ прислуги, несущей тяжелый трудъ и не только не получающей за него какого бы то ни было вознагражденія, но—обязанный еще уплачивать хозяевамъ ту или другую сумму. Мысль отказывается вѣрить, чтобы слуга платилъ за свой трудъ хозяину, а между тѣмъ это фактъ, не подлежащій никакому сомнѣнію,—фактъ печальный, имѣющій мѣсто не въ одной Москвѣ, но и въ другихъ крупныхъ городахъ.

На нашъ взглядъ, вопросъ объ упрядоченіи положеніи официантовъ нельзя игнорировать по нѣсколькимъ причинамъ.

Разсказываютъ, что еще сравнительно недавно официанты въ ресторанахъ получали небольшое жалованье, которое восполнялось доходами отъ посѣтителей. Потомъ хозяева стали набирать прислугу безъ жалованья, предоставляя ей пользоваться тѣмъ, что дастъ посѣтитель ресторана за услуги. На этомъ, однако, дѣло не остановилось. Нашлись смѣтливые содержатели, которые начали принимать официантовъ только подъ тѣмъ условіемъ, что они будутъ платить въ хозяйскую кассу ежедневно извѣстную сумму. Примѣры заразительны.

За новый источникъ доходовъ ухватились многіе рестораторы. За послѣднее время эти поборы все болѣе и болѣе распространяются, принимая разныя формы и проникая даже въ большіе трактиры.

Считаемъ нужнымъ оговориться, что содержатели такихъ ресторановъ какъ *Эрмитажъ*, *Московская гостиница*, *Прага* и нѣкоторые другіе не послѣдовали дурному примѣру въ дѣлѣ поборовъ. Но многіе даже извѣстные рестораны не удержались отъ соблазна и пользуются теперь.

Въ письмахъ напечатанныхъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* довольно ярко обрисована та кабала въ которой находятся официанты при многихъ большихъ и маленькихъ ресторанахъ. Приходится изумляться изобрѣтательности содержателей ресторановъ. Они придумываютъ всевозможные предлоги для того, чтобы наполнить свою кассу на счетъ прислуги. Такъ, въ одномъ большомъ ресторанѣ каждый официантъ обязанъ платить въ сутки содержателю 50 к.; кромѣ того, со всѣхъ официантовъ въ извѣстное время устраиваются поборы за бѣлье, пробки и др. Повторяемъ, что всему этому съ трудомъ вѣрится, но тѣмъ не менѣе это такъ. Развѣ это не изобрѣтательность—на счетъ прислуги содержать въ порядкѣ и исправности инвентарь ресторана? За разбитую посуду официанты платятъ отдѣльно, и по большей части вдвое дороже чѣмъ стоитъ вещь въ магазинѣ. Про одинъ ресторанъ сообщаютъ, что недавно всѣхъ официантовъ обязали подписать условіе, что они уплачиваютъ въ пользу ресторана по 15 коп. ежедневно, вмѣсто 50 коп. взимаемыхъ на самомъ дѣлѣ.

Въ другомъ ресторанѣ официанты платятъ по 35 к. въ день, съ такимъ расчетомъ: по 20 к. за харчи и 15 к. за посуду. Несомнѣнно, въ ресторанѣ много-

требуется посуды, и отъ большаго употребленія она скоро изнашивается; но все-таки какое основаніе обязывать прислугу принимать на свой счетъ держать посуду въ исправности? Мало того, что официанты ежедневно вносятъ свою трудовую деньгу на посуду, они не освобождаются отъ уплаты за ту или другую вещь, если она, по неосторожности или вслѣдствіе поспѣшности, будетъ разбита.

Что касается другихъ ресторановъ, то размѣръ ежедневной уплаты въ пользу содержателей колеблется между двадцатью и десятью копѣйками въ сутки. Независимо отъ этого, официантамъ приходится платить за посуду и бѣлье. Часто поборы съ бѣдныхъ труженниковъ идутъ еще дальше. Такъ, одинъ содержатель ресторана додумался недавно до того, что обязалъ каждаго официанта платить по 80 к. въ мѣсяць судомойкамъ. Отсюда остается сдѣлать еще одинъ шагъ, чтобы заставить платить полотерамъ и прачкамъ.

Ко всему этому слѣдуетъ прибавить, что въ нѣкоторыхъ ресторанахъ берутъ съ официантовъ и въ тѣ дни когда они не находятся на дежурствѣ и, слѣдовательно, лишены всякаго заработка. Но бываетъ еще и хуже того. Такъ, про одинъ лѣтній садъ рассказываютъ такой фактъ: официантовъ за провинность устранили отъ дѣла на одну недѣлю, или на нѣсколько дней, обязывая ихъ въ то же время уплачивать исправно въ кассу буфета по 20 к. въ сутки. При этомъ мѣсто виновнаго, конечно, не оставалось пустымъ; оно занималось другимъ лицомъ, которое, въ свою очередь, тоже вносило за себя 20 к. Такія наказанія практиковались, какъ говорятъ, часто, въ виду ихъ несомнѣнной выгоды для содержателя буфета.

Всѣмъ этимъ, однако, не исчерпывается горькая чаша официантовъ. Имъ приходится отвѣчать и въ

томъ случаѣ если посѣтитель не уплачиваетъ денегъ. Содержатель ресторана вычитаетъ слѣдующую сумму съ официанта, а ему предоставляетъ взыскивать ее съ посѣтителя. Въ такихъ случаяхъ официантамъ большею частью приходится расплачиваться своими деньгами.

Вообще содержатели ресторановъ зорко слѣдятъ за тѣмъ, чтобъ ихъ копѣйка не пропала. Официанты обязаны ежедневно представлять полностью всю сумму какая съ нихъ приходится по количеству лицъ. Въ небольшихъ ресторанахъ бываетъ нерѣдко, что официантъ въ теченіе дня остается безъ всякаго заработка, а ресторану тѣмъ не менѣе онъ долженъ заплатить.

При одномъ клубѣ также введено взиманіе извѣстной платы съ официантовъ, которые приглашаются для услуженія раза два въ недѣлю, во время устройства вечеровъ.

Для выясненія вопроса о положеніи официантовъ необходимо еще указать на то, что въ большинствѣ случаевъ при ресторанахъ, о которыхъ идетъ рѣчь, они не имѣютъ квартиръ и должны сами снимать себѣ помѣщенія.

Здѣсь не лишнимъ будетъ напомнить фактъ, о которомъ уже сообщалось въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*. Нѣкоторые изъ хозяевъ стараются быть „благодѣтелями“ для своихъ служащихъ. Такъ, одинъ изъ нихъ снимаетъ квартиру для половыхъ за 22 р. 50 к., а самъ отдаетъ ее имъ за 25 руб., да еще набиваетъ туда мужиковъ, поваровъ и мальчиковъ...

А какъ кормятъ официантовъ содержатели ресторановъ—объ этомъ также имѣются краснорѣчивыя указанія въ напечатанныхъ письмахъ (см. № 280 *Московскихъ Вѣдомостей*). Оказывается, что при ресторанахъ рѣдко гдѣ имѣется отдѣльная столовая; по большей части ѣдятъ въ судомойной грязи. „Мясо для

насъ варится такое, говоритъ авторъ письма, что ни одна порядочная собака не будетъ ѣсть, щи отвратительнаго и чернаго вида. Только чашемъ, да кускомъ хлѣба дышемъ“. А между тѣмъ какія громадныя суммы взимаются содержателями ресторановъ съ официантовъ! Если подвести итоги въ годъ по отдѣльнымъ ресторанамъ, то получатся солидныя цифры.

По совершенно понятнымъ соображеніямъ, при настоящемъ положеніи дѣла рестораторы всегда набираютъ прислуги болѣе чѣмъ требуется: вѣдь каждый лишній человѣкъ даетъ имъ возможность увеличить свое обогащеніе въ счетъ трудящагося люда. Оказывается, что однимъ большимъ рестораномъ, приблизительно, взимается въ годъ съ официантовъ свыше 4.000 р., въ другомъ ресторанѣ берутъ до 3.500 р., въ остальныхъ ресторанахъ взимается до 1.500 р. въ годъ. Въ ресторанахъ берутъ также громадныя деньги. Такъ, въ одномъ театрѣ за девять мѣсяцевъ сумма поборовъ съ официантовъ достигаетъ болѣе 3.000 руб.

Въ лѣтнихъ театрахъ и садахъ также собираются крупныя суммы съ официантовъ за четырехмѣсячный промежутокъ времени. Здѣсь поборы достигаютъ 2.500 руб. и болѣе. Въ эти суммы, конечно, не входятъ штрафы, которые столь распространены въ нѣкоторыхъ ресторанахъ.

Конечно, трудно установить точную статистику всѣхъ поборовъ съ официантовъ въ разныхъ ресторанахъ; но можно безъ преувеличенія сказать, что общая сумма ихъ въ Москвѣ достигаетъ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ рублей. Содержатели ресторановъ обогащаются, а официанты бѣдствуютъ. Всѣ усилія первыхъ направлены къ тому, чтобы довести до минимума заработокъ прислуги, который, какъ извѣстно, имѣетъ случайный характеръ.

О плачевномъ матеріальномъ положеніи горько жаловались сами официанты, взывая къ защитѣ ихъ интересовъ. Дѣйствительно, имъ трудно существовать при тѣхъ поборахъ какіе имъ приходится нести на своихъ плечахъ. Только крайняя нужда заставляетъ ихъ служить при описанныхъ тяжелыхъ условіяхъ.

Установленіе поборовъ въ пользу содержателей ресторановъ, помимо того, что лишаетъ официантовъ извѣстной матеріальной обезпеченности, губительно вліяетъ на нихъ въ нравственномъ отношеніи и въ то же время отзывается на интересахъ публики.

Официанту трудно существовать при настоящихъ условіяхъ. Ежедневно извѣстный оброкъ онъ долженъ уплатить хозяину: кромѣ того, донимаютъ еще спеціальныя поборы на посуду, бѣлье и проч., расходы на квартиру, на содержаніе семьи, на платье, получаютъ значительныя; а тамъ нужно послать роднымъ на деревенскія нужны. Вся эта сумма расходовъ должна оправдываться случайнымъ заработкомъ, который можетъ быть, но можетъ и не быть. И вотъ, при полной необезпеченности въ своемъ содержаніи, официанты начинаютъ прибѣгать къ неблаговиднымъ поступкамъ для увеличенія своего заработка. Жертвою являются посѣтители ресторановъ,

Безъ сомнѣнія, среди официантовъ много честныхъ и добросовѣстныхъ тружениковъ, которые не позволяютъ себѣ взять лишнюю копѣйку съ посѣтителя. Но, къ сожалѣнію, между ними много встрѣчается и такихъ, которые „безъ плана ничего не подаютъ“ на столъ посѣтителю. Можно бы многое рассказать по этому поводу, но достаточно, какъ кажется, замѣтить, что они прибѣгаютъ ко всевозможнымъ ухищреніямъ, чтобъ обмануть посѣтителя на винѣ, порціяхъ и т. д. Все это, несомнѣнно, является результатомъ настоя-

шаго порядка, при которомъ официантъ не только не получаетъ отъ хозяина никакого вознагражденія за свой трудъ, но еще долженъ уплачивать ему ежедневный оброкъ. Многие долго крѣпятся, выдерживаютъ себя, не поддаваясь соблазну; но немногие успѣваютъ въ этой борьбѣ, оставаясь честными труженниками.

Въ этомъ случаѣ большое вліяніе имѣютъ дурныя примѣры.

Вотъ на примѣръ, въ одномъ ресторанѣ случилось одновременно служить двумъ односельчанамъ; одинъ изъ нихъ вслѣдъ за своими товарищами позволялъ себѣ обманывать посѣтителей, а другой, прекрасный работникъ, хотѣлъ быть честнымъ труженникомъ, довольствуясь тѣмъ, что давали посѣтители. И тотъ, и другой посылали деньги въ деревню домашнимъ, но разныя суммы: первый больше, второй—меньше. И вотъ послѣдній сталъ получать упреки съ родины за то, что высылаетъ мало денегъ, хотя служитъ въ одномъ ресторанѣ со своимъ односельчаниномъ на одинаковыхъ условіяхъ. И что же... деревенскіе упреки въ концѣ концовъ сдѣлали свое дѣло. Труженикъ не устоялъ и пошелъ по слѣдамъ своихъ товарищей, вынужденный къ тому силою вещей.

Намъ кажется, что жалобы официантовъ на ихъ крайне-стѣсненное положеніе должны обратить на себя вниманіе. Необходимо освободить ихъ изъ кабалы, въ которую они попадаютъ въ силу крайней нужды. Есть же рестораны гдѣ прислугѣ даютъ существовать прилично по ея положенію, не взирая съ официантовъ поборовъ въ свою пользу. Установившіеся же во многихъ ресторанахъ поборы—великое зло, съ которымъ нужно бороться.

М. Л.

(Моск. Вѣд. за № 344. 1897 года).

МИРОВОЙ СУДЬ.

Обогащеніе на чужой счетъ.

13 декабря въ камерѣ мирового судьи Тверскаго участка разбирались три однохарактерныя дѣла, которыя пролили много свѣта на положеніе официантовъ въ ресторанахъ.

Бывшіе официанты ресторана *Континенталь* Мареевъ, Перовъ и Перфильевъ взыскивали съ содержателя означеннаго ресторана г. Пинчера: Мареевъ 59 р., Перовъ 60 р. и Перфильевъ 32 р.

Изъ разбирательства всѣхъ трехъ дѣлъ выяснилось, что официанты въ ресторанѣ *Континенталь* не только не получаютъ отъ содержателя никакого жалованья за свой трудъ, но обязаны ежедневно сами уплачивать ему опредѣленную сумму. Мареевъ, Перовъ и Перфильевъ показали, что они платили г. Пинчеру ежедневно каждый по 50 к. и теперь эту сумму взыскивали съ него за все прожитое время. На вопросы мирового судьи они разъяснили, что эти деньги брались съ нихъ за могущую быть разбитою посуду, на вознагражденіе старшаго официанта или распорядителя, на уплату жалованья мальчикамъ, служащимъ въ ресторанѣ и мужику, занимающемуся чисткой ножей. Кромѣ того, всѣ они утверждали, что каждый изъ нихъ платилъ отдѣльно за разбитую посуду; независимо отъ этого установлены еще сборы съ официантовъ за скатерти и салфетки, за пробки, за машинки для обрѣзыванія сигаръ. Свидѣтель Мареевъ и бывшій официантъ того же ресторана Романовъ, вполне подтвердили все сказанное о порядкахъ въ ресторанѣ

Континенталь. Показанія же Перфильева были также подтверждены свидѣтелемъ Котляровымъ, который между прочимъ пояснилъ, что вся артель официантовъ (14—15 человекъ) ежедневно уплачивала: 4 р. 5 к. въ кассу ресторана въ пользу содержателя, 1 р. 50 к. распорядителю, 80 к. мальчикамъ, 30 к. мужику чистящему ножи и вилки. Оба свидѣтеля показали также что за разбитую посуду каждый разъ официанты платили отдѣльно, а равно за скатерти, салфетки и пробки.

Г. Пинчеръ не явился на судъ, его интересы защищалъ повѣренный г. Коганъ. Со стороны г. Пинчера явились четыре свидѣтеля, занимающіе разныя должности въ его ресторанѣ. Трое изъ нихъ согласно показали, что по установившемуся обычаю въ ресторанѣ *Континенталь* жалованья официанты не получаютъ, а уплачиваютъ содержателю по 15 к. ежедневно за бой посуды; при этомъ они должны на свой счетъ содержать старшаго официанта, мальчиковъ и мужика, которые исполняютъ работы за нихъ. Четвертый свидѣтель, кассиръ ресторана, показалъ, что онъ ежедневно получалъ въ кассу по 4 р. 5 к. съ официантовъ. На судѣ было высчитано, что при 15 официантахъ приходилось такимъ образомъ съ cadaго по 27 к. въ день. Деньги на содержаніе старшаго официанта, мальчиковъ и другой прислуги выдавались имъ на руки. Свидѣтели не отрицали, что за разбитую посуду вимались деньги отдѣльно.

Повѣренный г. Пинчера настаивалъ на отказѣ въ искѣ, ссылаясь на то, что официанты неосторожно обращаются съ посудой.

Мировой судья, разобравъ все три дѣла, и принимая во вниманіе, что никто не долженъ обогащаться на счетъ другого, на основаніи 81, 82, 102 и 129 ст. Устава Гражданскаго Судопроизводства, присудилъ

взыскать съ г. Пинчера въ пользу Мареева, Перова и Перфильева только тѣ деньги, которыя каждый изъ нихъ уплачивалъ въ кассу содержателя ресторана въ его пользу, съ разчетомъ по 15 коп. за каждый прожитой день, на основаніи свидѣтельскихъ показаній. Что касается денегъ, которыя выплачивались официантами распорядителю, мальчикамъ и другой прислугѣ, то мировой судья не нашелъ возможнымъ взыскать ихъ съ г. Пинчера, такъ какъ они не брались имъ въ свою пользу и упомянутыя лица исполняли работы за официантовъ.

Въ этой части иска всемъ тремъ лицамъ было отказано.

(Моск. Вѣд. № 344. 1897 года).

ПИСЬМО КЪ ИЗДАТЕЛЮ.

О положеніи официантовъ.

М. г.—Усердно прошу васъ дать мѣсто въ вашей уважаемой газетѣ нижеслѣдующимъ строкамъ.

Позвольте мнѣ сказать нѣкоторыя поясненія по поводу недавно разбиравшагося у мирового судьи дѣла официантовъ съ содержателемъ ресторана, о чемъ было сообщено въ № 344 *Московскихъ Вѣдомостей* за минувшій годъ. Будучи хорошо знакомъ съ порядками ресторана, о которомъ шла рѣчь при разбирательствѣ дѣла, я могу удостовѣрить, что ежедневно платилось и платится теперь официантами въ кассу ресторана 4 р. 5 к.; эта сумма была подтверждена кассиромъ, которому каждый день приходится принимать эти деньги. Число служащихъ въ ресторанѣ не превышаетъ 17 человекъ и не бываетъ менѣе 12, такъ что

среднее число официантовъ въ ресторанахъ составляетъ 15 человекъ. Раскладывая 4 р. 5 р. на это число, мы получимъ, что каждый официантъ платитъ содержанию ресторана по 27 к. Но этимъ взносомъ дѣло не ограничивается. Приходится платить еще распорядителю 1 р. 50 к., да служащимъ въ кабинетахъ 1 р., а всего 2 руб. 50 коп. Для возстановленія истинныя долженъ обратить особенное вниманіе на то, что одинъ рубль пятьдесятъ коп. уплачиваются нами не старшему официанту, а распорядителю ресторана: старшій официантъ только собираетъ деньги и передаетъ въ кассу или другимъ лицамъ, по заведенному порядку. Онъ никакой власти надъ своими товарищами не имѣетъ, являясь только первымъ между равными. Другое дѣло—распорядитель; онъ имѣетъ надъ официантами большую власть, повелѣваетъ ими какъ хочетъ, штрафуетъ и даже увольняетъ отъ должности. Нанимая распорядителя, хозяинъ не спрашиваетъ объ этомъ официантовъ, обязывая ихъ въ то же время платить ему жалованье. Хотѣлось бы знать, гдѣ еще существуютъ подобные порядки? Можетъ-быть, на этотъ вопросъ отвѣтятъ содержатели ресторановъ, обоготворяющиеся на счетъ своихъ служащихъ.

Вездѣ мы видимъ, что старшій и младшій служащій, а также простой рабочій получаютъ содержаніе отъ хозяина; а вотъ бѣдныхъ официантовъ обязываютъ платить не только самому хозяину, но и служащему его, поставленному слѣдить за ихъ работою; мало того, официанты ежедневно обязываются платить мальчикамъ, которые необходимы хозяину для посылокъ и другихъ мелкихъ дѣлъ, и, наконецъ, мужику, который чиститъ ножи. Послѣ всѣхъ этихъ поборовъ остается ожидать, что въ скоромъ времени официантовъ заставятъ платить поварамъ, прачкамъ и полотерамъ. И

въ настоящее время официанты крайне отягощены несправедливою данью хозяевамъ, распорядителямъ и пр.; только горькая нужда заставляетъ ихъ служить при такихъ условіяхъ. Къ счастью, официанты не потеряли надежды на улучшеніе своего положенія, путемъ какихъ-либо чрезвычайныхъ мѣръ.

Примите и пр.

(„Моск. Вѣд.“ № 8, 1898 года).

Одинъ изъ многихъ.

О чемъ говорятъ.

Есть-ли разница между „тунеядцемъ“ и „субъектомъ, просящимъ у васъ на чай“? спрашиваетъ меня одинъ читатель.

Кто изъ этихъ двухъ достоинъ больше презрѣнія? Вопросъ о „чаевыхъ деньгахъ“ дѣйствительно интересенъ и заслуживаетъ вниманія. Нигдѣ эти „подачки“ не доходятъ до такихъ гомерическихъ размѣровъ, нигдѣ онѣ не ложатся такъ тяжело на карманъ, какъ у насъ. О милостынѣ нишаго—я не говорю и не касаюсь этого вопроса, но о „подачкахъ на чай“ слѣдуетъ толковать и возможно чаще. Это до-нельзя деморализующая привычка! Сосчитайте, сколько даете вы ежедневно на чай за малѣйшую оказанную вамъ услугу. Какую сумму составляютъ эти монетки, отдаваемые вами „человѣку“ со сдачи, послѣ оплаты счета въ ресторанахъ, трактирахъ, въ увеселительныхъ садахъ и т. п. заведеніяхъ. Если вы сѣли за столъ съ пріятелемъ и истратили рублей 8 или 10, то рубль уже непременно переходитъ изъ вашего кармана въ карманъ услужливаго лакея.

Есть у меня на примѣтѣ одинъ знакомый, гдѣ-бы онъ ни сѣлъ, гдѣ-бы ни спросилъ (стаканъ чаю—онъ конечно, не спрашиваетъ) у него положеніе—два корбванца „на чай“.

Этою бессмысленною щедростію никто такъ не возмущается, какъ иностранцы. И—понятно, за границей даютъ 2—3 су, maximum—10 су (полфранка). Вамъ такъ и сдачу приносятъ тамъ и въ числѣ серебряныхъ монетъ вы всегда увидите нѣсколько мѣдныхъ, предназначенныхъ для отдачи „на чай“. Это французскій „pour boire“ и нѣмецкій „bringeld“.

* * *

Возвращаюсь къ первоначально поставленному вопросу.

Оборванецъ, голодный нищій, за прошеніе милостыни въ первый разъ подвергается „аресту при тюрмѣ на 15 дней“! Это что-нибудь да значитъ, согласны?

Но нищій просить на хлѣбъ, онъ ничѣмъ не обезпеченъ, онъ не знаетъ, гдѣ будетъ даже ночевать сегодня.

Субъектъ, просящій „на чай“, имѣетъ квартиру, столъ, постоянный заработокъ, иногда даже деньженки про черный день и онъ все же, алчно глядя вамъ въ глаза, выклянчиваетъ двугривенные „за ваше здоровье“.

По закону—онъ нищимъ не считается и потому смѣлъ до наглости. Въ рѣдкомъ случаѣ—вы прогоните его за назойливость, а чаще всего дадите ему какую-нибудь монету, чтобы скорѣй отвязаться...

Я знаю лакеевъ и швейцаровъ,—пишетъ мой корреспондентъ возбудившій эту тему,—имѣющихъ отъ этихъ „чаевыхъ“ подачекъ каменные дома, дающихъ деньги

въ ростъ подъ огромные проценты. Пора-бы какъ-нибудь оградить обывательскій карманъ отъ постоянного на него нападенія!“...

Мой совѣтъ: надо перестать корчить изъ себя мотовъ и не бросать деньги на вѣтеръ...

(„Русск. Лист.“ № 199 1899 года).

МОСКОВСКІЕ ОФИЦІАНТЫ.

(Письмо къ издателю).

М. Г. — Прошу васъ удѣлить мѣсто нижеслѣдующимъ строкамъ:

Въ № 199 *Русскаго Листка* въ статьѣ г. Ивика приводится сравненіе между офиціантами и нищими, причемъ послѣднимъ отдается даже преимущество. Нищій, дескать, просить на хлѣбъ, онъ ничѣмъ не обезпеченъ, онъ не знаетъ, гдѣ будетъ даже ночевать; офиціантъ же, просящій на чай, имѣетъ квартиру, столъ, постоянный заработокъ, иногда даже денежки про черный день и онъ все же алчно, глядя вамъ въ глаза, выклянчиваетъ двугривенный за ваше здоровье. Я знаю лакеевъ и швейцаровъ, — писалъ авторъ, — имѣющихъ отъ этихъ чаевыхъ подачекъ каменные дома, дающихъ деньги въ ростъ подъ огромные проценты.

Со своей стороны, служа болѣе 25 лѣтъ въ качествѣ офиціанта, не могу не возразить на эти оскорбительныя нареканія.

Прежде всего между нищими и прислугой есть та большая разница, что послѣдніе живутъ трудомъ. Работа прислуги—это трудъ, а не тунеядство. А между тѣмъ положеніе такого рабочаго человѣка крайне не-

завидно. Квартыры офиціантамъ нигдѣ не дается. Стола въ лѣтнихъ садахъ, въ театральныхъ буфетахъ и клубахъ прислугѣ также не дается. Въ ресторанахъ столъ даютъ, но въ большинствѣ за его взимають 20 к. за харчи. При этомъ постоянного заработка офиціанты не имѣютъ и пользуются лишь тѣмъ, что получаютъ отъ щедротъ публики. Я знаю сотни офиціантовъ, но ни одного не знаю, чтобы кто имѣлъ каменные дома, за исключеніемъ одного, который имѣетъ гдѣ-то въ Марьинской слободкѣ какую-то хибарку, но не каменный домъ.

Г. Ивикъ всѣхъ московскихъ офиціантовъ рисуетъ самыми мрачными красками, называетъ наглыми и т. п. Было бы справедливѣе вспомнить, на какихъ условіяхъ служатъ московскіе офиціанты.

1) Они вносятъ денежные залого; 2) они не только не получаютъ жалованья, а должны сами уплачивать ежедневно хозяину отъ 20 до 50 коп.; 3) во многихъ ресторанахъ съ нихъ берется 20 коп. за харчи; 4) они обязываются отвѣчать за неоплаченные счета посылителей; 5) они же должны платить хозяйскимъ служащимъ, распорядителю, мужику, судомойкѣ, мальчику и т. п. и 6) они же выносятъ безпощадные штрафы и разные спеціальныя поборы.

Теперь я спрашиваю, гдѣ и откуда все это брать? А вѣдь, кромѣ того, и самому ѣсть, пить надо, нужна квартира, стирка бѣлья, необходимы сорочки, служебный костюмъ, обувь: — все это должно быть въ приличномъ видѣ. Большинство изъ нихъ связаны съ родною деревней. Въ деревнѣ жена, дѣти, престарѣлые отецъ и мать, братъ на военной службѣ—все это просить помощи; нужно уплатить оброкъ, земскія повинности, крестьянскіе сборы и т. п.

Все это приходится покрывать подарками публики.

Итакъ, вмѣсто упрековъ за исканіе этихъ подачекъ, справедливѣе было бы поднять рѣчь о совершенно иномъ. Слѣдовало бы содержателей ресторановъ, гостинницъ, буфетовъ и кофеенъ обязать платить жалованье прислугѣ и лишь тогда будетъ возможно ослабить обычай давать „на чай“, для публики убыточный, а для прислуги составляющій источникъ многихъ униженій.

Вотъ о чемъ я посовѣтывалъ бы г. Ивику подумать, а для этого сначала хорошенько узнать условія жизни московскихъ офиціантовъ.

Примите и проч.

Презній.

(„Моск. Вѣд.“ № 231, 1899 года).

О чемъ говорятъ.

Нѣсколько словъ, сказанныхъ по поводу подачекъ „на чай“, вызвали цѣлый рядъ писемъ, адресованныхъ мнѣ. Тѣ, которые вынуждены платить этотъ непріятный и тяжелый налогъ — вполне согласны съ ранѣе высказаннымъ мною взглядомъ. Тѣ-же, кто пользуется этими подачками, въ десяткахъ писемъ выражаютъ свои протесты, не лишены известной доли основательности. Въ концѣ-концовъ, — жалобы ресторанной и трактирной прислуги на свое положеніе, — вполне справедливы въ такой-же степени, какъ и жалобы публики...

Вопросъ о положеніи этихъ жалобщиковъ, которыхъ въ Москвѣ находятся тысячи, если не десятки тысячъ, давно слѣдуетъ поднять какъ въ интересахъ публики, такъ въ интересахъ цѣлаго полчища офиціантовъ, половыхъ, лакеевъ и т. д. и т. д. Этотъ тру-

дѣйствіе люде находится въ вѣчной эксплуатаціи у хозяевъ, не только не платящихъ прислугѣ ни гроша жалованья за ихъ подчасъ 16 часовую работу, но облагающихъ официантовъ еще разными поборами.

Содержатели буфетовъ берутъ съ официантовъ денежные залогі; съ каждаго стола, за которыми они прислуживаютъ, взимаютъ ежедневно отъ 20 до 50 коп.; во многихъ ресторанахъ взимается еще 20 к. за харчи, взимается также еще за мойку бѣлья, взимается за битую посуду; въ нѣкоторыхъ ресторанахъ официантъ отвѣчаетъ за неоплаченный счетъ посетителя. Не пренебрегаютъ еще специальными поборами все съ тѣхъ-же самыхъ официантовъ и стоящіе надъ ними распорядители. Не свободенъ официантъ также и отъ разныхъ штрафовъ.

Не получая жалованья, этотъ несчастный и обираемый хозяевами люде, обязанъ одѣваться опрятно, имѣть чистое бѣлье, содержать себя и свою семью, т.-е. платить за квартиру все изъ тѣхъ-же „чайныхъ“, которыя, скрѣпя сердце, выплачиваетъ посетитель и противъ которыхъ, безспорно, опять таки совершенно справедливо вопіетъ вся публика. Такому ненормальному положенію долженъ быть положенъ конецъ. Прислуга—не парій, держать ее въ нищенскомъ положеніи хозяева не должны...

* * *

Сама, собственными усиліями, армія ресторанной прислуги не въ состояніи выбиться изъ этого кабальнаго, унижающаго человѣческое достоинство, положенія. Тутъ необходимо вмѣшательство власти, изданіе обязательныхъ правилъ, регулирующихъ взаимныя отношенія содержателей буфетовъ и прислуги.

Изъ множества полученныхъ мною писемъ, написанныхъ очень дѣльно, считаю небезынтереснымъ привести слѣдующую выдержку:

„Хозяйская изобрѣтательность по части эксплуатаціи насъ не знаетъ предѣловъ, такъ что заработокъ официантовъ сводится къ минимуму. Прежде хозяева платили жалованье по 5 руб. въ мѣсяць, потомъ стали его уменьшать, а теперь уже—мы служимъ даромъ, уплачиваемъ всевозможные хозяйскіе поборы и все это изъ того, что намъ даютъ „на чай“. Помимо того, что намъ нужно ѣсть, одѣваться, у каждаго изъ насъ существуетъ семья, родные въ деревнѣ, старые отецъ и мать, братъ на военной службѣ, требующій помощи, сестра, которую нужно выдать замужъ. Мы платимъ крестьянскіе сборы, земскія повинности и т. д. Скажите, пожалуйста, можетъ-ли хватить на все это тѣхъ подачекъ, которыя мы получаемъ отъ посетителей. Волей-неволей, нашъ братъ вынужденъ при такихъ условіяхъ пускаться на неблаговидные поступки, идти въ сдѣлку съ совѣстью, чтобы заплатить ежедневную хозяйскую подать, и выручить что-либо для себя. Не станемъ этого дѣлать—куда идти?“

„Хорошо-ли съ точки зрѣнія общественной нравственности существованіе цѣлаго класса рабочихъ людей, у которыхъ вся жизнь возведена въ систему сдѣлокъ съ совѣстью? Иной, быть можетъ, и радъ-бы оставаться честнымъ, иной скорбитъ отъ того, что онъ принужденъ затаивать гривенники или же выпрашивать ихъ себѣ. Но... перспектива голода... Вѣдь—не родились-же мы официантами со всеми присущими этому званію „достоинствами!“

„Эти гнетущія думы, повѣрьте, не покидаютъ насъ и тогда, когда мы съ веселою улыбкой прислуживаемъ господамъ“.

„Съ 10 — 11 лѣтъ деревенскій мальчикъ отдается въ эту суровую и гадкую житейскую школу официантской профессіи. Съ 10 лѣтъ онъ начинаетъ, подъ наблюденіемъ своихъ опытныхъ собратьевъ, приучаться къ обману и къ тому, чтобы разными способами зашибать въ свою пользу копѣйку. При такихъ условіяхъ, отъ прежняго деревенскаго мальчика, не испорченнаго и честнаго, разумѣется, вскорѣ не остается и слѣда.“

„Попросите-же власть имущихъ придти къ намъ на помощь...“

Картинка, нарисованная человѣкомъ, принадлежащимъ къ этому забытому обществомъ „сословію“, дѣйствительно безотраднa.

(„Русскій Листокъ“ № 209, 1899 г.).

НАВРОСКИ.

Кажется, что можетъ быть проще и легче для человѣка всегда быть человѣкомъ, и только человѣкомъ?

Однако-жъ, есть человѣкъ и „человѣкъ“.

Въ первомъ случаѣ—это святѣйшее изъ званій, которымъ далеко не всѣ люди награждаются; во-второмъ—нарицательное имя, чуть не ругательная кличка для громаднаго класса людей, носящихъ бѣлый галстукъ и перчатки. Въ нихъ ужъ не предполагается присутствія духовнаго начала, это просто—порода людей-животныхъ.

Это глубокое противорѣчіе не поражаетъ насъ въ силу своей обыденности, не поражаетъ даже то обстоятельство, что съ преуспѣяніемъ цивилизаціи классъ этотъ растетъ и растетъ...

Москва въ особенности изобилуетъ этого рода „человѣками“, „официантами“, какъ они называютъ себя. Здѣсь ихъ десятки тысячъ разсованы по сотнямъ ресторановъ и трактировъ.

* * *

Одинъ изъ этихъ „человѣковъ“ обратился къ намъ съ письмомъ, въ которомъ излагаетъ всю неприглядность жизни этого класса людей.

Авторъ самъ сознается, что учился онъ на „ломаные гроши“, „постигши мудрость грамоты самоучкой“.

При всемъ томъ письмо это, по-своему, красиво и глубоко-содержательно. Очевидно, гнетущія думы не покидали автора и тогда, когда онъ съ равнодушнымъ, по наружности, видомъ служилъ „господамъ“.

Съ 10—11 лѣтъ деревенскій мальчикъ отдается въ эту „суровую житейскую школу официантской профессіи“; съ десяти лѣтъ онъ начинаетъ, подъ наблюденіемъ опытныхъ собратьевъ, приучаться къ попрошайничеству, обману и другимъ способамъ „отшибить“ въ свою пользу копѣйку, двѣ...

Къ 18 годамъ онъ уже становится самостоятельнымъ отшибателемъ, уже не „мальчикомъ“, а „человѣкомъ“, нахальнымъ, дерзкимъ попрошайкой, ловкимъ обманщикомъ, способнымъ войти въ какую угодно сдѣлку съ совѣстью, лишь бы „стянуть“ съ посѣтителя лишній двугривенный.

Въ погонѣ за этимъ двугривеннымъ онъ готовъ перетерпѣть всякія издѣвательства надъ своей личностью, плюйте ему въ глаза — онъ только утрется и попроситъ на чаекъ; бейте его по „мордѣ“, ругайте его площадной бранью—онъ приметъ это какъ должное и не скажетъ ни слова въ ожиданіи все того же двугривеннаго...

Это манекень челоѣка, обряженный во фракъ, бѣлый галстукъ и бѣлыя перчатки, манекень, съ наружностью челоѣка, но безъ личности, съ душой, вѣчно находящейся въ пяткахъ, съ затаеннымъ дыханьемъ, со взоромъ неизмѣнной ласковости, почтенія, заискиванья и безпредѣльнаго нахальства...

Манекень этотъ съ глубокимъ поклономъ раскроетъ передъ вами двери, если вы дадите ему на чаекъ, и онъ же проводитъ васъ злымъ, дерзко-нахальнымъ взоромъ, если не получить обычной подачки...

Однимъ словомъ, это и есть настоящій „лакей“ по профессіи.

Но вѣдь не родятся же эти люди лакеями со всеми присущими этому званію достоинствами?

И не пребываютъ же они въ состояніи невмѣняемости, не сознавая всѣхъ гадостей лакейства?

Что же заставляетъ этихъ людей нести на себѣ личину въ теченіе 17-ти часовъ въ сутки, перебѣгая отъ стола къ столу съ одной неизмѣнной, заискивающей улыбкой, затаивъ въ то же время тамъ, въ далекомъ уголкѣ сердца, слезы и стыдъ своего званія?

Заставляетъ это дѣлать, какъ выражается нашъ авторъ, „царь-голодъ“. „Этотъ царь беспощаденъ“. Онъ заставляетъ личность входить во всѣ ея компромиссы съ совѣстью.

Прежде всего эти люди связаны съ родной деревней семейными и податными цѣпями. Семья гонитъ ихъ съ молодыхъ лѣтъ на чужбину, во-первыхъ, съ тѣмъ, чтобы освободиться отъ лишняго рта, а, во-вторыхъ, въ чаяніи найти себѣ поддержку въ денежныхъ расходахъ по хозяйству, т. к. земля денегъ не даетъ.

И вотъ они идутъ и дѣлаются „лакеями“, „мальчишками“, „офиціантами“, „швейцарами“, однимъ словомъ, „людьми“ въ ковычкахъ.

Начинается трудовая жизнь на себя, на семью и на хозяина... Но далеко не въ равныхъ пропорціяхъ.

Прежде, напр., рестораторы платили офиціантамъ жалованье и давали столъ; затѣмъ оставили только столъ безъ жалованья, потомъ отняли и то и другое, наконецъ, дошли до идеи брать въ свою пользу съ каждаго офиціанта по 30—50 к. въ день за „услуги“ и по 20 к. за столъ.

Мало того, нѣкоторые московскіе рестораторы дошли до виртуозности въ своихъ поборахъ съ офиціантовъ: берутъ на жалованье распорядителю, прачкамъ, мужику кухонному, даже за доставку льда на хозяйскій ледникъ. Что-же это выходитъ?

Представьте, что въ одномъ большомъ ресторанѣ 150 челоѣкъ офиціантовъ. Если каждый изъ нихъ уплачиваетъ хозяину по 30 к. за „услуги“ и по 20 к. за „харчи“, то это выйдетъ 75 р. въ день, а кромѣ того бесплатный трудъ 150 челоѣкъ. Скажите, пожалуйста, откуда эти 75 р. и этотъ трудъ, должны получиться? Ну, конечно, съ посѣтителей, съ публики. Съ публики же должны получиться всѣ эти чистенькіе фраки, бѣлые галстуки и весь лакейскій видъ; публикой же должны удовлетворяться и подати въ деревню, и другія денежныя потребности. Какъ же при такихъ условіяхъ можно оставаться челоѣкомъ, не потерять свою личность и не стать „челоѣкомъ“ въ ковычкахъ?

И они дѣлаются ими, дѣлаются вопреки своей природѣ и къ ужасу своему знаютъ это и плачутся всю жизнь.

Прочтите эти трогательныя строки нашего автора о своихъ собратяхъ офиціантахъ:

„Они кричатъ о помощи на каждой улицѣ, переулкѣ, кресткѣ, переулкѣ, но никто не отзывается на ихній

воплъ... неужели они такъ малы и ничтожны, что не заслуживаютъ никакой защиты? Они такіе же люди, какъ и всѣ, и ничто человѣческое имъ не чуждо, а между тѣмъ имъ не рѣдко приходится завидовать животнымъ, у которыхъ есть общество покровительства.

Гдѣ же тутъ человѣчество, куда же дѣвалось человѣколюбіе? Такъ-ли поучаетъ Спаситель міра и Его святое Евангеліе?"

Этотъ вопль истерзанной души раздается скорбнымъ упрекомъ по адресу нашей интеллигенціи.

Само собой разумѣется, необходимо исправить бѣду. Съ одной стороны, нужно позаботиться объ уничтоженіи той отвратительной двойной эксплуатаціи, которую позволяютъ себѣ рестораторы по отношенію къ публикѣ и служащимъ, а съ другой — нужно объединить эти десятки тысячъ „людей“ въ какое-нибудь общество взаимопомощи, на подобіе другихъ, такихъ же, гдѣ бы они могли защищать свои нужды и интересы вполне легально и для себя осязательно.

Починъ въ разрѣшеніи этихъ вопросовъ могла бы взять на себя городская дума.

Нерез.

(„Курьеръ“ № 152. 1899 года).

Очерки и картинки текущей жизни.

Горе-злосчастіе трактирныхъ „валетовъ“. — Безпощадная эксплуатація ихъ хозяевами. — Изъ писемъ моихъ случайныхъ корреспондентовъ.

Половые, официанты, „валеты“ нашихъ трактировъ, рестораторовъ, различныхъ увеселительныхъ мѣстъ, лѣтнихъ садовъ, и такъ далѣе, ждуть и не дождутся снисходительной улыбки капризной и непостоянной

въ своихъ симпатіяхъ судьбы. Въ прошломъ году она сдѣлала было видъ, что хочетъ смягчиться и по отношенію къ обездоленнымъ „валетамъ“, но остановилась на полдорогѣ. Въ прошломъ году у мировыхъ судей Москвы былъ возбужденъ цѣлый рядъ гражданскихъ дѣлъ по взысканію трактирными служителями съ держателей трактировъ неправильно удержанныхъ послѣдними у первыхъ денегъ.

Поводомъ къ искамъ служилъ заведенный московскими трактиросодержателями, очень удобный для нихъ, обычай съ одного вола не то что двѣ, а три шкуры драть. Принимая „валетовъ“ на службу, трактиросодержатели берутъ съ нихъ, во-первыхъ, денежные залого; во-вторыхъ, не только не платятъ имъ жалованья, но и въ-третьихъ, обязываютъ ихъ ежедневно вносить по двугривенному на возмѣщеніе будто бы убытка, какой можетъ произойти отъ порчи или утраты посуды и столоваго бѣлья. Не правда ли — оригинальный способъ вознагражденія за трудъ?! Хозяинъ не только ничего не платитъ трудящемуся, но еще и съ него получаетъ ежедневную мзду. При такихъ условіяхъ наемъ самъ по себѣ является очень выгодною аферой. Есть трактиры и лѣтніе сады, въ которыхъ число „валетовъ“ достигаетъ 150-ти. Если хозяинъ беретъ съ каждаго изъ „валетовъ“ только по 30 руб. залога, то въ общемъ онъ устраиваетъ себѣ безпроцентный и безсрочный заемъ въ 4,500 руб. и сверхъ того имѣетъ ежедневнаго дохода, по 20 к. съ 150 человѣкъ, по 30 руб. При этомъ онъ пользуется еще бесплатно трудомъ 150-ти человѣкъ. Недурная афера! „Валетамъ“ же представляется добывать средства къ существованію для самихъ себя и для своихъ семей посредствомъ выпрашиванія „на чаекъ“. Правда, „валетамъ“ дается отъ хозяевъ „столь“, „харчи“, но если

Сборн. пис. и статей.

бы санитарный надзор полюбопытствовалъ когда-либо заглянуть въ „столовую“ для „валетовъ“ въ любомъ изъ московскихъ трактировъ, то онъ, конечно, призналъ бы и „столовую“ и „харчи“ годными для псовъ, для свиней, но никакъ не для людей.

Ко всему этому надо прибавить, что „валеты“ во многихъ трактирахъ, пользующихся правомъ поздней торговли, работаютъ, находясь все время на ногахъ по 17¹/₂ часовъ въ сутки... Это фактъ, который я могу въ случаѣ необходимости, доказать прямымъ указаніемъ на тѣ трактиры, въ которыхъ люди изнуряются столь продолжительнымъ трудомъ въ самыхъ притомъ неблагоприятныхъ въ санитарномъ отношеніи условіяхъ.

Со всѣмъ этимъ „валеты“ поневолѣ мирятся, терпятъ и молчатъ, молчатъ и терпятъ. Къ этому ихъ вынуждаетъ „царь“, о которомъ пѣвецъ скорби народной говорилъ:

„Въ мірѣ есть царь. Этотъ царь безпощаденъ.

„Голодь—название ему!..“

Всему, однако, есть предѣлъ. Въ прошломъ году наступилъ предѣлъ и долготерпѣнію трактирныхъ „валетовъ“. По почину „валетовъ“ изъ ресторановъ „Ливорно“, „Венеція“, и „Петергофъ“ многіе изъ нихъ обратились къ мировымъ судьямъ съ протестами противъ обложенія ихъ въ пользу хозяевъ двадцати-копѣчнымъ поборомъ. Всѣ исковыя прошенія гласили одно и то же:

„Служилъ я, такой-то, въ такомъ-то ресторанѣ и бралъ съ меня хозяинъ ежедневно по двугривенному на случай порчи, либо утраты посуды и столоваго бѣлья. А такъ какъ хозяинъ ничѣмъ не можетъ доказать, что таковая порча, либо утрата произошла, и не произошла, то по моей именно винѣ, то я прошу

покорнѣйше понудить хозяина къ возврату внесенныхъ мною двугривенныхъ за все прослуженное мною время“.

Коротко, ясно и вразумительно настолько, что мировые судьи въ большинствѣ случаевъ полностью удовлетворяли требованія истцовъ, трактирщикамъ пришлось сильно раскошелиться. Двугривенныхъ было собрано много, изъ нихъ цѣлыя „суммы“ составлялись; курочки по зернышку клевали, а затѣмъ имъ пришлось разомъ возвратить все наклеванное. Но... подѣломъ вору и мука.

Послѣ такого „реприманда“, для трактирщиковъ неожиданнаго и огорчительнаго, можно было ожидать, что они поумѣрятъ свои аппетиты, и что положеніе „валетовъ“ нѣсколько улучшится. Не тутъ-то было. Я постоянно получаю письма отъ служителей въ разнообразныхъ трактирныхъ и увеселительныхъ заведеніяхъ, просто умоляющихъ меня „предать гласности“ ихъ горькое житье-бытье. Писаны они по большей части людьми, учившимися, какъ говорится, на ломаные гроши, постигшими мудрость грамоты самоучками, но сколько искренности въ этихъ полуграмотныхъ письмахъ, какъ живо они передаютъ вопль наболѣвшаго сердца, безвыходность положенія, горечь переносимой обиды и сознание своей беспомощности! Въ одномъ письмѣ мой неизвѣстный корреспондентъ описываетъ положеніе официантовъ въ нашихъ лѣтнихъ театрахъ-садахъ.

Всюду по прежнему въ нихъ практикуется система залоговъ, бесплатнаго труда официантовъ и „контрибуція“ — какъ выражается мой корреспондентъ — по 20 к. съ человѣка. Въ одномъ саду залогъ опредѣленъ въ 40 руб., въ другомъ — въ 25 р. и въ третьемъ — 20 р. — „А гдѣ взять эти деньги? — пишетъ официантъ: —

нѣсколько мѣсяцевъ сидѣли мы безъ дѣла, обносились, задолжали. Собрали послѣдній домашній скарбъ, заложили и внесли залогов... Недѣли двѣ работали по уборкѣ садовъ, возились въ грязи, въ землѣ копались... Кромѣ залога нужно еще кое-кому подарить пятерку, а то и красненькую, иначе мѣста не получишь, а то получишь, да на другой или третій день къ чему-нибудь придерутся и прогонять..." Одинъ изъ антрепренеровъ театра-сада, самъ прошедшій суровую житейскую школу, пожелалъ какъ-то узнать, кому именно и кто именно изъ афиціантовъ давалъ „подарки“; собралъ всѣхъ служащихъ, спросилъ ихъ. — „Понятно“, — пишетъ мой корреспондентъ, — никто не признался, а то отъ него осталось-бы только одно воспоминаніе“.

Другой офиціантъ сообщаетъ мнѣ, что при буфетѣ на вокзалѣ Московско-Брестской желѣзной дороги офиціанты работаютъ безъ отдыха по 18½ часовъ въ сутки, съ 6 часовъ утра до 12½ ночи; въ теченіи этого времени получаютъ только обѣдъ, состоящій изъ однихъ щей; ужина не имѣютъ.

Третій корреспондентъ завидуетъ животнымъ. — „Для нихъ, — пишетъ онъ, — есть общества покровительства, а за насъ, людей, некому заступиться...“

Замѣчательно, что всѣ офиціанты чрезвычайно тяготятся нравственною стороною того положенія, въ которое ставятъ ихъ хозяева. — „На насъ, — пишетъ одинъ изъ нихъ, — постоянно жалуются, что мы обчитываемъ гостей, выпрашиваемъ на чаекъ. Да что же намъ дѣлать? Залогъ дай, 20 коп. въ день дай; жалованья никакого; всегда нужно быть чисто одѣтымъ; фракъ, бѣлье, а дома семья, дѣти малыя... Какъ тутъ быть?“..

И, дѣйствительно, какъ тутъ быть офиціанту? Хозяева сами ставятъ ихъ въ такое положеніе, что они рискуютъ съ голоду умереть вмѣстѣ со своими семьями, если не будутъ назойливы въ выпрашиваніи на чаекъ, если не будутъ входить въ сдѣлки съ совѣстью, — обчитывать гостей. Иной, быть можетъ, и радъ-бы оставаться честнымъ человѣкомъ; въ иномъ душа, какъ говорится, переворачивается, когда онъ затаиваетъ гривенники, или выпрашиваетъ ихъ, но страхъ передъ тѣмъ же беспощаднымъ царемъ-голодомъ заглушаетъ и стыдъ, и совѣсть, и сознание своего человѣческаго достоинства.

Но позволительно-ли, съ точки зрѣнія общественной нравственности, такое положеніе трудящихся людей, при которомъ вознагражденіе за трудъ получается лишь путемъ постоянныхъ, возведенныхъ въ систему, сдѣлокъ съ совѣстью, путемъ плутней и попрошайничества? Вѣдь, въ Москвѣ офиціантовъ, половыхъ тыщи, десятки тысячъ. Вѣдь, въ общемъ, они составляютъ громадную массу трудящагося люда. Не слѣдуетъ ли и эту массу поставить подъ покровительство спеціального закона подобно тому, какъ это сдѣлано уже относительно представителей другихъ отраслей труда!..

В. Горданъ.

(„Русское Слово“ № 217. 1898 года).

„На чаекъ бы съ вашей милости“...

„Засѣдающій въ Берлинѣ конгрессѣ нѣмецкихъ кельнеровъ объявилъ войну международно-лакейскому: „на чаекъ“...“

Русскій Листокъ.

Существуетъ восточная легенда... Создавалъ Аллахъ людей. Создалъ грека, нѣмца, француза, британца, китаецъ; каждый изъ нихъ откланивался и удалялся, куда ему было предписано.

Послѣднимъ Господь создалъ русскаго человѣка.

Этотъ стоитъ, не уходитъ... только затылокъ почесываетъ.

— Чего тебѣ еще?—спрашиваетъ у него Аллахъ..

— На чаекъ бы съ вашей милости... — отвѣтилъ всегда и во всемъ вѣрный себѣ русскій человѣкъ.

Съ тѣхъ поръ и пошли въ ходъ требованіе и подачка на чаекъ, перешедшія въ настоящее время въ контрибуцію, въ обязательный налогъ, для многихъ непосильный и обременительный.

По крайней мѣрѣ, повсюду въ Россіи, особенно же у насъ, въ Москвѣ, культъ „чаевыхъ“ перешелъ уже всякую границу, благо мы и во всемъ остальномъ придерживаемся лишь однѣхъ крайностей и не вѣдаемъ, такъ-называемой, золотой, уравнивающей середины.

Московское „на чаекъ“ не имѣетъ ничего общаго съ западно-европейскими Trinkgeld'ами и pour boir'ами.

Тамъ вы даете „на чай“ непосредственно прислуживающему вамъ человѣку, но при этомъ даете нѣсколько грошей (большей частью 2—3 копѣйки, иногда—5 рѣдко, и это maximum—10 копѣекъ), и слышите отъ него безконечный рядъ благодарностей и всякихъ благопожеланій.

Разумѣется, за-границей вы никогда не дадите „на чай“ лакею или официанту „красненькую“ или двадцатипятирублевку, потому что за-границей вы никогда не осмѣлитесь избить этого самого лакея или вымазать горчицей физиономію официанта.

За-границей вы не можете требовать отъ прислуживающихъ вамъ людей „уваженія и преданности“ и слѣпое повиновенія всему, чего ваша нога желаетъ— въ зависимости отъ того, сколько вы въ состояніи выбросить на чай.

Да и „выбросить“ вы не посмѣете, если не желаете нарваться на крупную дерзость. Какой-нибудь берлинскій кельнеръ, который лишь нѣсколько минутъ назадъ рассказывалъ вамъ о дебатахъ въ послѣднемъ засѣданіи рейхстага, всегда удовлетворяется предложенными ему затѣмъ 3—4 пфенигами (1½—2 копѣйки) и откажется отъ презрительно выброшеннаго рубля.

Наконецъ, какъ вы могли прочесть въ заголовкѣ настоящаго повѣствованія, нѣмецкіе кельнеры рѣшили, что и практикующаяся система подачекъ „на чай“ не соотвѣтствуетъ ихъ сознанію своего собственнаго достоинства.

Достоинства людей, по природѣ одинаково равныхъ: и человѣка, безъ значка, и „человѣка“ съ нумераціей въ петлицѣ.

Нѣмецкіе кельнеры желаютъ получать отъ хозяевъ соотвѣтствующее ихъ трудамъ, опредѣленное жалованье, чтобы только не зависѣть отъ каприза того или другого посѣтителя, а главное—не считать себя предъ ними обязанными за эти самыя произвольныя подачки.

Отцѣпивъ свой номерокъ и снявъ передникъ, берлинскій кельнеръ, внѣ своихъ служебныхъ обязанностей, подсядетъ за вашъ столъ, потребуетъ себѣ тоже

пива, что вы пьете, будетъ читать тоже газеты и журналы... Въ это время онъ уже не „человѣкъ“, а такой-же, какъ и вы, равноправный гражданинъ своего отечества.

Да вы это и сами чувствуете и сознаете... Вотъ почему на Западѣ война, объявленная международно-лакейскому: „на чаекъ“ нѣмецкими кельнерами, и можетъ увѣнчаться побѣдой послѣднихъ.

Другое дѣло у насъ, гдѣ, несмотря на самую настоятельную необходимость, никакое урегулированіе въ этомъ отношеніи немыслимо.

Въ Москвѣ вся тяжесть вины падаетъ не на тѣхъ, которые просятъ „на чай“, а которые даютъ „на чай“.

Происходитъ это отъ многихъ причинъ. Вслѣдствіе чрезвычайнаго развитія въ Москвѣ трактирной жизни, вслѣдствіе разнузданности широкой, московской натуры и обилія лицъ, живущихъ на счетъ общественной глупости и не знающихъ настоящей цѣны деньгамъ.

Особенно-же отъ того, что нигдѣ, какъ въ Москвѣ, такъ мало не развито уваженіе къ своей и, *es ipso*, — къ чужой личности.

Сознаніе, что рупь-цѣлковый можетъ искупить всякую неловкость, включительно до поврежденія скулъ и реберъ у принужденнаго, волею судьбы и стеченіемъ обстоятельствъ, служить вамъ человѣка, создало культъ „на чаекъ“ въ той степени, въ какой его теперь приходится наблюдать въ Москвѣ.

— Чэ-экъ!! — обращаетесь вы къ равному вамъ человѣку и видите въ немъ скотину, раба, обязаннаго безпрекословно подчиняться вашей волѣ.

Для васъ онъ только „чэ-экъ“, даже не „человѣкъ“.

Человѣкъ, хотя-бы и въ кавычкахъ, все-же имѣетъ извѣстный смыслъ. А презрительное „чэ-экъ“ — кличка,

какъ доказательство того, что вы не признаете человѣка въ прислуживающемъ вамъ „человѣкѣ“.

Малѣйшая неточность, неисполненіе вашего сумасброднаго желанія или каприза, — въ морду, бутылкой по головѣ, градъ отборнѣйшихъ ругательствъ и въ заключеніе — щедрая подачка.

— Цѣни, молъ, и чувствуй, каковъ, я есть!

Человѣкъ, обращающійся съ официантомъ на „вы“, вѣжливо просящій его принести того, другого, третьяго и затѣмъ оставляющій на тарелкѣ пятакъ или гривенникъ, — „не баринъ, а такъ... прощальга, одно слово: тьфу“.

И тунеядецъ, прощальга, съѣздившій „человѣку“ въ морду и обозвавшій его недостойнымъ именемъ, — „ничего... хорошій баринъ. Хотя онъ и сердчастъ, за то и наградить“, разумѣется, если подачка „на чай“ выражается въ нѣсколькихъ рубляхъ.

Въ концѣ-концовъ, и у всякаго рода прислуживающихъ составился одинъ и тотъ же взглядъ на господь.

Давали-бы только побольше „на чай“, другими словами, — за здорово живешь, а тамъ пусть дѣлаютъ что имъ угодно.

Вы честно рассчитываете рабочаго, мастерового, извозчика, но каждый изъ нихъ не сочтетъ себя удовлетвореннымъ, если вы не дадите ему „на чай“.

За что? Про что? Никому неизвѣстно. Но такое положеніе вещей создано горстью лицъ, не знающихъ цѣны трудовой копѣйки.

Кто же виноватъ въ этомъ злѣ? Да вы же сами, милостивые государи, вы, которые такъ возмущаетесь лепетомъ этихъ назойливыхъ официантовъ, швейцаровъ и имъ подобныхъ.

Попробуйте не дать,—и жизни рады не будете. Но вѣдь для того, чтобы, если не искоренить, то хотя отчасти уменьшить это зло, именно не слѣдуетъ давать, совершенно игнорируя могущіе произойти вслѣдствіе этого результаты.

Х. З.

(„Рус. Лист.“ № 65. 1900 года).

Отголоски дня.

По понятію нашихъ Тить Титычей (подъ этой кличкой я разумѣю не однихъ купцовъ), зубы существуютъ не только для того, чтобы держать за нимъ языкъ, но и затѣмъ, чтобы бить ихъ.

Я получилъ письмо отъ нѣсколькихъ лицъ, простыхъ служащихъ, бывшихъ очевидцами возмутительнаго факта, о которомъ я изложу ниже.

Письмо написано безграмотно, изобилуетъ орфографическими погрѣшностями... но оно полно горечи и слезъ.

Простые и безхитростные русскіе люди задаютъ мнѣ вопросъ:

До какихъ поръ ихъ фізіономія будетъ служить мишенью для кулаковъ расхорившихся саврасовъ?

Герой описываемаго скандала — домовладѣлецъ. У него свои дома, свои лошади, которыхъ онъ любитъ, „какъ самого себя“, своя прислуга, которой, вѣроятно, больше достается, чѣмъ лошадямъ.

Развалившись послѣ сытнаго обѣда на мягкой тахтѣ, съ благовонною сигарою во рту, этомъ Тить Титычъ, конечно, поведетъ рѣчь „о нашей прислугѣ“.

И такая эта прислуга, и этакая, и еще вотъ какая.

— Ахъ, и не говорите; это наше больное мѣсто,— въ униссонъ замѣтитъ кто-нибудь.

— Но что же, что намъ дѣлать?—глубокомысленно спроситъ Тить Титычъ.

— Въ самомъ дѣлѣ: что же намъ дѣлать?—хоромъ повторяютъ собесѣдники.

Позвольте вамъ отвѣтить, милостивыя государыни и милостивые государи: быть настоящими господами, въ истинномъ смыслѣ этого слова, а не въ зависимости отъ размѣра вашихъ кулаковъ.

У хорошихъ господъ и прислуга хорошая. А Тить Титычи могутъ имѣть развѣ что хорошихъ лошадей.

Но вернемся къ герою нашего скорбнаго повѣствованія.

Мѣсто дѣйствія — буфетъ въ бѣговыхъ трибунахъ.

Тить Титычъ пожелалъ выпить бокаль-другой шампанскаго и подошелъ къ столику.

Офиціантъ почтительно доложилъ, что этотъ столикъ занятъ и предложилъ ему сѣсть за другой.

Какъ же поступилъ Тить Титычъ? Сѣлъ за предложенный столикъ?

Что вы, помилуйте! Такъ поступилъ бы человѣкъ простой, малокультурный.

Тить Титычи поступаютъ иначе...

Онъ набрасывается на офиціанта и начинаетъ его бить.

И ногами, и руками... и, въ видѣ апопексиса, схватываетъ офиціанта за уши и ожесточенно трясетъ ихъ до тѣхъ поръ, пока изъ ушей не брызнула кровь.

Тогда, „боясь запачкать манжеты“ своей бѣлоснѣжной сорочки, Тить Титычъ прекращаетъ истязаніе.

Несчастный, избитый офиціантъ покорно стоитъ, опустивъ руки по швамъ. Онъ доволенъ уже и тѣмъ, что баринъ не вышибъ ему глаза, нѣсколькихъ зубовъ...

Кровь льетъ у него изъ ушей, но онъ не смѣетъ протестовать, боясь навлечь на себя новое негодованіе.

Но Титъ Титычъ не можетъ успокоиться. Онъ проситъ немедленно уволить избитаго имъ офиціанта.

Уволить, т.-е. лишить человѣка и его семью средствъ къ существованію за то только, что онъ молча и покорно принялъ всѣ обрушившіеся на него удары...

Къ счастью для офиціанта, за него заступились и настояли на составленіи протокола.

Составили протоколъ. Мировой судья приговорилъ Титъ Титыча къ десятидневному аресту...

Вы скажете: инцидентъ исчерпанъ, чего же вамъ больше?

По моему, нисколько. Вы думаете, Титъ Титычъ сознаетъ всю дикость своего поступка, достойнаго первобытныхъ зулусовъ или обитателей острововъ Фиджи?

Онъ, видите-ли, считающій себя „бариномъ“, вѣроятно, только недоумѣваетъ, что какой-то „офиціантъ“ осмѣлился притянуть его къ суду.

Титъ Титычи не доросли до признанія грани, отдѣляющей право отъ беззаконія.

И свершивъ истязаніе чужой личности равнаго имъ человѣка, они даже не раскаиваются.

И до этого не доросли они.

Они попрежнему вѣрятъ въ магическую силу мелкой раздѣнной монеты и убѣждены, что все можетъ искупить всемогущій „рупъ-цѣлковый“.

„Господа“... но какіе же это господа?! И какъ тутъ опредѣлить, гдѣ кончается баринъ и гдѣ начинается лакей.

Можетъ быть, теперь рѣшеніемъ этого вопроса займется упомянутый мною Титъ Титычъ.

Вѣдь для обдумыванія этого вопроса у него имѣется цѣлыхъ десять дней... ареста, разумѣется. *Эрг.*

(„Моск. Лист.“ № 30. 1901 года).

Обо всемъ.

Заговорили о какихъ-то не то варшавскихъ, не то рижскихъ „человѣкахъ“, которые намѣрены, по образцу берлинскихъ, отказаться отъ подачекъ „на чайкъ“.

Они желаютъ получать плату за трудъ, а не подачки.

Наши московскіе „человѣки“ тоже въ послѣднее время что-то заворопились, пока ихъ не пришибла монополія.

Монополія вѣдь „поставила на ноги“ нѣсколько тысячъ трактирныхъ „шестерокъ“, а уцѣлѣвшихъ заставила съежиться.

Вопросъ о „человѣкахъ“ въ настоящую минуту одинъ изъ самыхъ сезонныхъ.

„Человѣки“ нашли себѣ не мало ярыхъ защитниковъ печати.

За нихъ стоятъ горой, обрушиваясь въ то же время на „господъ“.

„Человѣки“—жертвы, а господа—тираны.

Никто не хочетъ посмотрѣть на вопросъ, такъ сказать, съ философической точки зрѣнія — sine ira et studio.

Попробуемъ обратиться къ этой точкѣ зрѣнія.

Люди, какъ извѣстно, раздѣляются на человѣковъ и сверхъ-человѣковъ.

Функции ихъ строго разграничены природой.

Назначеніе сверхъ-человѣка—громовымъ голосомъ требовать себѣ водки и закуски.

А предназначеніе человѣка—подавать оное съ ба-летнымъ поклономъ и по возможности безъ шума.

Приятная улыбка, нѣжный шопотъ и робкое дыханіе отпущены природой человѣку безъ счета.

Сверхъ-человѣкъ награжденъ зато голосомъ устрашающаго діапазона.

Послѣ уничтоженія водки и закуски между сверхъ-человѣкомъ и человѣкомъ открывается новая сфера отношеній.

Задачей человѣка становится собрать какъ можно больше.

Задачей же сверхъ-человѣка — заплатить, какъ можно меньше.

Изъ столкновенія обоихъ противоположныхъ теченій рождается „на чай“.

Все равно, какъ изъ столкновенія двухъ противоположныхъ мнѣній рождается истина.

По юридической природѣ своей „на чаекъ“ есть уплата за услуги, гонораръ.

Но на практикѣ это — даръ.

Даръ, однако, весьма своеобразный, ибо онъ въ большинствѣ случаевъ бываетъ вынужденнымъ.

И даже размѣръ этого дара не является результатомъ вольнаго движенія души, потому что минимумъ его является строго опредѣленнымъ.

Не закономъ, правда, но чѣмъ-то едва ли не больше обязательнымъ, чѣмъ законъ.

Обычаемъ традицій, требованіями приличій.

На этомъ основаніи человѣкъ, получившій на чай съ нарушеніемъ традицій, справедливо показываетъ кукишъ въ карманѣ и восклицаетъ:

— Тоже баринъ!.. Шантрапа!.. А еще при тросточкѣ да при часахъ...

А сверхъ-человѣкъ, котораго традиція заставила дать больше, чѣмъ онъ бы желалъ, ворчитъ:

— Ну, прислуга!.. Каторжники какіе-то, золоторотцы.

И обѣ стороны взаимно недовольны другъ-другомъ.

По-моему, помирить человѣка со сверхъ-человѣкомъ — огонь и воду, ледъ и пламень — можетъ только компромиссъ.

Совершенно уничтожить „на чай“ и немыслимо, и несправедливо.

Всякая услуга должна оплачиваться, — въ томъ числѣ и человѣческая.

Если возложить оплату ея на хозяевъ, изъ этого толку не выйдетъ.

Хозяева либо обложить человѣка налогомъ, либо отыграются на карманѣ сверхъ-человѣка.

Ибо хозяинъ не замедлитъ накинуть пятачекъ на рюмку водки или урѣзать порцію ветчины.

Компромиссъ долженъ заключаться въ введеніи на услуги человѣковъ извѣстнаго рода таксы.

Какъ, на примѣръ, въ Парижѣ, гдѣ „пурбуаръ“ составляетъ обыкновенно десять процентовъ съ суммы счета.

Если вы пьете шампанское и ликеры, вы платите, естественно, больше, чѣмъ если вы скромно обѣдаете.

Никому не возбраняется, конечно, жертвовать въ пользу „человѣчества“ больше таксы, но зато и „человѣчество“ не обижается, когда получаетъ на чай два мѣдныхъ су.

Гамлетъ.

„Русское Слово“ № 173, 1901 года).

* * *

Какъ теперь выяснилось, „Альгамбра“ приказала долго жить.

Сотня артистовъ и столько-же служащихъ и садовой прислуги остались въ серединѣ сезона на бобахъ.

Положеніе артистовъ печально, но вдвое печальнѣе положеніе садовой прислуги.

Для нея нѣтъ ни залоговъ, ни готовыхъ мѣсть въ другихъ садахъ—въ провинціи.

Говорить о размѣщеніи ея по ресторанамъ и трактирамъ по нынѣшнимъ временамъ тоже не приходится.

Счастливые дни трактирныхъ Аранжуэцовъ прошли безвозвратно.

А между тѣмъ садовые официанты несли въ „Альгамбрѣ“ тяжелую службу и можно сказать вынесли на своихъ плечахъ все предпріятіе.

Вѣдь „не въ пѣньѣ была тамъ сила“.

Положеніе садовыхъ официантовъ вообще заслуживаетъ того, чтобы надъ нимъ призадумались и чтобы для урегулированія его были приняты кое какія мѣры.

Вѣдь эти труженики почему-то поставлены у насъ въ положеніе какихъ-то бѣлыхъ негровъ.

Принимая на службу официанта, содержатель сада беретъ съ него во-первыхъ залогъ, рублей около 40, во-вторыхъ не платитъ ему ни копѣйки жалованья, а въ-третьихъ обязываетъ ежедневно вносить по 20 к., якобы въ возмѣщеніе убытковъ, могущихъ произойти отъ поломки посуды и порчи столоваго бѣлья.

Есть сады, въ которыхъ число официантовъ доходитъ до 200 человѣкъ.

Если содержатель сада беретъ съ каждаго изъ нихъ по 40 руб. залогомъ, то въ общемъ онъ устраиваетъ себѣ безпроцентный и безрочный заемъ въ 8.000 рублей.

Сверхъ того, онъ имѣетъ ежедневнаго дохода отъ официантовъ 40 рублей и при всемъ этомъ пользуется бесплатнымъ трудомъ 200 человѣкъ.

Это не мѣшаетъ содержателямъ по окончаніи мѣсяца дѣлать еще отдѣльныя разверстки между официантами, все на то-же пополненіе убыли и порчи посуды.

Удивительное дѣло! Разъ хозяинъ купилъ для буфета посуду и бѣлье, то они должны существовать цѣлыми и невредимыми вѣчно.

И кто-бы ихъ ни портилъ, хотя-бы само веселое время, — за всѣхъ должны отдуваться своимъ карманомъ официанты.

Въ одномъ саду, на обязанность официантовъ возложили подметать садъ, а кетати ужъ и покупать необходимые для этого метлы.

Въ другомъ ихъ заставляютъ представлять въ кассу полученныя ими „чайныя“, удерживая съ нихъ извѣстный процентъ въ пользу содержателя.

Не правда-ли, жалкая, чисто рабская профессія, не обеспечивающая самыхъ минимальныхъ культурныхъ благъ: права личности и права собственности.

И неужели нѣтъ возможности какъ-нибудь урегулировать отношенія между этими хозяевами и работниками?

Путемъ-ли расчетныхъ книжекъ, въ которыя должны быть вписаны условія договора, путемъ-ли нормальнаго контракта, путемъ-ли полицейскаго наблюденія?

(„Нов. Дни“ № 6492. 1901 года).

Пжкз.

СВѢТЪ И ТѢНИ.

(Продолженіе предыдущаго).

Итакъ, отбросивъ книжонку стихотвора-помѣщика, напечатавшаго свой вздоръ на прекрасной слонової бумагѣ, я принялся за чтеніе письма лакея.

Безграмотное, написанное крупными буквами на большихъ листахъ писчей бумаги, оно подкупило меня своею искренностью, сердечной чистотою и желаніемъ справедливости какъ для себя, такъ и для своихъ товарищей.

Слогъ этого письма мѣстами превыспренъ и вѣшне комиченъ, какъ у всѣхъ необразованныхъ людей, но за этой вѣшностью видна убѣжденность, честность и, я бы сказалъ, публицистическая жилка. Среди товарищей по профессіи мой корреспондентъ пользуется, видимо, большимъ нравственнымъ авторитетомъ. Между прочимъ, онъ пишетъ: „Не проходитъ ни одного дня безъ того, чтобы ко мнѣ не являлись мои собратья съ жалобами на свое горькое житье и на безпощадную эксплуатацію со стороны хозяевъ; хотя я и готовъ служить имъ по мѣрѣ силъ и умѣнья, но что же я могу сдѣлать, когда я такой же маленькій человѣкъ, какъ и всѣ они и также учился, наравнѣ съ ними, на ломанные гроши?“.

Тѣмъ не менѣе, онъ чувствуетъ потребность помочь имъ и обращается за содѣйствіемъ къ печати.

Я передаю его письмо совершенно дословно, лишь въ очень рѣдкихъ мѣстахъ позволяя себѣ вставить или выкинуть какое-нибудь слово, употребленное неправильно.

Главное свое положеніе мой корреспондентъ формулируетъ такъ: „Хорошо-ли, съ точки зрѣнія общественной нравственности, существованіе цѣлаго класса рабочихъ людей, у которыхъ вся жизнь возведена въ систему сдѣлокъ съ совѣстью, плутней и попрошайничества? Иной, быть-можетъ, и радъ бы оставаться честнымъ человѣкомъ, въ иномъ душа переворачивается, когда онъ затаиваетъ гривенники или выпрашиваетъ ихъ, но страхъ передъ голодомъ заглушаетъ и стыдъ, и совѣсть, и сознаніе своего человѣческаго достоинства“.

Что официанты, дѣйствительно, обречены на всякіе некрасивые поступки съ цѣлью выудить изъ кармана посѣтителя лишнюю копѣйку, явствуетъ изъ слѣ-

дующихъ условій, на которыхъ служатъ московскіе официанты: 1) они вносятъ денежные залого, которые съ каждымъ годомъ все увеличиваются; 2) дѣлаютъ на свой счетъ служебные дорогіе костюмы, которые, кромѣ этого учрежденія, нигдѣ болѣе не годятся: перемѣнивъ мѣсто, официантъ долженъ заказывать себѣ новый костюмъ; 3) они не только не получаютъ жалованья, но должны сами уплачивать хозяину ежедневно отъ двадцати до пятидесяти копѣекъ; 4) во многихъ ресторанахъ съ нихъ берется двадцать копѣекъ за харчи; 5) они обязываются отвѣчать за неоплаченные счета посѣтителей; 6) они же должны платить хозяйскимъ служащимъ: распорядителю, мужику, судомойкѣ, мальчику и т. п.; 7) они платятъ безпощадные штрафы и множество специальныхъ поборовъ.

Понятно, что при такомъ положеніи плутни неизбежны.

„Вы, можетъ быть, думаете, г. Яблоновскій, что официанту достаточно извѣстной ловкости, умѣнья подать кушанья или вина—вообще извѣстной способности служить,—ничуть не бывало: человѣкъ, обладающій только этими качествами, на первый взглядъ, казалось бы, достаточными для его ремесла, рискуетъ ничего не заработать. Всякій официантъ, прежде всего, долженъ быть опытнымъ знаткомъ того гостя, который его кормить и поить, и стремиться къ одной лишь цѣли—какъ можно больше, какими-то ни было средствами, сорвать съ него; посѣтитель для официанта—жертва, которую онъ долженъ эксплуатировать, ибо въ противномъ случаѣ не сможетъ выплачивать всѣ хозяйскіе поборы и будетъ служить безвозмездно“.

Для погашенія всѣхъ этихъ налоговъ и удовлетворенія своихъ собственныхъ нуждъ практикуются беззастѣнчивыя приписыванія къ счетамъ, при чемъ офи-

ціантъ постоянно рискуеть, такъ какъ хозяева говорятъ: „Ну, что жъ, я не обвиняю, а попадешься — прогону. Стало-быть, бери, да не попадайся“.

Далѣ мой корреспондентъ полемизируетъ съ сотрудникомъ *Русск. Листка*, г. Термитомъ, который писалъ по поводу дѣла ооновскаго официанта Гольдберга о распрекрасномъ житье-бытье официантовъ:

„Г. Термитъ пишетъ, что въ португальскихъ и африканскихъ (?) отеляхъ среди прислуги есть студенты. Удивляться нечему: тамъ на прислугу смотрять, какъ на рабочую силу, и считаютъ себя обязанными платить человѣку за его трудъ. Не то у насъ, гдѣ официантъ, не имѣя опредѣленнаго заработка, пользуется случайнымъ, который можетъ быть и не быть. Служба официанта оплачивается исключительно подачками „на чай“, и вслѣдствіе этого онъ долженъ переносить всякія издѣвательства надъ собою: плюньте ему въ глаза — онъ только утретъ и попроситъ „на чаекъ“; бейте его, ругайте площадной бранью — онъ приметъ и это, какъ должное, и не скажетъ ни слова, въ ожиданіи все того же „на чаекъ“. Можетъ ли при такихъ условіяхъ служить интеллигентъ? Разумѣется, нѣтъ. Я, человѣкъ маленький и малограмотный, съ большимъ бы удовольствіемъ отказался отъ подачекъ „на чай“, которыя для публики убыточны, а для меня представляютъ источникъ многихъ униженій“.

Много еще дѣльнаго и вполне справедливаго пишетъ этотъ „человѣкъ въ кавычкахъ“, какъ онъ самъ себя называетъ, и въ концѣ-концовъ сводитъ все, во-первыхъ, къ необходимости упраздненія подачекъ и замѣны ихъ опредѣленнымъ жалованьемъ, а во-вторыхъ, къ установленію въ этой области труда такого же надзора, какой существуетъ у фабричныхъ, въ особенности за малолѣтними. Большое значеніе при-

даетъ онъ и посѣщенію церкви, котораго служащіе при теперешнихъ условіяхъ почти вовсе лишены.

Есть въ этомъ письмѣ лакея нѣсколько упрековъ по адресу насъ, благородныхъ посѣтителей, отъ которыхъ многимъ пришлось бы покраснѣть...

Вообще, въ немъ не мало хорошаго, и я очень радъ быть проводникомъ нелакейскихъ мыслей этого лакея въ печати.

С. Яблоновскій.

(„Рус. Ст.“ № 329, 1901 года).

На разныя темы.

— Человѣкъ! Скотина! Поворачивайся!

— Эй, че-а-экъ! Зачѣмъ вы такую мерзость подаете? Свинья!

— Извините, господинъ хорошій, я-съ тутъ не при чемъ: кухня—хозяйская.

— Ты еще разсуждать тутъ? Молчать, болванъ! А то въ рожу...

Такія милыя сценки прежде когда-то происходили каждый день въ любомъ трактирѣ, ресторанѣ, увеселительномъ саду. Мы къ нимъ, было, привыкли. Спокойнѣе вѣкъ происходили онѣ у насъ повсюду.

Однако, время движется впередъ, трактирный официантъ, или половой на голову выросъ умственно по сравненію съ тѣмъ типомъ безграмотнаго и безответнаго „холопа примѣрнаго“, котораго онъ представлялъ собой лѣтъ тридцать тому назадъ. Теперешній лакей читаетъ и газеты, и книги, ходитъ, коль выдается свободный денекъ, и въ театръ, и, право, у иного афицианта физиономія выглядитъ гораздо интел-

лигентнѣе, чѣмъ у другого „господина хорошаго“, болѣе приближающагося къ облику скотины.

„Господинъ хорошій“ изъ трактирныхъ завсегдателей, задающихъ шикъ и тону въ ресторанахъ, это — одна изъ многочисленныхъ особей той породы, которая называется саврасами безъ узды. Это — недоросли изъ семьи Титовъ Титычей, которые когда-то добивались великой славы по всему Замоскворѣчью битьемъ посуды, зеркаль и „халуйскихъ рожъ“.

Тридцать, — пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ половой легко, безъ особенныхъ нравственныхъ мукъ переносилъ всяческія измыванія надъ собой со стороны этихъ забуддыгъ-толстоумовъ: подчасъ онъ даже готовъ радоваться, что ему за это будетъ „дадено что слѣдуетъ“. Да и самъ саврасъ, если бы попалъ подъ судъ за то, что: смазалъ горчицей морду такому-то „че-а-э-ку“, былъ бы искреннѣйшимъ образомъ изумленъ: „Какъ? За что? Вѣдь я его, мерзавца, облагодѣтельствовалъ, бросилъ ему въ самую морду четвертную бумажку!..“

Да, то были времена. Теперь — совсѣмъ другія. Теперь официантъ получилъ достаточное развитіе и образованіе для того, чтобы понять, какъ унижительно, какъ оскорбительно для его человѣческаго достоинства переносить такія издѣвательства и жестоко-грубыя продѣлки надъ собой. Да и общество стало нравственно выше: всегда, въ случаѣ слишкомъ грубаго поступка „господина“ съ прислугой, найдутся защитники: они вступятся за поруганную жертву, они доведутъ дѣло до суда.

Но такія явленія встрѣчаются, впрочемъ, пока только въ тѣхъ сравнительно рѣдкихъ случаяхъ, когда скандалъ слишкомъ громокъ и для всякаго сторонняго замѣтенъ. Но сколько, Боже мой, терпитъ этотъ „че-

ловѣкъ“ (въ ковычкахъ), терпитъ и теперь и униженія, и издѣвательства, только въ менѣе грубой формѣ, да и не можетъ не терпѣть: онъ такъ зависимъ отъ каждаго посѣтителя ресторана: отъ меня, отъ васъ, отъ всѣхъ, кто съ деньгами въ карманѣ пришелъ въ трактиръ.

Эта-то зависимость — горькая, крайняя нужда — и заставляетъ его сносить со стоическимъ терпѣніемъ каждую вашу несправедливую придирку, каждое рѣзкое слово, незаконное требованіе, грубую брань и ругательства.

Намъ, москвичамъ, особенно необходимо подумать о несносной участи этихъ униженныхъ и оскорбленныхъ тружениковъ. У насъ здѣсь ихъ цѣлыя тысячи, — какое тамъ тысячи! — цѣлыя десятки тысячъ разсаваны по сотнямъ ресторановъ, трактировъ, буфетовъ, кофейнъ, различныхъ увеселительныхъ мѣстъ и лѣтнихъ садовъ. Урегулировать взаимоотношенія между ними и хозяевами — задача самая неотложная и первостепенная.

Избранники Москвы, наши мировые судьи, отозвались очень сочувственно къ участи этихъ неустанныхъ работниковъ, когда полые выяснили передъ ними публично причину, почему они допускаютъ такое ненормальное свое положеніе, такое унижительное съ собою обращеніе разныхъ завсегдатаевъ и шалопаевъ изъ стаи славной трактирныхъ собутыльниковъ и скандалистовъ.

Оказывается, что всякій „господинъ хорошій“ и всякій бунтъ нехорошій — единственные плательщики официантамъ за ихъ трудъ. Хозяинъ ничего не платитъ своему слугѣ. Мало того, что не платитъ имъ: онъ беретъ съ нихъ, они ему платятъ, сколько могутъ и даже сколько не могутъ, съ ущербомъ для

благосостоянія и своего, и своей семьи. Выгодный для себя обычай завелъ нашъ трактирщикъ: онъ одновременно беретъ себѣ официанта и беретъ себѣ съ него денегъ — въ видѣ залога. А сколько беретъ — это его дѣло. Сколько захочется!

Потомъ онъ и еще беретъ; отчего и не брать. „Ты мнѣ — спрашиваетъ онъ — обязуешься или нѣтъ, платить за каждую разбитую посуду?“

— Обязуюсь — отвѣчаетъ нанимающійся въ половые.

— Ну, такъ плати прежде всего за нынѣшній день.

— Да я еще ничего не успѣлъ разбить, я даже не служилъ еще, ваше степенство.

— Все равно, не разбилъ, такъ можешь разбить; не закаивайся, давай полтинникъ. Да вотъ еще что: ты и завтра можешь мою посуду разбить, либо бѣлье столовое испачкать, либо еще что испортить, а то и потерять, такъ ужъ ты на всякій случай давай мнѣ ежедневно по полтиннику.

— Не каждый же день я буду все бить и терять, — ваше степенство.

— Это тамъ увидимъ, а денежки на всякій случай давай.

Нечего дѣлать, нужда ко всему побудитъ и официантъ отдаетъ ежедневно по полтиннику, хотя, казалось бы, хозяину вполне достаточно и залога, который внесень официантомъ.

Проходить извѣстное время, половой бросаетъ свою службу у хозяина. То, что онъ разбилъ или испортилъ, онъ оплатилъ надлежащимъ количествомъ полтинниковъ. „Пожалуйте остальное назадъ“, — обращается онъ къ хозяину.

— Ну, братъ, нѣтъ, я не дуракъ: что, братъ, съ возу упало, то пропало, — смѣется какой-нибудь Абдулинъ.

Года три тому назадъ у мировыхъ судей Москвы былъ возбужденъ цѣлый рядъ гражданскихъ дѣлъ по взысканію такихъ неправильно удержанныхъ трактирщиками официантскихъ денегъ. И мировые судьи въ большинствѣ случаевъ полностью удовлетворили требованія истцовъ.

Нельзя сомнѣваться, что такой порядокъ вещей будетъ устраненъ, будутъ урегулированы точнѣе взаимоотношенія хозяевъ и половыхъ, потому что мировые судьи, не имѣя передъ глазами на всѣ подобные случаи опредѣленнаго постановленія, могутъ каждый разъ рѣшать эти вопросы различно: одинъ рѣшить въ пользу подобнаго истца, другой — нѣтъ. Да и мировой съѣздъ не обязанъ подтверждать рѣшенія судей: онъ можетъ признать приговоръ того или иного судьи несправедливымъ. Наконецъ, судьба дѣла будетъ зависеть отъ даннаго состава лицъ, входящихъ въ число членовъ съѣзда: сегодня будутъ одни, завтра — другіе.

А тѣмъ временемъ величина поборовъ съ официанта все растетъ да растетъ: ужъ онъ теперь оказывается обязаннымъ платить жалованье хозяйскимъ служащимъ, хотя услугами ихъ пользуется не онъ, а хозяинъ, и доходы трактира всегда проходятъ мимо его. Официантъ платитъ распорядителямъ, мужикамъ, судомойкамъ, мальчикамъ. И что жъ вы думаете? Благодарятъ они своего „доброхотнаго“ благодѣтеля? Уважаютъ его? Какъ бы не такъ? Но можетъ быть кормятъ его за то хорошо? Увы! официантскій столъ хуже, чѣмъ арестантскій и не лучше чѣмъ харчи хитровца...

Благодѣтель хозяина, благодѣтель мужиковъ, судомоекъ, мальчиковъ является, можете вы сами представить, благодѣтелемъ и моимъ, и вашимъ, и присныхъ нашихъ, и всякаго случайнаго посѣтителя, при-

шедшаго выпить на шаромыжку. Не доплатимъ мы по ошибкѣ и уйдемъ — за насъ платитъ своими официантъ; натѣшится, наѣтся какой-нибудь франтъ-дармоѣдъ и скажетъ: „за мной — я забылъ“, — официантъ заплатитъ своими боками или деньгами — чѣмъ можетъ.

Платитъ этотъ лакей всеѣмъ съ чисто барской щедростью, а работаетъ, какъ волъ, если не больше: тамъ, гдѣ ведется поздняя торговля, половые трудятся безъ отдыха по 18 и даже 19 часовъ въ сутки. Остается на тихій и мирный отдыхъ всего 5—6 часовъ. Но и изъ нихъ онъ добрыхъ два часа тратитъ на убранство трактира, находясь при этомъ въ самыхъ неблагопріятныхъ санитарныхъ условіяхъ.

Разсчитайте, сколько же часовъ или, можетъ, справедливѣе сказать: сколько минутъ остается ему на легкій сонъ? Вотъ ужъ воистину легкій! Такой легкой сонъ и такой легкой трудъ, что легкіе трещать. Чахоткой болѣютъ очень многіе: это что-то въ родѣ повального недуга въ этой средѣ.

До старости рѣдко кто доживаетъ. Авось, доживутъ хоть до пересмотра своего положенія и точной, справедливой регламентаціи своего труда. Какъ только регламентація установится, такъ тотчасъ же улучшится и нравственный бытъ официантовъ. Они будутъ получать свое жалованье отъ хозяина или проценты съ его дохода, и сами съ наслажденіемъ откажутся отъ ненавистныхъ и унижительныхъ подачекъ „на чаекъ“, которыя имъ такъ претятъ, такъ несносны, о чемъ они первые и заявили публично, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, отказываясь отъ этихъ взятокъ и тѣмъ самымъ опередивъ своихъ западныхъ коллегъ — кельнеровъ Берлина, Мюнхена, Дрездена и другихъ городовъ Германіи, торжественно отрекшихся отъ такихъ

господскихъ наградъ только на съѣздѣ прошлаго года въ Берлинѣ.

Считаю нужнымъ указать, что свѣдѣнія свои изъ области поднятаго мной сегодня вопроса я почерпнулъ изъ первыхъ рукъ, а главнымъ образомъ, изъ рукописнаго труда одного официанта М. Гор—ва. Мнѣ доставлена его интересная записка подъ характернымъ заглавіемъ: „Горе-злосчастье официантовъ и половыхъ“, которой я и пользовался въ настоящей своей бесѣдѣ.

Собесѣдникъ.

(„Курьеръ“ № 149. 1901 года).

* * *

Мнѣ доставлена копія кабальной записи, относящейся, впрочемъ, не къ пятнадцатому или шестнадцатому столѣтіямъ, а къ самымъ послѣднимъ днямъ. Заключена она между арендаторомъ на время рождественскихъ гуляній буфета въ московскомъ городскомъ манежѣ, г. Бобрусовымъ, и однимъ изъ его официантовъ. Такія же записи заключены г. Бобрусовымъ и съ другими официантами; записъ печатная. Разница между записями шестнадцатаго столѣтія и теперешней заключается въ томъ, что тогда господа обязаны были кормить своихъ холоповъ и не получали съ нихъ за работу денегъ; въ записи же г. Бобрусова значится:

„Каждый изъ насъ за службу свою отъ арендатора буфета, г. Бобрусова, жалованья, стола и квартиры не получаетъ, а пользуется только благодарностью гг. посѣтителей“.

Зато жалованье отъ своихъ холоповъ получаетъ г. Бобрусовъ.

„Каждый из нас поступивший получает от хозяина марки для торговли на сумму от десяти рублей и до пятнадцати, а в обеспечение оных мы даем хозяину каждый по пятнадцати рублей деньгами, обеспечивающие как марки, так равно и принятые нами по особому инвентарю: серебро, мельхиоръ и бронзу; в случаѣ же утраты чего либо из вещей, хозяинъ имѣетъ право удержать и вычесть за всякую недостающую вещь по стоимости, означенной в описи, а равно удерживать за утрату или порчу *служебнаго нумера и прейс-курантовъ по одному рублю за каждый*“.

Вы думаете — все? Вы думаете, что залогъ уходитъ только за порчу вещей? О, нѣтъ! „За ослушаніе или грубость съ посѣтителеми или комиссіей *и за каждую неисправность по службѣ* хозяинъ имѣетъ право сдѣлать вычетъ изъ вышеозначенныхъ пятнадцати рублей *по личному его усмотрѣнію*, но не свыше трехъ рублей за каждый поступокъ“.

Хорошо? Но и это не все. „Кромѣ всего вышеизложеннаго, каждый изъ насъ, официантъ (овъ?), обязанъ вносить ежедневно по двадцать копѣекъ въ полное и безотчетное распоряженіе хозяина и опять-таки на пополненіе разбитыхъ и утраченныхъ вещей, стоимость которыхъ, в случаѣ дѣйствительной порчи или пропажи, вычитается изъ залога“.

Кабальные люди обязуются „ни до какихъ неприятностей и суда г. Бобрусова не доводить“. Со стороны г. Бобрусова обязательствъ не имѣется никакихъ.

Если в манежѣ будетъ сотня официантовъ, то залогов ихъ, могущіе быть удерживаемыми по личному усмотрѣнію хозяина, составятъ полторы тысячи рублей, да двадцать рублей ежедневно онъ получитъ двутривенными.

Буфетъ въ городскомъ манежѣ заарендованъ на десять дней и на десять дней взяты эти кабальные люди. Отработавъ ихъ, они окажутся на улицѣ... съ залогами или безъ залоговъ — вотъ въ чемъ вопросъ.

С. Яблоновскій.

(„Рус. Сл.“ № 151. 1902 г.).

ОТГОЛОСКИ ДНЯ.

Глава о „человѣкахъ“... Предо мною только-что отпечатанный „уставъ московскаго общества взаимопомощи официантовъ и другой гостинничной и трактирной прислуги“.

Нарожденіе этого общества уже само по себѣ есть крупный шагъ впередъ въ жизни московскихъ официантовъ.

Официанты, которыхъ въ Москвѣ легіонъ, не захотѣли быть долѣе разрозненными единицами, живущими чуждыми другъ другу интересами, и сплотились въ корпорацію, какою и является вышеупомянутое „общество“.

Основная функція послѣдняго — взаимопомощь.

Такъ значитъ и въ уставѣ. Мнѣ же хочется думать и видѣть въ этомъ вновь народившемся обществѣ начало новой эры для официантовъ.

На почвѣ этого общества въ московскихъ официантахъ прежде всего должно пробудиться сознаніе своего человѣческаго достоинства.

Человѣческаго, — безъ традиціонныхъ ковычекъ, обусловливавшихъ до сихъ поръ для официанта возможность всякаго надъ нимъ произвола со стороны тѣхъ или иныхъ посѣтителей ресторана или трактира.

Отнынѣ должны перейти въ область преданій легенды о вымазанной горчицею рождѣ „человѣка“, обзирванномъ расхочившимся гостемъ фрактъ официанта и о всякихъ другихъ оскорбленіяхъ.

Прежде „человѣкъ“ не безъ удовольствія переносилъ всякаго рода оскорбленія и нерѣдко шелъ имъ даже навстрѣчу, зная, что за это полагается щедрая подачка „на чай“.

Теперь, являясь дѣйствительнымъ членомъ „общества“, официантъ не можетъ и не долженъ ронять своего достоинства, удовлетворившись щедро выброшенной затѣмъ подачкой.

Этимъ онъ роняетъ достоинство „общества“, членомъ котораго состоитъ.

„Цѣль общества“, какъ значится въ § 1, — „содѣйствовать улучшенію быта всѣхъ своихъ членовъ“...

„Улучшеніе быта“... Официанты, подавляющее большинство которыхъ, — простой и сѣренькій народъ, могутъ не понять этого выраженія.

Конечно, не постороннія официантамъ лица будутъ виновниками этого улучшенія.

Официанты сами должны, наконецъ, содѣйствовать улучшенію своего быта...

Съ другой стороны, „общество“ должно зорко слѣдить за тѣмъ, чтобы это улучшеніе дѣйствительно совершалось, и вліять на него своимъ авторитетомъ — авторитетомъ массы.

При этомъ, улучшенію матеріальному должно предшествовать нравственное. Въ матеріальномъ отношеніи московскіе официанты, за весьма немногими исключеніями, болѣе, чѣмъ обеспечены.

Пусть хозяева взимаютъ съ официантовъ всевозможные поборы, все-же ни въ одномъ другомъ городѣ

міра официанты не вырабатываютъ столько, сколько въ Москвѣ.

Вотъ недавно въ Берлинѣ официанты пытались уничтожить систему добровольныхъ подачекъ отъ поѣдателей, находя, что онѣ „унижаютъ ихъ *человѣческое* достоинство“, и требовали отъ своихъ хозяевъ опредѣленнаго жалованья.

Но это въ Берлинѣ. Тамъ официанта не плѣнишь щедрой подачкой...

У насъ же, гдѣ степень достоинства человѣческаго опредѣляется количествомъ выбрасываемыхъ на вѣтеръ денегъ, подчасъ баснословны „чаевыя“ — вполне обыкновенное явленіе.

И отсюда — сравнительно грандіозные доходы нашихъ официантовъ.

И все-таки состоятельныхъ или хотя-бы только мало-мальски зажиточныхъ людей почти нѣтъ, напримѣръ, среди московскихъ официантовъ, которые, какъ и всѣ русскіе люди, привыкли проживать болѣе, нежели зарабатываютъ.

Я хочу сказать только то, что со стороны матеріальной, въ среднемъ, московскіе официанты достаточно обеспечены и что именно съ этой стороны обществу взаимопомощи менѣе всего придется проявлять свою дѣятельность.

Ибо, что значитъ десятирублевое (это — максимальное!) пособіе для официанта, съ легкимъ сердцемъ пропивающаго или оставляющаго въ тотализаторѣ значительно большую сумму.

Очевидно, эти вспомошествованія предназначены не для постоянныхъ служащихъ, а для меньшей официантской братіи, не имѣющей постояннаго пристанища и перелетающей съ мѣста на мѣсто.

Но такимъ „общество“ должно будетъ прежде всего прискивать занятія, что не особенно трудно въ виду того, что спросъ на хорошихъ официантовъ въ Москвѣ превышаетъ предложеніе.

Вообще-же, думается мнѣ, смыслъ народившагося „общества“ не ограничивается идеей взаимопомощи.

Очевидно, крупные официанты, стараніями которыхъ и создано общество взаимопомощи, видятъ въ немъ орудіе синдиката официантовъ противъ эксплуатаціи хозяевъ.

Еще нѣсколько словъ о § 15 устава. Въ немъ говорится объ „исключеніи изъ числа дѣйствительныхъ членовъ за дѣйствія, нарушающія интересы общества“...

Какъ это понимать? Со стороны официантовъ врядъ ли возможны такія дѣйствія.

Но между официантами, какъ это очень часто наблюдается, бываютъ люди явно недобросовѣстные, практикующіе, на примѣръ, систему обесчечиванія публики.

„Интересы общества“ отъ этого не страдаютъ; стало-быть, членъ общества — официантъ, обесчечивающій публику, не можетъ быть исключенъ изъ состава?

Напротивъ, я думаю, что въ „обществѣ взаимопомощи“ должно существовать нѣчто вродѣ суда чести.

Идя навстрѣчу интересамъ своихъ членовъ, общество взаимопомощи должно въ то-же время зорко слѣдить за такими ихъ дѣйствіями, которыя подрываютъ нравственный престижъ общества.

„Моск. Лист.“ № 130. 1902 года.

Хорошее начинаніе.

(По поводу сегодняшняго открытія общества официантовъ).

Сегодня, въ 12 час. дня, гдѣ-то тамъ, не то на Арбатѣ, не то на Поварской, произойдетъ скромное событіе.

Просто, соберутся поговорить „промежду себя“ маленькіе люди, „такъ, какая-то тамъ прислуга“, какъ сказала-бы иная спесивая барыня.

Будутъ, дѣйствительно, только одни лакеи, официанты, коридорные, половые. Станутъ они толковать о своихъ дѣлахъ.

Казалось бы, что-жъ тутъ важнаго? Стоило ли объ этомъ говорить? Развѣ это общественный вопросъ?

По-нашему — да. И вопросъ весьма серьезный.

Вопросъ идетъ не болѣе не менѣе, какъ о коренной и безповоротной ломкѣ грубаго и оскорбительнаго предразсудка. Вопросъ идетъ объ измѣненіи нашихъ понятій объ огромнѣйшей всероссійской группѣ людей, составляющей обширный классъ труженниковъ.

Говоря короче, вопросъ идетъ о томъ, какъ достигнуть того, чтобы люди стали людьми, а не „людьми“, чтобы всѣ бросили называть человѣка „человѣкомъ“, а не человѣкомъ.

Словомъ, выражаясь языкомъ ороеграфовъ, школьниковъ и наборщиковъ, дѣло заключается въ снятіи ковычекъ съ одного слова, снятіи ихъ разъ навсегда и безповоротно.

Тѣ люди, которымъ иной подгулявшій саврасъ кричитъ въ ресторанѣ, принимая особый, слегка презрительный, тонъ: „Эй, человекъ!“ — эти люди хотятъ отвѣтить всему міру: „да, мы люди, мы достойны называться этимъ именемъ не меньше, чѣмъ кто бы то ни было, — и мы это докажемъ“.

И они это, несомненно, докажут. И докажут, прежде всего, сегодня. Правда, сегодня они соберутся только своимъ обществомъ, безъ постороннихъ свидѣтелей, кромѣ немногихъ натуральныхъ свидѣтелей всяческихъ „событій“, именно — представителей печати. Но результаты ихъ объединенія обнаружатся передъ всѣми явно и открыто на дѣлѣ.

Обнаружится то, что появилось цѣлое сословіе людей, которые между собой объединены нравственной солидарностью, которые примкнули другъ къ другу прежде всего для той цѣли, чтобы возстановить и честь, и репутацію своихъ собратьевъ, о которыхъ сохранились еще и понынѣ самыя унижительныя представленія.

„Лакей, человѣкъ съ лакейской душонкой“, — развѣ эти выраженія не свидѣтельствуютъ о разбѣянныхъ повсюду воззрѣніяхъ на служителей, носящихъ непрерывно фраки, какъ на отщепенцевъ общества, какъ на продажныхъ людей, какъ на нравственно безнадежно испорченную челядь?

А между тѣмъ время — ой, какъ ушло! Ой, какъ измѣнились и нравы, и понятія, и общее развитіе этихъ „людей“, ставшихъ, въ лицѣ многихъ и многихъ своихъ представителей, въ самомъ дѣлѣ людьми, а не „людьми“, — ставшихъ вполне достойными „святѣйшаго“ изъ званій — *человѣкъ!*

Вчера я нарочно разговаривалъ съ однимъ изъ этихъ людей. Это — официантъ почтеннаго возраста, недавно за свою безупречную и многолѣтнюю службу поднявшійся до должности распорядителя и наблюдателя приличія и благопристойности и всяческаго порядка въ одномъ изъ самыхъ видныхъ нашихъ ресторановъ.

— Я, — сказалъ онъ мнѣ, — скорблю о своей братіи. Сейчасъ я человѣкъ съ инымъ положеніемъ, бо-

лѣе, что называется, почетнымъ, и ко мнѣ, вы сами видите, всѣ теперь относятся уже не такъ, какъ къ лакею: со мной говорятъ, какъ съ равнымъ, подають мнѣ руку, говорятъ, конечно, всѣ мнѣ „вы“, мнѣ довѣряютъ во всемъ и т. д. И, стало быть, лично мнѣ для себя нечего заботиться объ улучшеніи положенія, объ усиленіи довѣрія ко мнѣ — словомъ, о возстановленіи ко мнѣ человѣческихъ отношеній. А вотъ о тѣхъ людяхъ, которые носятъ званіе „лакеевъ“ и „официантовъ“, надо подумать, надо помочь имъ поднять свою репутацію. Они сами этого горячо, страстно желаютъ и они вполне того заслуживаютъ.

— Пора, скажу я вамъ, — продолжалъ онъ свою рѣчь, прервавъ ее, вынужденный на минуту отойти отъ меня вслѣдствіе вызова къ какому-то столику для переговоровъ о выборѣ винъ „гостямъ“, — пора убѣдиться, что огульныя нареканія на лакейское и официантское сословіе несправедливы. Есть огромное количество официантовъ честныхъ, развитыхъ, порядочныхъ. И таковыхъ съ каждымъ днемъ становится больше и больше. А теперь такъ и вовсе ихъ будетъ большинство. И это будетъ очень скоро, — увидите. Намъ, знающимъ эту среду и вышедшимъ изъ нея, прямо до глубины души обидно за старый предразсудокъ о ней. И съ открытіемъ общества взаимопомощи официантовъ, которое наступитъ завтра, для хозяевъ ресторановъ въ свою очередь не менѣе, чѣмъ для насъ, наступитъ новая эра. Они будутъ брать себѣ прислугу, обращаясь къ этому обществу, прося его рекомендаціи. И останутся довольны. Наше первое правило будетъ прогнать изъ своей среды и не принимать въ свое общество ни одного человѣка съ мало-мальски сомнительной репутаціей и худымъ поведеніемъ. Улучшеніе быта, поставленное главной нашей задачей въ

самомъ уставѣ останется не только одними словами, но оправдывается и на дѣлѣ. Мы это покажемъ, погодите, скоро же. И тогда уничтожатся и эти „ковычки“, о которыхъ вы давеча упомянули какъ-то въ разговорѣ, и имя официанта станетъ такимъ же достойнымъ уваженія званіемъ, какъ и названіе всякой иной отрасли труда и профессіи, дающее честному человѣку честный заработокъ.

Вотъ почему я и считаю, что завтрашній день для сословія официантскаго, день великій, день „возрожденія и примиренія“.

Такъ или въ такомъ родѣ говорилъ мнѣ мой вдохновенный, искренно взволнованный своей честной мечтой—официантъ-распорядитель, этотъ лакей, съ благороднымъ выраженіемъ въ лицѣ подбѣжавшій среди рѣчи къ какому то отозвавшему его „благородному“ господину съ „лакейской“ фізіономіей.

Скоро, скоро, впрочемъ, лакейская фізіономія во всеобщемъ представленіи станетъ обыкновеннымъ человѣческимъ обликомъ всякаго порядочнаго человѣка, не „человѣка“.

И въ добрый часъ.

В. Ермиловъ.

„Курьеръ“ № 135. 1902 года.

Среди официантовъ.

Совершенно исключительную картину представляло вчерашнее собраніе официантовъ и другой гостиничной прислуги въ одной изъ аудиторій высшихъ женскихъ курсовъ, гдѣ было назначено первое учредительное засѣданіе Московскаго общества взаимопомощи официантовъ и другой квартирной и гостиничной прислуги, созданнаго по инициативѣ и благодаря энергіи проф: В. И. Герье, давно уже заботящагося объ облегченіи условій жизни для разныхъ трудовыхъ классовъ столичнаго населенія.

Вчерашнее собраніе было особенно характерно въ виду того забитаго, угнетеннаго положенія, въ которомъ находится наша трактирная прислуга, которую эксплуатируютъ хозяева и которой помыкаетъ публика. Бѣдственныя условія жизни этого класса достаточно извѣстны, чтобы нужно было о нихъ долго распространяться. Непосильный трудъ, матеріальная необеспеченность, нравственные униженія—все это толкаетъ значительную часть официантовъ къ самому печальному образу жизни, къ пьянству, со всеми ужасными его послѣдствіями, до нищеты включительно. Въ самомъ дѣлѣ, эксплуатируемый хозяиномъ, не получающій никакого жалованья, больше того — вынужденный платить за право службы въ ресторанѣ, официантъ волею не волей часто прибѣгаетъ къ „приписыванію“; не имѣя ни въ комъ защиты, находясь вѣчно подъ угрозой быть уволеннымъ изъ-за вздорной жалобы самаго несправедливаго гостя, официантъ почти утратилъ обликъ человѣческій; изъ-за куска хлѣба ему приходится поступаться своимъ человѣческимъ досто-

инствомъ, своимъ самолюбіемъ. А когда онъ остается безъ мѣста или заболѣваетъ, ему приходится ходить съ протянутой рукой.

Этому многочисленному классу людей (въ Москвѣ— до 5 тыс. официантовъ, половыхъ и проч. трактирной прислуги) давно уже необходимо было сплотиться въ какую нибудь организацію, которая давала бы мѣста нуждающимся, призрѣвала больныхъ, помогала вдовамъ и сиротамъ умершихъ. Въ сознаніи официантовъ давно назрѣла эта жгучая потребность, и ею пользовались ловкіе люди. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, какой то ловкій господинъ образовалъ артель официантовъ, собралъ со всѣхъ по 10 руб.,—и былъ таковъ. Много разъ пытались официанты объединиться, но низкій уровень развитія, невѣжество, мѣшали осуществленію этого. И только вмѣшательство В. И. Герье, взявшагося руководить этимъ дѣломъ, составившаго уставъ и проведеннаго во всѣхъ инстанціяхъ, способствовало тому, что многочисленные „челазки“ вчера, наконецъ, стали настоящими людьми, съ сознаниемъ своего человѣческаго достоинства, своихъ правъ и обязанностей.

Забитые и пугливые официанты сидѣли вчера рядомъ съ содержателями гостинницъ, и послѣдніе подавали имъ руку. Члены-учредители изъ официантовъ жали руки В. И. Герье. Два газетныхъ хроникера сидѣли на одной лавочкѣ съ яровскими официантами и любезно разговаривали съ ними.

На собраніи присутствовало человѣкъ 250. Отъ каждаго ресторана было не болѣе одного-двухъ представителей. Масса официантовъ приходила на собраніе, но ихъ не допустили, потому что они заблаговременно не запаслись членскими билетами, и имъ придется записаться послѣ. Прислуга „Большой Московской“ го-

стинницы вовсе отказалась отъ участія въ этомъ дѣлѣ, такъ какъ администрація гостинницы почему то не сочувствуетъ этому хорошему дѣлу, ссылаясь на то, что сама помогаетъ своимъ служащимъ. Собственникъ „Лоскутной“ гостинницы, С. А. Поповъ, кандидатъ университета, изъявилъ желаніе лично платить членскій взносъ за всѣхъ своихъ служащихъ. Это — разумная мѣра, и хорошо было-бы, если-бы этому благому примѣру послѣдовали всѣ хозяева, такъ какъ большинству официантовъ трудно будетъ урвать три рубля и своевременно внести членскій взносъ.

Собраніе началось молебствіемъ, передъ которымъ священникъ сказалъ прочувствованное слово о значеніи единенія и взаимопомощи. Затѣмъ В. И. Герье открылъ засѣданіе.

За предѣлательскимъ столомъ В. И. Герье окружали официанты-учредители. Въ своей рѣчи В. И. Герье объявилъ важность начатаго дѣла, проводилъ параллель между взаимопомощью и страховой помощью, указалъ на значеніе участія хозяевъ въ качествѣ членовъ общества, на нравственную связь, которую устанавливаетъ общество между сочленами, и выразилъ увѣренность, что новое общество дастъ и правительству важный статистическій матеріалъ для обслѣдованія промысла и для проведенія относительно него законодательныхъ мѣръ. На основаніи устава, В. И. Герье предложилъ занять мѣсто предѣлательствующаго старшему, по возрасту, члену, которымъ оказался официантъ Д. А. Крыловъ, а самъ выразилъ желаніе быть секретаремъ.

М. Г. Гордѣевъ, официантъ, указавшій товарищамъ путь къ г. Герье и считающійся среди своихъ собратьй причастнымъ къ „литературѣ“, потому что онъ въ теченіе многихъ лѣтъ наводнялъ редакціи письмами

о бѣдственномъ положеніи официантовъ, произнесъ пространную рѣчь о значеніи общества и о заслугахъ въ этомъ дѣлѣ В. И. Герье. Другой официантъ, Ф. И. Назаровъ, изложилъ исторію созданія общества и предложилъ горячо благодарить В. И. Герье, а также предъидущаго оратора, М. Г. Гордѣева, много сдѣлавшаго для осуществленія общества.

Всѣмъ шумно аплодировали и низко кланялись. Ф. И. Климовъ предложилъ избрать единогласно въ совѣтъ В. И. Герье и С. А. Попова, но В. И. Герье настоялъ на баллотировкѣ записками. Предсѣдателемъ общества избранъ владѣлецъ „Лоскутной“ гостиницы С. А. Поповъ, членами совѣта: В. И. Герье, директоръ „Мавританіи“ В. В. Мишо и С. А. Альштадтъ и отъ официантовъ: Ф. И. Климовъ, М. Г. Гордѣевъ, Ф. И. Назаровъ, И. В. Нестеровъ, Л. М. Битюговъ, В. С. Кузнецовъ, В. А. Александровъ и П. И. Бѣляничковъ; кандидатами къ нимъ: отъ хозяевъ и постороннихъ лицъ—Ф. Ф. Осетровъ, С. Н. Разумовскій, И. И. Тѣстовъ, И. И. Бибииковъ, отъ официантовъ — П. М. Струковъ, К. И. Струновъ, Н. П. Крайновъ, Ф. И. Голиковъ, Ф. Н. Умновъ, Н. К. Байковъ, П. В. Голубковъ и К. Д. Борисовъ.

В. И. Герье и С. А. Попову устроена очень шумная и искренняя овація. Затѣмъ происходило первое распорядительное засѣданіе совѣта, въ которомъ товарищемъ предсѣдателя избранъ Ф. И. Климовъ, казначеемъ Ф. И. Назаровъ.

(„Нов. Дня“ № 6801. 1902 года).

Всѣ люди — все люди.

Это было давно. На платформѣ рязанскаго вокзала, переполненной дачниками, мнѣ поклонился господинъ, одѣтый въ чистенькую чесунчовую пару, съ котелкомъ на головѣ. Лицо его мнѣ было необыкновенно знакомо. Рядомъ стояли два гимназиста, одинъ побольше, другой поменьше.

Я подошелъ и, желая припомнить моего знакомаго, протянулъ ему руку.

Господинъ въ чесунчовой парѣ страшно переконфузился и спряталъ руку назадъ. Старшій гимназистъ смутился и отвернулся.

— Извините-сь... Не могу... Я... я... Затѣмъ онъ съ усиліемъ выпалилъ:

— Я — человѣкъ-сь!

Я обратился въ вопросительный знакъ.

— Да-сь, я человѣкъ-сь... Я-сь... Иванъ изъ „Италіи“!

Я почти насильно взялъ и пожалъ руку стараго слуги Ивана Аѳанасьевича, который десятки разъ мнѣ служилъ въ ресторанахъ и котораго я зналъ за честнѣйшаго и предупредительнѣйшаго слугу.

— Дѣтки мои... Хорошо учатся... Сегодня старшій въ шестой перешелъ...

Этотъ старшій уже съ четвертаго класса жилъ уроками. Оба учились на казенный счетъ.

Живъ ли еще Иванъ Аѳанасьевичъ, что случилось съ его сыновьями, — я не знаю. Эти воспоминанія прошлаго невольно мелькнули у меня въ головѣ теперь, когда заговорили объ учрежденіи общества вза-

имопомощи официантовъ и прислуги, созданнаго трудами В. И. Герье.

17-го мая, какъ у насъ вчера сообщалось, состоялось первое учредительское собраніе новаго общества.

Его члены хоть въ моментъ собранія были людьми.

Человѣкъ въ ковычкахъ — „человѣкъ“, „че-акъ“, „че экъ“ — былъ человѣкомъ безъ ковычекъ, просто человѣкомъ.

Въ залѣ собранія были представители лучшихъ гостинницъ, хозяева и довѣренные.

Предсѣдательствоваль владѣлецъ „Лоскутной“ гостинницы, кандидатъ университета С. А. Поповъ. Онъ заявилъ, что лично будетъ платить членскій взносъ за всѣхъ своихъ служащихъ.

Только „бѣлопузые“ „Большой Московской“ гостинницы, той самой гостинницы, въ преисъ-курантѣ которой стоятъ коньяки въ 250 рублей за бутылку, потребляемые самодурами, угощающими останавливающимися въ этой гостинницѣ заѣзжихъ француженокъ, — только они отказались участвовать въ добромъ начинѣ общественности.

— Сами-ста своѣмъ помогать будемъ!

А на собраніе явилось до 250 человѣкъ. Здѣсь были представители почти всѣхъ ресторановъ и трактировъ, и, кромѣ того, масса официантовъ не была допущена за неимѣніемъ особыхъ билетовъ, выданныхъ заранѣе учредителямъ.

Всѣхъ служащихъ заинтересовало это чрезвычайно важное для нихъ дѣло взаимопомощи.

О положеніи официантовъ и прислуги было писано и переписано. Непосильный трудъ, вѣчно на ногахъ, съ улыбкой передъ гостемъ, въ то время даже, когда, можетъ быть, дома умираетъ сынъ или дочь, вѣчное униженіе передъ ломающимся самодуромъ, постоянныя

правственные и физическія страданія, поминутныя оскорбленія и сознаніе, что ты человѣкъ, но только человѣкъ въ ковычкахъ... ужасно!

И вслѣдъ за этой каторжной жизнью необезпеченная старость...

Трудно выдержать!

Нужны особенно счастливыя условія, нужна желѣзная воля, чтобы сохранить въ себѣ сознаніе человѣческаго достоинства, выбиться въ люди и воспитать семью. Это трудно, невѣроятно трудно при неразвитости нашего общества, считающаго лакея паріей.

Сознайтесь, что это такъ.

Если общество будетъ относиться иначе къ лакею — иначе и лакей къ нему отнесется.

А вѣчно дрожать, рискуя быть изгнаннымъ на улицу по требованію любого Кить Китыча — „хорошаго гостя“, вѣчно унижаться изъ-за подачки, — а безъ этого жить нечѣмъ, — невыносимо мучительно! Эти люди служатъ безъ жалованья, изъ подачекъ. Мало того, во многихъ ресторанахъ сами платятъ содержателямъ по 10—20 коп. въ день за право служить. Исключеніемъ является только ресторанъ „Саратовъ“, гдѣ содержатель, изъ человѣчности, платитъ самъ по 3 рубля въ мѣсяцъ каждому официанту... А въ другихъ мѣстахъ живутъ только подачками! Попробуй еохранить человѣческое достоинство.

Оно иногда грубо, злобно, выражается въ глазахъ лакея, въ его презрительномъ взглядѣ на несостоятельнаго гостя.

Это взглядъ мести за всѣ оскорбленія, за всѣ униженія...

Никогда мнѣ не забыть одной фразы почтеннаго старика-лакея, человѣка добрѣйшаго. Когда одинъ

прожигатель жизни сдѣлалъ нѣчто неподобающее, старикъ сказалъ только одну фразу:

— А еще благородный!..

И онъ сказалъ это ласково и жалостно.

Но сколько презрѣнія вмѣстѣ съ тѣмъ было въ его глазахъ и въ тонѣ голоса!.. Сколько человѣчности было въ этомъ „человѣкъ!“

Но вѣдь этого „человѣка“ звали всѣ, кто его зналъ, по имени и отчеству.

Онъ — счастливое исключеніе. Онъ выбился, воспиталъ свою семью, заслужилъ уваженіе не снимая лакейскаго фрака, который онъ болѣе четверти вѣка носилъ съ достоинствомъ.

Такіе люди — украшеніе корпораціи, примѣръ.

Это не случайно схватившіе у пьянаго гостя бутылку и разбогатѣвшіе на эти деньги; нѣтъ! — это труженики съ огромной силой воли, это люди, знающіе гостинницу только какъ мѣсто службы, а семью — какъ мѣсто отдыха.

Трактиръ и пьянство для нихъ не существуютъ.

Но много ли такихъ? Одинъ, два, десятокъ...

Трудно удержаться, чтобы не поболтать съ товарищами, освободившись отъ службы, возвращаясь въ пятомъ часу утра съ бѣганья на побѣгушкахъ.

И вотъ, вмѣстѣ съ лучами восходящаго солнца, невольные фрачники идутъ въ дешевые трактиры и гордо заказываютъ здѣсь водки, обязательно называя при этомъ вычурнѣйшія закуски, чтобы поразить половыхъ знаніемъ господскихъ кушаній. И говорятъ, и ругаются, и пьютъ, и приказываютъ! Сами приказываютъ, какъ господа, а имъ прислуживаютъ.

Общественность нужна человѣку, и теперь есть помощь этой потребности.

Общество взаимопомощи основано, о семьѣ позаботятся, дѣтей поставятъ на ноги.

Только для этого надо много и много работать.

Надо, чтобы общество приняло участіе въ этомъ добромъ дѣлѣ обезпеченія и развитія служащихъ.

Чтобы разные „бѣлопузы“ на высотѣ своего положенія помнили и сознавали, что они такіе же люди-человѣки и явились на слѣдующее собраніе.

Жаль, что на собраніи отсутствовали лица, ранѣе носившіе лакейскіе фраки и разбогатѣвшіе въ послѣдствіи...

Такихъ въ Москвѣ не мало. О каждомъ изъ такихъ можно сказать словами Шекспира:

Человѣкъ онъ былъ!

Но на этотъ разъ человѣкъ въ ковычкахъ...

Помогайте доброму дѣлу, съ Богомъ!

В. Гиляровский.

(„Рус. Ст.“ № 136. 1902 года).

ЭМАНСИПАЦІЯ ЧЕЛОВѢКА.

Злобой насущной московскаго дня теперь является учрежденіе московскаго общества взаимопомощи офиціантовъ.

Вчера я посѣтилъ инициатора и душу этого дѣла, профессора В. И. Герье, и спѣшу подѣлиться съ читателями бесѣдой съ нимъ.

Мысль основать общество взаимопомощи возникла у офиціантовъ давно, но осуществленіе ея не могло имѣть мѣста до послѣднихъ дней, потому что на первыхъ же порахъ офиціантамъ пришлось натолкнуться на лицо, которое злоупотребило ихъ довѣріемъ.

Они обратились къ какому-то краснорѣчивому ходатаю. Онъ убѣдилъ ихъ, что необходимо сначала собрать „членскіе взносы“, а уже затѣмъ приступать къ хлопотамъ о разрѣшеніи общества.

Членскіе взносы имъ опредѣлены были по 10 рублей. Потребность въ обществѣ была настолько сильна, что взносы въ обильномъ количествѣ стали поступать въ карманъ ходатая.

Онъ набралъ рублей 500 и исчезъ.

Такое начало обезкуражило многихъ инициаторовъ общества, но не отбило у нихъ охоты повторить свои попытки снова.

Они увидѣли, что на сей разъ необходимо выбрать въ руководители такое лицо, которое, по своему общественному положенію, авторитету, опытности и трезвому взгляду на вещи было бы внѣ всякихъ подозрѣній.

Такимъ лицомъ, два года тому назадъ, былъ избранъ уважаемый профессоръ Владиміръ Ивановичъ Герье.

Къ нему выборные отъ официантовъ пришли съ просьбой составить уставъ.

Профессоръ, несмотря на заваленность работою, охотно согласился помочь въ такомъ симпатичномъ дѣлѣ и единоличными усиліями составилъ, нынѣ утвержденный министромъ внутреннихъ дѣлъ, уставъ.

Во время своихъ работъ В. И. неоднократно приходилось обращаться по сомнительнымъ вопросамъ къ совѣщанію съ официантами.

На этихъ совѣщаніяхъ почти всегда присутствовали и принимали дѣятельнѣйшее участіе Ф. И. Климовъ, И. В. Нестеровъ, Ф. И. Назаровъ, П. М. Струковъ, М. Г. Гордѣевъ, И. П. Крайновъ, К. Н. Струновъ, В. Т. Суворовъ и другіе.

Совѣщаніе не о принципиальныхъ вопросахъ, — такіе принимались безпрекословно, такъ какъ ихъ представлялъ В. И. Герье, — а по такимъ вопросамъ, гдѣ необходимо было выказывать знаніе официантскаго быта, внутреннихъ распорядковъ этой обособленной жизни.

Такъ рѣшенъ былъ вопросъ о взносахъ.

Цѣль общества, какъ понимаетъ ее инициаторъ, взаимопомощь и улучшеніе быта не только официантовъ, но и другой гостинничной и трактирной прислуги.

— Я считаю особенно важною ту особенность, что въ члены общества будутъ привлекаться кромѣ официантовъ лица пробывшія въ этой должности не менѣе 5 лѣтъ, а затѣмъ оставившія ее и, что особенно важно, хозяева, имѣющіе у себя официантовъ и другую гостинничную и трактирную прислугу. Кромѣ того въ почетные члены могутъ быть избираемы и всѣ лица оказавшія обществу существенныя услуги.

Желаніе привлеченія постороннихъ лицъ въ почетные члены настолько велико, что профессоръ находитъ желательнымъ, чтобы треть членовъ совѣта общества, избиралась именно не изъ официантовъ, а изъ почетныхъ членовъ.

Вѣчно занятые, дорожащіе каждой своей свободной минутой, официанты врядъ ли смогли бы успѣшно исполнять обязанности членовъ совѣта безъ этихъ почетныхъ членовъ.

Къ дополненію своей основной цѣли общество, по мнѣнію В. И. Герье, должно идти путемъ пріисканія мѣстъ и занятій своимъ членамъ, одновременною помощью въ случаѣ болѣзни и безработицы, выдачею ссудъ, заботою о погребеніи умершихъ членовъ и попеченіемъ объ оставшихся въ нуждѣ вдовахъ и сиротахъ членовъ.

Размѣръ членскаго взноса возбудилъ наибольшія замѣчанія, но въ концѣ концовъ былъ принятъ въ три рубля.

По уставу обществу разрѣшается устройство особыхъ благотворительныхъ, танцевальныхъ вечеровъ, концертовъ, спектаклей, публичныхъ лекцій, и сборъ пожертвованій для усиленія его средствъ.

Профессоръ съ горячностью рассказывалъ какъ много прекрасныхъ людей нашелъ онъ въ числѣ тѣхъ двухсотъ офиціантовъ, съ которыми ему пришлось совместно работать.

Онъ никакъ не ожидалъ встрѣтить такихъ интеллигентныхъ, отзывчивыхъ на все доброе, лицъ, какъ С. А. Поповъ, Ф. И. Климовъ, Ф. И. Назаровъ, М. Г. Гордѣевъ, В. В. Мишо, С. А. Альштадтъ, И. В. Нестеровъ, Л. М. Битюговъ, В. С. Кузнецовъ, В. А. Александровъ, П. И. Бѣлянчиковъ и др. избранные въ члены совѣта и кандидаты къ нимъ.

— Пріятно было работать съ людьми, которые отзывчиво, экспансивно относятся къ намѣченной имидцѣли.

Пріятно было видѣть, съ какою готовностью, на примѣръ, С. А. Поповъ, собственникъ Лоскутной гостиницы, внесъ членскій взносъ за всѣхъ своихъ служащихъ и общался впредь вносить за всѣхъ кто къ нему поступить. Онъ по заслугамъ выбранъ въ председатели.

— Во время валихъ подготовительныхъ работъ не встрѣчались ли вы съ несочувствіемъ владѣтелей крупныхъ гостиницъ.

— Нѣтъ, всѣ относились съ полнымъ сочувствіемъ и довѣріемъ. Я не знаю, на чемъ основывается устраненіе себя отъ нашего симпатичнаго дѣла Большой Московской гостиницы, но увѣренъ, что это устрани-

ніе только временное. Кромѣ матеріальнаго значенія, возникновеніе нашего общества имѣетъ громадное нравственное значеніе. Общество подниметъ, эмансипируетъ „человѣка“. Уже и теперь члены общества сознаютъ, какъ велико будетъ это значеніе, они встрепенулись, приободрились. Когда они услышали о существованіи подобнаго учрежденія въ Германіи и о тѣхъ законодательныхъ постановленіяхъ, которыхъ добилось оно тамъ, постановленій, ограничивающихъ рабочій день, дающихъ выходной день, облагораживающихъ корпорацию, — они увидали, какъ велико то дѣло, которое затѣяно ими.

— Какъ курьезъ отмѣчу, что въ число членовъ записался одинъ негръ, — офиціантъ отъ Омона. Онъ разговаривалъ со мной по-французски и все убѣждалъ меня согласиться занять мѣсто председателя: „sans vous, monsieur le professeur, ça n'ira pas!..“ Онъ изъ Америки, вполне передовой человѣкъ, убѣжденный въ успѣхахъ нашего общества.

— Вообще я долженъ вамъ сказать, что изъ моихъ сношеній съ офиціантами я вынесъ такое впечатлѣніе: въ настоящее время въ ихъ средѣ выработались два основныхъ типа. Во-первыхъ, типъ человѣка, такъ сказать, передового, развитого, умнаго, дѣловаго и дѣловитаго. Этотъ типъ одѣвается хорошо, если не шикарно, встрѣчаются между ними и лощенные франты. Другой типъ — вымирающій, ветхозавѣтный офиціантъ. Онъ — робокъ, скромень, приниженъ. Наше общество, сливъ воедино эти два типа, сослужитъ большую службу имъ.

Н. Георгиевичъ.

(„Рус. Сл.“ № 134. 1902 года).

Общество взаимопомощи официантовъ въ Москвѣ и положеніе этого промысла въ Германіи.

17-го мая открылось въ Москвѣ общество „взаимопомощи“ официантовъ и другой гостиничной и трактирной прислуги. Желаніе составить такое общество уже давно проявлялось въ этой средѣ, и нельзя не признать такой фактъ отраднымъ. Сознаніе полезности такого общества было такъ сильно, что не было ослаблено неудачей первой попытки, окончившейся сборомъ взносовъ *на учрежденіе* общества и исчезновеніемъ сборщика. Группа девяти учредителей новаго общества проявила большое единодушіе, терпѣніе при неизбежныхъ проволочкахъ дѣла и довѣріе къ составителю устава, получившаго утвержденіе съ нѣкоторыми измѣненіями первоначальнаго проекта. Сочувствіе къ новому обществу со стороны московскихъ официантовъ вполне обнаружилось въ день открытія общества, на которое явились приглашенные учредителями 261 человекъ, вошедшіе такимъ образомъ въ первоначальный составъ общества; дальнѣйшее вступленіе членовъ будетъ обуславливаться баллотировкой ихъ въ общемъ собраніи. Въ собраніи преобладали люди зрѣлаго возраста и было немало пожилыхъ, но тѣмъ болѣе умилительно проявлялось всеобщее радостное настроеніе, торжествующее сознаніе достигнутаго успѣха.

Московское общество официантовъ преслѣдуетъ прежде всего цѣль взаимнаго *страхованія* своихъ членовъ. *Страхованіе имущества* отъ огня, воды и другихъ бѣдъ практикуется издавна. Болѣе сложно и потому ново *страхованіе труда*. Трудъ легко прерывается и не всегда легко возобновить его: повидимому, особенно непрочною страдаетъ промыселъ официан-

товъ, и члены новаго общества возлагаютъ именно въ этомъ отношеніи большія надежды на свой совѣтъ. Въ кругъ обязанностей этого совѣта входитъ „подысканіе мѣстъ и занятій“ членамъ общества, а вмѣстѣ съ тѣмъ помощь посредствомъ выдачи пособій или ссудъ тѣмъ изъ членовъ, которые сдѣлаются не по своей винѣ жертвою безработицы, составитъ, вѣроятно, одну изъ главныхъ заботъ общества. Но всякій труженикъ несетъ еще другой рискъ, — возможность наступленія *неспособности* къ работѣ. И здѣсь общество можетъ современемъ сдѣлаться весьма благотѣльнымъ учрежденіемъ, но уже теперь оно въ состояніи принести пользу, если будетъ содѣйствовать развитію въ населеніи сознанія необходимости создать общее городское страхованіе отъ неспособности къ труду и на случай старости прислуги и другихъ тружениковъ на частной службѣ. Наконецъ, многихъ можетъ привлечь въ члены общества и успокоивать мысль, что въ случаѣ смерти ихъ нуждающейся семьѣ будетъ куда обратиться за помощью.

Но если новое учрежденіе можно сравнивать по его дѣятельности съ обществомъ страхованія, то нужно имѣть въ виду и его отличіе отъ страхового общества, — отличіе, которое проявляется какъ относительно связи членовъ между собою, такъ и цѣли общества. Обществу страхованія нѣтъ дѣла до нравственныхъ качествъ своихъ членовъ, общество же взаимопомощи выбираетъ ихъ и можетъ исключать ихъ. Поэтому оно имѣетъ возможность благотѣльно повліять на своихъ членовъ и косвенно на всю профессию, содѣйствуя до извѣстной степени ея нравственному подъему. Другое различіе—въ томъ, что въ страховое общество члены поступаютъ не иначе какъ по разсчету, общество же взаимопомощи имѣетъ значеніе и

для тѣхъ, кто не ожидаетъ никакихъ услугъ для себя со стороны общества, кто готовъ дѣлать свой взносъ не рассчитывая получить его обратно, кто находитъ удовлетвореніе въ томъ, что принесъ свою лепту на общую пользу.

Особенность московскаго общества официантовъ заключается въ томъ, что членами его могутъ быть и бывшіе официанты,—послѣ пятилѣтняго пребыванія въ этой профессіи,—и сами хозяева. Первое полезно въ томъ отношеніи, что даетъ возможность сохранить въ числѣ членовъ тѣхъ, кто изъ официанта сдѣлался завѣдующимъ или хозяиномъ предпріятія или измѣнилъ занятіе. Участіе же хозяевъ гостиницъ и ресторановъ въ составѣ общества не только будетъ содѣйствовать его матеріальному процвѣтанію и вліянію, но полезно и тѣмъ, что можетъ содѣйствовать сближенію обѣихъ сторонъ, выясненію общихъ интересовъ и установленію взаимныхъ соглашеній, клонящихся къ улучшенію быта всей профессіи. Обществу посчастливилось въ томъ отношеніи, что тотчасъ по утвержденіи его устава владѣлецъ одной изъ первоклассныхъ московскихъ гостиницъ самъ изъявилъ желаніе вступить въ члены общества и затѣмъ согласился принять на себя председательство въ его совѣтѣ. По уставу восемь изъ его членовъ должны быть изъ официантовъ, хозяевъ и почетныхъ членовъ.

Одна изъ важнѣйшихъ обязанностей, возложенная на совѣтъ, гласитъ: „Изученіе положенія и потребностей профессіи официантовъ“. Такого рода спеціальныя „ислѣдованія“ (enquête) положенія извѣстнаго класса очень трудны и у насъ поэтому мало развиты, но именно такое исслѣдованіе недавно произведено въ сосѣдней Германіи надъ промысломъ официантовъ (Kellner), и оно представляетъ большой интересъ какъ

по способу, которымъ оно производилось, такъ и по своимъ результатамъ.

Заграничные путешественники при видѣ въ гостиницахъ и ресторанахъ щегольски одѣтыхъ и тщательно причесанныхъ кельнеровъ и не воображаютъ, сколько иногда горя скрывается за обманчивой наружностью. А между тѣмъ это—„горемычный“ промыселъ. Одинъ изъ знатоковъ его д-ръ Ольденбергъ видитъ бѣдствие кельнеровъ (das Kellnerelend) въ томъ, „что изъ этой профессіи нѣтъ выхода, что она обречена на безсемеинность, что женатый кельнеръ принужденъ или забросить семью, или пропасть и что холостые лишены всякаго общенія съ людьми“. Но къ этимъ болѣе идеальнымъ недочетамъ въ жизни нужно присоединить еще цѣлый рядъ матеріальныхъ: непрочность мѣстъ, эксплуатацію при приисканіи мѣста, и часто полную невозможность выпастыся и отдохнуть. Для улучшения своего быта кельнеры въ Германіи стали уже съ 70-хъ годовъ составлять общества взаимопомощи и ассоціаціи. Самое значительное изъ нихъ, основанное въ 1870 г., состоитъ изъ одного центрального—въ Лейпцигѣ—и 41-го мѣстнаго общества въ разныхъ городахъ, въ числѣ которыхъ четыре заграничныхъ въ Парижѣ, Ниццѣ и т. д., куда часто отправляются нѣмецкіе кельнеры для изученія французскаго языка: общее число членовъ этого общества взаимопомощи около 4,000; оно особенно заботится о нравственномъ и общеобразовательномъ воздѣйствіи на своихъ членовъ.

Если въ Германіи съ одной стороны можемъ отмѣтить среди тамошнихъ официантовъ большое и плодотворное стремленіе къ самопомощи, то съ другой стороны и „союзныя правительства“ обратили вниманіе на положеніе и потребности этого промысла. Когда былъ въ 1891 г. изданъ законъ, устанавливающій

повсемѣстный праздничный отдыхъ, этотъ законъ не могъ быть распространенъ на официантовъ, такъ какъ ихъ услуги въ особенности требуются публикой именно по воскреснымъ днямъ и въ праздники. Вслѣдствіе этого германскимъ правительствомъ и была назначена въ 1893 г. особая комиссія для изученія быта официантовъ мужскаго и женскаго пола.

Комиссія исполнила возложенное на нее порученіе очень тщательно. Составивъ вопросные листы, касавшіеся всѣхъ важнѣйшихъ для промысла официантовъ сторонъ, комиссія разослала ихъ по имперіи съ такимъ расчетомъ, чтобы опросу подверглось около десятой части всѣхъ наличныхъ заведеній, и притомъ такъ, чтобы опрошенные заведенія были раскинуты по всѣмъ областямъ Германской имперіи и по городамъ всѣхъ величинъ. Съ послѣднею цѣлью города были по числу населенія раздѣлены на три разряда. Въ общемъ было разослано въ 530 городовъ и мѣстечекъ 7,791 листъ. Листы должны были раздаваться какъ кельнерамъ, такъ и хозяевамъ, чтобы положеніе дѣла было освѣщено съ обѣихъ сторонъ, причемъ предоставлялось мѣстнымъ властямъ посылать два листа въ одно и тоже заведеніе, хозяину и прислугѣ, или въ разные заведенія. На эти вопросы получено было отвѣтовъ: отъ хозяевъ—4,271 и 3,135--отъ официантовъ; на 385 листовъ отвѣтовъ не послѣдовало, частью по случайнымъ причинамъ, частью вслѣдствіе нежеланія отвѣчать. Послѣднее объясняется страхомъ нѣкоторыхъ хозяевъ, что опросъ предпринять въ виду болѣе высокаго обложенія промысла. Такіе хозяева, уклоняясь отъ отвѣта, иногда запрещали и своимъ служащимъ отвѣчать; но бывали случаи, что и сами служащіе не давали отвѣта.

Въ общемъ результатъ было опрошено 34,471 лицо, въ этомъ числѣ однихъ кельнеровъ (обоюго пола) 12,465. Не ограничиваясь этимъ, комиссія обратилась въ слѣдующемъ году съ цѣлымъ рядомъ дополнительныхъ вопросовъ къ обществамъ и ассоціаціямъ (ферейнамъ) какъ хозяевъ, такъ и официантовъ. Такіе ферейны охватываютъ иногда цѣлыя области. Спрошено было 27 ферейновъ хозяевъ и 28 ферейновъ официантовъ. На основаніи собраннаго такимъ способомъ громаднаго матеріала комиссія составила два обширныхъ доклада со статистическими таблицами, напечатанные въ 1894 и 1895 гг. Матеріаль, заключающійся въ этихъ докладахъ, и выводы, сдѣланные изъ него комиссіей, освѣщаютъ со многихъ сторонъ положеніе промысла официантовъ въ Германіи. Прежде всего заслуживаютъ вниманія.

I. *Рекомендація на мѣста.* Проникнувшія уже ранѣе того въ печать жалобы на эксплуатацію, которой подвергаются официанты при полученіи мѣста со стороны рекомендательныхъ конторъ, вполне подтвердились опросными листами. Изъ опрошенныхъ официантовъ 50% получили свое мѣсто чрезъ посредство такихъ конторъ. Такъ какъ въ большинствѣ случаевъ рекомендаціи не подлежатъ опредѣленному закономъ тарифу, то конторы отдаютъ предпочтеніе при указаніи мѣста тѣмъ, кто соглашается больше всего заплатить. Еще хуже положеніе тѣхъ официантовъ, которые попадаютъ въ руки особыхъ комиссіонеровъ, занимающихся приисканіемъ мѣстъ. Эти комиссіонеры не только берутъ высокую плату за свои услуги, но часто посѣщаютъ ресторанъ, гдѣ служатъ опредѣленные ими, официанты и угощаются на ихъ счетъ, заискивая этимъ даже у хозяевъ. Многіе изъ комиссіонеровъ поступаютъ еще хуже: стараются какъ можно скорѣе

сманить или согнать рекомендованных ими кельнеровъ съ ихъ мѣста для того, чтобы имѣть опять случай нажать что-нибудь при новой рекомендаціи. Узнавъ, напримѣръ, что въ ресторанѣ случилась какая-нибудь неприятность, они спѣшатъ извѣстить хозяевъ, что у нихъ въ запасѣ столько-то отличныхъ кельнеровъ. Происходящее отъ всего этого зло засвидѣтельствовано не только кельнерами, но и хозяевами. Такъ, одинъ изъ послѣднихъ говоритъ прямо о безстыдствѣ, съ которымъ посредники извлекаютъ изъ кармана „съ такимъ трудомъ добытый заработокъ, давая возможность равнодушнымъ хозяевамъ отказывать служащимъ безъ всякаго повода и безъ труда замѣнять отпущенныхъ“. Бывали даже случаи, что посредники и недобросовѣстные хозяева дѣлили между собою полученную такимъ способомъ наживу. Нѣкоторые изъ посредниковъ къ тому же сами содержатъ гостиницы или рестораны и требуютъ отъ ищущихъ мѣсть официантовъ, чтобы они у нихъ проживали или харчевались. Плата за рекомендацію (куртажъ) вездѣ болѣе или менѣе высока, иногда же совершенно несоразмѣрна; приводится случай, что официантъ за мѣсто съ жалованьемъ въ 36 мар. въ мѣсяцъ обязался уплатить при поступленіи 20 мар., два раза въ теченіи года по 15-ти мѣр. и по истеченіи года 25 мар. По понятнымъ причинамъ еще бѣдственнѣе въ этомъ отношеніи положеніе женской прислуги, тѣмъ болѣе, что противъ эксплуатаціи мужской прислуги посредниками борются съ успѣхомъ общества взаимопомощи, а таковыхъ нѣтъ среди женской прислуги.

II. *Продолжительность рабочаго дня* была конечно предметомъ тщательныхъ справокъ. При этомъ оказалось, что безъ вычета небольшихъ нерывовъ на обѣдъ и т. п. рабочій день продолжался для половины

официантовъ отъ 14 до 16 часовъ, для одной трети съ лишнимъ—16—18 ч., а для 2,6%—даже болѣе 18 часовъ. Отвѣты хозяевъ и официантовъ однако въ этомъ вопросѣ значительно разнятся. Такъ, первые опредѣляютъ число менѣе обремененныхъ, т. е. работающихъ отъ 14 до 16 часовъ, въ 54%, официанты же—только въ 44%; наоборотъ, послѣдніе опредѣляютъ число наиболѣе обремененныхъ работою (16—18 час.) въ 40%, хозяева—только въ 30%.

Продолжительность рабочаго дня отягощается тѣмъ, что на долю значительнаго числа официантовъ (37%) приходится въ извѣстные дни *сверхурочная* работа; при этомъ оказывается, что, за нѣкоторыми исключениями, сверхурочная работа встрѣчается чаще всего именно въ тѣхъ заведеніяхъ, гдѣ и обычная работа наиболѣе продолжительна. Сверхурочную работу въ продолженіе двухъ часовъ и болѣе и до 60 разъ въ году несутъ болѣе 25% официантовъ. Что же касается до отдыха (праздничный отдыхъ совсѣмъ исключается), то только сравнительно небольшому числу представляется *суточный* отдыхъ въ опредѣленные дни, а именно, имъ пользовались до 12 разъ въ году—235 лицъ, до 24 разъ въ году—317, болѣе 25 разъ—556; за то 3,270 официантовъ никогда не имѣли суточного отдыха. Послѣдніе пользуются только краткими отлучками, и только 491 человекъ имѣли кромѣ суточного отдыха еще и право на извѣстныя отлучки. Что касается до отлучекъ, то 40% кельнеровъ отпускались только случайно и лишь 60% имѣли право на отлучки въ *опредѣленные* дни, причемъ изъ этого числа 39% пользовались отлучками, продолжавшимися болѣе 4 часовъ—отъ 12 до 48 разъ въ году, 30%—отъ 49 и 96 разъ и 30%—болѣе 96 разъ.

III. При такомъ положеніи дѣла естественно возникалъ вопросъ, совмѣстимъ-ли промыселъ официанта съ семейной жизнью? На этотъ вопросъ отвѣты официантовъ и хозяевъ были въ полнѣйшемъ противорѣчьи. Всѣ отвѣты первыхъ, за однимъ исключеніемъ, отрицали возможность семейной жизни; хозяева, за немногими исключеніями, утверждали, что продолжительность рабочаго времени не имѣетъ вреднаго вліянія на семейную жизнь, причемъ однако многіе изъ давшихъ такой отвѣтъ признавали, что между прочно поставленными кельнерами очень мало женатыхъ. Еще важнѣе другой вытекающій изъ условій жизни официантовъ вопросъ о вліяніи промысла на здоровье. Во всѣхъ отвѣтахъ, исходившихъ отъ хозяевъ, отрицалось вредное вліяніе промысла официантовъ на ихъ здоровье; наоборотъ, всѣ отвѣты со стороны официантовъ, за исключеніемъ трехъ, утверждали это. Защитники перваго мнѣнія заявили, что продолжительность рабочаго времени у официантовъ не можетъ повредить имъ, такъ какъ прерывается въ тѣ часы, когда заведеніе не посѣщается или мало посѣщается гостями; указывали на то, что помѣщеніе въ которомъ проводятъ время официанты, здоровѣе и лучше провѣтривается, чѣмъ мастерскія и т. п., такъ какъ предназначено для приѣма гостей и осматривается полиціей. Если же статистика показываетъ большую заболѣваемость среди официантовъ, то это приходится объяснять личными причинами, въ особенности тѣмъ, что за промыселъ официантовъ часто берутся люди физически слабые, такъ какъ считаютъ его менѣе отяготительнымъ и болѣе выгоднымъ. Сторонники противоположнаго мнѣнія поддерживали его указаніемъ на чрезмѣрную продолжительность работы въ помѣщеніяхъ, переполненныхъ людьми, на постоянную бѣготню „вверхъ и внизъ по-

лѣстницамъ“, обремененіе памяти при приѣмѣ заказовъ, плохія помѣщенія для спанья, скудные харчи и недостатокъ времени для приѣма пищи, что все особенно вредно для учениковъ моложе 16 лѣтъ. Что касается до статистическихъ данныхъ, приведенныхъ въ отвѣтахъ разныхъ фереяновъ, то особеннаго вниманія заслуживаютъ слѣдующія: по отчету одной изъ берлинскихъ больничныхъ кассъ за 1890 г. заболѣванія официантовъ ревматизмомъ и желудкомъ въ 200 разъ превышаютъ среднюю норму. Такая неравномѣрность можетъ показаться случайной; но и по официальной статистикѣ Германской имперіи въ 1891 г. на общее число застрахованныхъ на случай болѣзни приходится въ среднемъ 5 дней болѣзни въ году, по отчетамъ же берлинскаго общества официантовъ на каждого члена приходилось въ 1890 г.—8 дней (безъ дробей), въ 1891 г.—9, въ 1892 г.—10, въ 1894 г.—9 дней. Точно также и продолжительность болѣзни въ отдѣльныхъ заболѣваніяхъ не къ выгодѣ промысла официантовъ. Тогда какъ она для всей имперіи составляетъ въ среднемъ 17 дней, она высчитана для берлинскихъ официантовъ за 1890—94 годы отъ 28 до 30 дней. При томъ изъ числа этихъ заболѣваній 20% приходится на чахотку.

Еще болѣе роковымъ для официантовъ представляется процентное отношеніе числа умершихъ отъ чахотки къ общему числу умершихъ. Для всей имперіи за 1888 г. изъ общаго числа умершихъ скончалось отъ чахотки 12%—изъ берлинскихъ официантовъ, умершихъ въ шестилѣтіе 1889—94 гг. отъ чахотки, умерли 29%, 44%, 44%, 21%, 35% и (въ 1894 г.) 42%. Весьма поучительна статистическая таблица, представленная д-мъ Оглемъ гигиеническому конгрессу въ Лондонѣ, указывающая по даннымъ 1881—83 гг.

сравнительную смертность людей разных промыслов и занятий—всего 39. Мы приведем нѣкоторыя изъ указанныхъ цифръ. Основной единицей, указывающей минимумъ умирающихъ, взято число сто.

Духовенство	100
Садовники	108
Сельскіе рабочіе	126
Адвокаты	152
Пекаря	172
Служащіе въ конторахъ	179
Портные	189
Доктора	202
Переплетчики	210
Пивовары	245
Кучера	267
Хозяева харчевень	273
Офиціанты	397

IV. Какимъ же образомъ *вознаграждается* этотъ продолжительный и не безопасный для здоровья трудъ? Не вездѣ офиціанты состоятъ на жалованьи у хозяина,—только 28% получаютъ жалованье: при томъ это число различно по областямъ и городамъ, доходя, напр., въ Мюнхенѣ до 97% и понижаясь въ Берлинѣ до 58, а въ Ганноверѣ до 55. Но во многихъ случаяхъ, гдѣ жалованья не полагается, кельнерамъ предоставлено продавать за *свой* счетъ какой-нибудь предметъ потребленія, (напр. пиво, сигары и т. п.) или они получаютъ извѣстный процентъ съ дневнаго оборота или съ выручки за выпитое пиво. Изъ 18% заведеній, показанныхъ какъ не платящія жалованье, многія платятъ его только лѣтомъ. Кромѣ жалованья большинство хозяевъ даетъ кельнерамъ помѣщеніе и харчи: таковыхъ—89%; 10% даютъ только харчи. Среднія цифры получаемаго жалованья, конечно, не могутъ

служить вѣрнымъ показателемъ общаго заработка, такъ какъ цѣна денегъ относительна, и точно также не одинаковы расходъ и потребности въ большихъ или въ малыхъ городахъ. Жалованья до 5 руб. въ мѣсяцъ получаютъ 18% кельнеровъ, 54% получаютъ отъ 5 р. до 15 и 10%—болѣе 15 руб. Но въ печати нерѣдко проявлялись жалобы на *вычетъ* изъ жалованья за битую посуду, чистку ножей и т. п. и на расходы, которые приходится оплачивать самимъ кельнерамъ для удовлетворенія потребности гостей,—на газеты, спички, зубочистки и т. п. Опрось не оправдалъ этихъ жалобъ: такіе расходы существуютъ только у 2,9% заведеній (по показаніямъ хозяевъ у 1,8%, а кельнеровъ—у 4,6%). Что касается до битой посуды, то, не считая тѣхъ случаевъ, когда кельнеры должны платить за разбитую по ихъ винѣ посуду, обнаружилась только одна кофейня, гдѣ они должны отдавать 2% съ ежедневнаго заработка за „поломку“. Относительно штрафовъ съ кельнеровъ фереинамъ былъ поставленъ вопросъ, употребляются ли пени на нужды служащихъ или на что-либо другое. Нѣкоторое число фереиновъ отвѣтило, что въ ихъ округѣ штрафы вовсе не въ обычаѣ или существуютъ только въ видѣ угрозы, большинство же оказалось въ полномъ разногласіи: фереины хозяевъ отвѣтили утвердительно на вопросъ, идутъ ли штрафы въ пользу служащихъ; фереины кельнеровъ—отрицательно, прибавляя, что имъ неизвѣстно, на что употребляются штрафы, или же, что они предназначаются на возмѣщеніе битой посуды, пополненія инвентаря и т. д.

V. Изъ 27-ми хозяйскихъ фереиновъ 19 и всѣ фереины кельнеровъ заявили, что большинство офиціантовъ въ ихъ округѣ не въ состояніи существовать или прокормить семью на то, что они получаютъ отъ

хозяевъ, и для этого нуждается въ личныхъ *получкахъ* съ гостей. Вопросъ о желательности сохранить или отмѣнить этотъ вездѣ укоренившійся обычай давно уже возникъ въ печати и обсуждался въ ней не безъ страстности. И швейцарская ассоціація хозяевъ гостиницъ уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ высказалась за его отмѣну. Во время германскаго дознанія изъ 27-ми ассоціацій хозяевъ 11 признали обычай давать „на чай“ кельнерамъ вреднымъ для нихъ, большинство же 14 фрейновъ, отрицали всякій вредъ; изъ 28-ми ассоціацій кельнеровъ почти всѣ (25) признали вредность, и только одна отрицала ее. Сторонники обычая находили, что его сохраненіе необходимо потому, что никакое повышеніе жалованья не можетъ вознаграждать кельнеровъ, за отмѣну побочнаго дохода, что получки отъ гостей содѣйствуютъ внимательности и усердію по отношенію къ нимъ, что большинство теперешнихъ хозяевъ только этимъ способомъ нажили капиталъ, необходимый для открытія собственнаго заведенія, что въ самомъ обычаѣ нѣтъ ничего унижительнаго, что весьма часто гости даютъ на чай за особыя услуги, прося завернуть что-нибудь, дать веревочку, сургучъ и т. п., что одно лишь названіе (*Trinkgeld*) даетъ поводъ видѣть въ этомъ что-то обидное и т. д. Противники обычая съ одной стороны подчеркивали социальный вредъ его въ виду того, что онъ создаетъ извѣстное отчужденіе между публикой и данной профессіей, съ другой стороны настаивали на нравственномъ вредѣ этого неравномернаго и случайнаго заработка. Особенно молодые люди легко склоняются къ легкомыслию и расточительности и утрачиваютъ способность къ расчетливости или же, наоборотъ, слишкомъ увлекаются наживой. Но на вопросъ, какъ отмѣнить обычай, большинство не знало, что отвѣтить, нѣкоторыя же пред-

ложенія были очень наивны, напр., установить высокія пени и дающихъ штрафовать еще сильнѣе чѣмъ получающихъ.

VI. Самый важный и наиболѣе практическій вопросъ, поставленный ассоціаціямъ хозяевъ и официантовъ, былъ, конечно, слѣдующій: считаютъ ли они желательнымъ и осуществимымъ установленіе закономъ сроковъ и нормъ для рабочаго времени? Значительное большинство хозяйскихъ ассоціацій высказалось отрицательно, ассоціаціи официантовъ высказались вообще утвердительно. Противники установленія нормальнаго рабочаго дня утверждали, что у кельнеровъ и теперь достаточно досуга, ибо „дѣйствительная работа продолжается лишь 8—12 ч., въ остальное время нечего дѣлать, а во многихъ заведеніяхъ досугъ продолжительнѣе, чѣмъ работа. „На это нужно замѣтить, что въ этомъ случаѣ смѣшивалось ничегонедѣланіе съ отдыхомъ послѣ или среди работы. Въ „правилахъ“ нѣкоторыхъ заведеній предусматрѣно, напр., запрещеніе отдыхать во все время, пока заведеніе открыто, садиться въ присутствіи гостей, разговаривать между собою и т. п. Невозможность установленія нормы мотивировалась крайнимъ разнообразіемъ условій. Одна изъ ассоціацій утверждала, что ограниченіе рабочаго времени повлечетъ за собою увеличеніе на 30—50% расхода на служащихъ. Большинству заведеній пришлось бы поэтому замѣнять мужскую прислугу женскою или механическими приспособленіями.

Сторонники нормировки какъ со стороны хозяевъ, такъ и официантовъ мало распространялись о мотивахъ; нѣкоторые заявили, что кельнеры знаютъ „покой, свѣжій воздухъ и отдыхъ лишь по наслышкѣ“. Возможность нормировки доказывались ссылкой на заграничныя примѣры; въ этомъ отношеніи нужно ука-

зять, что регулирование рабочего времени для взрослых официантов состоялось (до германского закона) лишь в нескольких швейцарских кантонах.

Что же касается до вопроса, каким способом обеспечить за официантами надлежащий отдых, то сделанный в этом смысле предложения как со стороны хозяев, так и кельнеров признали возможность обоих способов, предусмотренных комиссией, т.-е. или установление *минимума* отдыха, или *максимума* рабочего времени, но разногласие обнаруживалось относительно продолжительности того, или другого: так хозяева допускали 6, 7 и 8 часов отдыха или требовали введения 14, 16 и даже 18-ти часового рабочего времени. Большинство ассоциаций официантов требовало минимального отдыха в 8 часов или максимальной рабочей поры в 14 часов с 2-х часовым перерывом, или же, как некоторые допускали, 15 часов, но с 3-х часовым перерывом, так-как „свыше 12-ти часов ни один человек не может и не должен работать“.

VII. На основании вышеуказанного статистического материала началась разработка вопроса, продолжавшаяся с разными справками шесть лет; в 1901 г. были опубликованы „основания“, и, наконец, 23-го января 1902 г. обнародовано следующее *распоряжение* союзного совета Германской империи. Для служащих в гостиницах и ресторанах устанавливается семь раз в неделю обязательный 8-ми часовой отдых (для учеников моложе 16-ти лет 9-ти часовой). Службное время между указанными отдохновениями может продолжаться не свыше 16-ти часов (для лиц моложе 16-ти лет только 15 часов), а в курортах с разрешения администрации 17 час., но не дольше 3-х месяцев.

Сверхурочная служба допускается лишь 60 раз в году. Вместо одного из 7-ми обязательных перерывов все официанты должны пользоваться *суточными* непрерывным отдыхом однажды в три недели, в городах же с населением свыше 20,000—однажды в две недели. А в те недели, когда им не предоставляется суточного отдыха, официанты должны пользоваться сверх обычного семикратного отдыха еще одним перерывом по крайней мере в продолжение 6-ти часов, и этот перерыв должен быть днем, между 8-ю час. утра и 10-ю вечера. Затем следует разные установления, имеющие целью дать полиции возможность контролировать правильное исполнение правительственного распоряжения.

Эта попытка правительства устранить произвол, царивший в области одного из важных промыслов и приносивший ущерб здоровью и нравственному быту многих тысяч людей, везде была встречена с благодарностью. Но, конечно, не обошлось и без критики. Критика находит чрезмерной 17-ти часовую работу и недостаточной 8-ми часовой отдых в больших городах для тех служащих, которым приходится жить далеко от места служения. Критика указывает также на некоторые пробелы: почему ничего не установлено относительно перерывов для обеда? Почему не отменно „нелюбое“ запрещение садиться в присутствии гостей? Оно отменно в Германии для приказчиков и продавщиц в магазинах.

Из предшествовавшего очерка можно усмотреть, как разнообразны и важны для заинтересованных лиц задачи, которые может поставить себе возникшее в Москве общество взаимопомощи официантов. Горячий интерес, которое оно возбуждает среди людей этой профессии,—об этом свидетельствуют

и иногороднія письма,—и просвѣщенное сочувствіе, которое оно встрѣтило со стороны нѣкоторыхъ изъ московскихъ хозяевъ, даютъ право надѣяться, что оно учреждено не напрасно.

В. Герье.

(„Русск. Вѣд.“ № 159 1902 года).

Негативы.

Отъ симпатичнаго инициатора симпатичнаго общества взаимопомощи официантовъ М. Г. Гордѣева я получилъ вчера длинное письмо.

Въ немъ затронуты много назудившихъ вопросовъ официантскаго быта и сквозить теплое, человѣчное чувство по адресу тѣхъ изъ несчастныхъ служащихъ гостиничныхъ и ресторанныхъ, которые не имѣютъ права вступать въ члены общества.

11-го іюня состоялось общее собраніе этого общества для баллотировки вновь вступающихъ членовъ.

По спискамъ всего оказалось 539 человекъ.

По уставу только тѣ лица принимаются въ число членовъ, которыя не были „опорочены по суду“.

Тѣ же несчастные, которые отбывали и отбыли тюремное заключеніе, потеряли на всю жизнь право сплотиться во-едино.

Понурия голову прислушиваются они къ каждому разговору своихъ собратій объ открытіи общества, о дальнѣйшихъ видахъ, планахъ, надеждахъ.

— „Неволью пожалѣешь этихъ несчастныхъ, которые потеряли свое равноправіе, въ большинствѣ случаевъ, въ самомъ молодомъ возрастѣ!“ — говоритъ М. Г. Гордѣевъ.

При тѣхъ неприятныхъ условіяхъ, которые существуютъ не только въ Москвѣ, но и въ другихъ, болѣе крупныхъ городахъ Россіи, официанту трудно уберечь себя въ молодости.

Во-первыхъ, онъ не имѣетъ опредѣленнаго заработка, принужденъ пользоваться случайнымъ, отъ оскорбительныхъ по формѣ, „доброхотныхъ даяній посятителей“, иначе говоря отъ „начаевъ“.

Этихъ „начаевъ“ ему не всегда и не вездѣ хватаетъ на самые необходимые расходы.

Бѣда, питье, квартира, стирка бѣлья, крахмаленъе сорочекъ, служебный костюмъ, обувь,—все это должно быть приличное по виду, потому что вся жизнь официанта проходитъ на глазахъ у публики.

А если прибавить къ этому, что у большинства служащихъ, въ деревнѣ жена, дѣти, пристарѣлые отецъ съ матерью, братъ на военной службѣ, сестра невѣста, земскія повинности, крестьянскіе сборы и т. д. и т. д.,—тогда станетъ понятно, какъ подъ давленіемъ необходимости человѣку приходится волей-неволей вступать въ сдѣлку съ совѣстью.

— „Какъ человѣку существовать, чтобы не потерять свою личность и не сдѣлаться кандидатомъ на скамьѣ подсудимыхъ? Все это дѣлается вопреки своей природѣ и къ ужасу своему. Иной быть можетъ и радъ бы оставаться честнымъ человѣкомъ, въ иномъ и душа переворачивается. Изъ страха передъ голодомъ онъ заглушаетъ и стыдъ, и совѣсть, и сознание своего человѣческаго достоинства. Вѣдь не родятся же эти люди официантами со всѣми присущими этому званію достоинствами. Они все время сознаютъ всѣ гадости официанства. Гнетущія думы не покидаютъ ихъ даже и тогда, когда они по наружному виду съ

равнодушной улыбкой прислуживают своимъ господамъ“.

Съ 10—11 лѣтъ деревенскій мальчикъ проходитъ суровую школу официантской профессіи.

Съ 10 лѣтъ онъ приучается подъ наблюдениемъ своихъ опытныхъ собратьевъ отшибать въ свою пользу копѣйку—двѣ.

Къ 16—17 годамъ онъ становится уже полнымъ отшибателемъ и въ то же время усваиваетъ себѣ всѣ дурныя наклонности.

Онъ пьетъ.

Куритъ.

Имѣетъ любовницу.

Отъ прежняго честнаго мальчика съ хорошими задатками не осталось и слѣда.

Пропившись, проигравшись онъ съ 17—18 лѣтъ подчасъ попадаетъ въ притоны сомнительнаго свейства.

Кража со взломомъ.

Присвоеніе чужой собственности.

Судъ.

Тюрьма.

И на всю жизнь они остаются барахтаться въ пагубномъ омутѣ разврата.

Возвращаются въ лоно официантской семьи лишь болѣе сильные характеры.

А такихъ не много.

И объ нихъ надо серьезно подумать.

— „Одинъ изъ такихъ молодыхъ людей обратился на дняхъ ко мнѣ съ убѣдительною просьбой принять его въ число членовъ. Но я хорошо зная, что онъ присвоилъ кошелекъ оставшійся на столѣ послѣ посѣтителя и за такую молодецкую доблесть былъ приговоренъ судьей къ тремъ мѣсяцамъ тюремнаго

заключенія, разумѣется, отказаль внести его имя на баллотировку“.

Видно, что съ болью въ сердцѣ отказаль просителю М. Г. Гордѣевъ.

Въ заключеніе онъ призываетъ членовъ общества показать на себѣ примѣръ воздержанія отъ компромиссовъ съ совѣстью.

— Покажите, что вы достойны носить высокое званіе членовъ общества. Вы должны сознавать какъ много лѣтъ мы боролись за право святѣйшаго изъ званій—человѣка. Тогда безъ сомнѣнія поднимется нравственный авторитетъ современнаго официанта. А главное вы должны обратить самое строгое вниманіе на мальчиковъ, слѣдить за ихъ воспитаніемъ, чтобы они не усваивали дурныхъ привычекъ, не забывали о Богѣ, семьѣ и добрыхъ задаткахъ, которые въ зачаточномъ состояніи находятся въ каждой дѣтской душѣ.

Отрадно слышать изъ устъ официанта такой горячей, умной, сердечной призывъ.

Отъ души желаю ему всякихъ успѣховъ и процвѣтанія.

Пусть общество какъ-нибудь подумаетъ, нельзя-ли какъ-нибудь устроить, чтобы тѣ 10—11 лѣтніе мальчики, которые попадаютъ въ горнило ресторана, посѣщали хоть низшую школу.

Я знаю, что у дѣтей, какъ и у взрослыхъ, отнято рестораною все время.

Я знаю, что имъ некогда учиться.

Но трудно говорить о воспитаніи безъ благотельнаго вліянія хотя бы низшей грамоты.

Общество должно объ этомъ подумать.

(„Руск. Сл.“ № 161. 1902 года).

Письмо въ редакцію.

Я опять получилъ письмо отъ учредителя официантскаго общества г. Гордѣва.

Въ немъ онъ даетъ совершенно иное освѣщеніе вопросу, неоднократно дебатировавшемуся на страницахъ газетъ.

Вопросу о замѣнѣ радушнаго *ты* на холодное *вы* въ обращеніи посѣтителей ресторановъ съ прислугой.

Дѣло вовсе не въ этой замѣнѣ.

Прослуживъ много лѣтъ въ качествѣ официанта, г. Гордѣвъ хорошо изучилъ, какъ обращается посѣтитель съ прислугой и приводитъ образчики этого обращенія:

— Человѣкъ! Скотина! Поварачивайся!

— Эй, ча-экъ! Зачѣмъ вы такую мерзость подаете?..

— Свиньи!.. Жрите сами эти помои!..

Если официантъ возразить:

— Извините, господинъ хороший, я-съ тутъ не причемъ... Кухня хозяйская, а не моя...

Въ отвѣтъ:

— Ты еще смѣешь разсуждать! Молчать, болванъ!..

А то въ рожу!..

Малѣйшая неточность въ исполненіи сумасброднаго, пьянаго или полупьянаго каприза посѣтителя и градъ отборнѣйшихъ ругательствъ падаетъ на голову официанта.

А подчасъ и поврежденіе скульпъ и реберъ включительно.

Не миеъ, не свѣжо преданіе, которому вѣрится съ трудомъ, бьющій гость.

Ресторанъ такъ доступенъ теперь широкой публикѣ, такъ много субъектовъ, которымъ всю жизнь приходится плясать подъ чужую дудку.

Попадая въ ресторанъ, они рады, что находятъ живое существо, надъ которымъ можно было бы безнаказанно поломаться.

Это существо—безсловесный официантъ.

И гость отводитъ душу.

И чѣмъ мельче гость, чѣмъ мизернѣе у него душонка, тѣмъ больше въ немъ „гонору“, ломанья, бахвальства.

Онъ привыкъ, чтобы надъ нимъ ломались, и захлебывается отъ наслажденія, видя, какого страха онъ самъ можетъ нагнать на человѣческое существо.

Если его самого ругали—онъ самъ ругается.

Его самого били—онъ самъ бьетъ.

Закону отраженія подчиняются всѣ на свѣтѣ.

Лучи—въ физикѣ.

Налоги—въ финансовомъ правѣ.

Пощечины—въ жизни.

Итакъ, дѣло оказывается вовсе не въ замѣнѣ *ты* на *вы*.

Все равно сказать:

— Ты—свинья!

Или:

— Вы—свинья!

Дѣло не въ замѣнѣ одного мѣстоименія другимъ, а въ замѣнѣ скотскаго обращенія человѣческимъ.

Дѣло въ отмѣнѣ кулачнаго права въ ресторанахъ. Почему оно процвѣтаетъ въ нихъ?

Во-первыхъ, потому, что посѣтитель не признаетъ человѣка въ прислуживающемъ ему человѣкѣ.

Во-вторыхъ...

— „... Нашему брату поневоля́ приходится молчать и терпѣть. Къ этому вынуждаетъ насъ, о которомъ пѣвецъ скорби народной говорилъ:

Въ мирѣ есть царь. Этотъ царь беспощаденъ.

Голодъ—название ему.

Онъ заставляетъ нашего брата нести на себѣ личину въ теченіе 17—18-ти часовъ въ сутки! Заставляетъ перебѣгать отъ стола къ столу съ одной неизмѣнно заискивающей улыбкой, затаивъ, въ то же время, тамъ, въ далекомъ уголкѣ сердца, слезы и стыдъ своего званія“.

Да иначе и быть не можетъ, пока фактическимъ хозяиномъ официанта будетъ не хозяинъ ресторана, а посѣтитель.

Вѣдь не отъ хозяина ресторана, а отъ посѣтителя получаетъ официантъ содержаніе.

Это содержаніе слагается исключительно изъ „на-чаевъ“, изъ добротныхъ даяній, изъ унижительныхъ подачекъ.

Г. Гордѣевъ, быть можетъ, даже и не утрируетъ, говоря:

— „Человѣкъ принужденъ во имя этихъ подачекъ переносить всякія издѣвательства надъ своею лично-стью. Плюньте нашему брату въ глаза,—онъ только утретъ и попроситъ „на чаекъ“. Бейте его „по мордѣ“, ругайте его площадною бранью, онъ приметъ это какъ должное и не скажетъ вамъ ни слова, ожидая, что вы дадите ему какъ слѣдуетъ „на чай“.

Быть можетъ и нашелся бы человѣкъ, который захотѣлъ бы защитить свои человѣческія права.

Но какъ защитить?

Онъ знаетъ, что хозяева и администрація зорко слѣдятъ за тѣмъ, чтобы прислуга ни въ какомъ слу-

чаѣ ничего не возражала и не разсуждала съ посѣтителями.

За всякое объясненіе можно лишиться мѣста.

Вѣдь хозяева не дорожатъ ничуть прислугой: предложенія въ десять разъ превышаютъ спросъ.

На мѣсто cadaго уволеннаго въ пять часовъ дня въ половинѣ шестого явится десять голодныхъ ртовъ.

Прислугой хозяева не дорожатъ.

Но зато они дорожатъ „честью заведенія“, его репутаціей.

Объясненія прислуги съ посѣтителями—мараетъ эту честь.

По городу пойдетъ слава, что въ этомъ ресторанѣ прислуга груба и—ресторанъ пропалъ.

Ресторанъ превращается въ „полѣ брани“.

Брани въ настоящемъ, современномъ значеніи этого слова, т.-е. ругани.

Брань виситъ въ ресторанной атмосферѣ.

Она присуща ей, какъ кухонный чадъ кухнѣ.

Но какъ освободиться отъ нея?

Какъ примирить посѣтителей съ прислугой?

— „Совершенно уничтожить „на-чай“—и немислимо и несправедливо. Всякая услуга должна оплачиваться. Въ томъ числѣ и наша, человѣческая“.

— „Если возложить оплату ея на хозяевъ—изъ этого толку не будетъ. Хозяева или обложить нашего брата налогомъ, или набавятъ цѣны на кушанья и вина“.

— „Компромиссъ долженъ заключаться во введеніи извѣстнаго рода таксы за наши услуги. Такъ въ Парижѣ чай составляютъ обыкновенно десять процентовъ съ суммы счета. Эти десять процентовъ *право* прислуги, а не *подачка*“.

Мнѣ представляется весьма разумнымъ такое разрѣшеніе вопроса.

Исчезнетъ унижительный, даже по самому своему названію, „на-чай“ и останется чистая плата за работу.

Докторъ получаетъ за визитъ.

Адвокатъ — за выходъ.

Официантъ — за сервировку.

У каждого своя специальность. И каждая специальность имѣетъ одинаковое право на уваженіе.

Для эмансипаціи система такой оплаты 10%-нымъ сборомъ сдѣлала бы много пользы.

Разрѣшивъ этотъ вопросъ, мой корресподентъ поднимаетъ попутно и другой.

— Почему многіе посѣтители скверно обращаются съ прислугой? Почему не рѣдко встрѣтить даже посѣтителя съ солиднымъ образованіемъ, титулованную особу, за которыхъ намъ маленькимъ людямъ дѣлается совѣстно, приходится краснѣть и думать, скрѣпя сердце: „какое скверное воспитаніе вы, баринъ, получили!“

— „Встрѣчаются, конечно, и такіе посѣтители, которые обращаются вѣжливо. Просто сердце радуется на такого господина. Радъ служить ему во всякое время. Но, къ сожалѣнію, такихъ благородныхъ господъ не много“.

— „Я бы могъ указать извѣстныхъ лицъ Москвы, которія съ прислугой очень скверно и дерзко обращаются. Но покамѣсть умолчу, не буду называть этихъ прославленныхъ героевъ. Впрочемъ, если они не угомонятся, я принужденъ буду въ слѣдующемъ письмѣ привлечь ихъ къ суду общественнаго мнѣнія“.

Мнѣ думается, что г. Гордѣевъ стоитъ не совсѣмъ на правильной дорогѣ въ разрѣшеніи этого вопроса.

Онъ, кажется, рекомендуетъ ту же мѣру, какую года три тому назадъ рекомендовалъ въ Казани ини-

циаторъ общества спасенія погибшихъ женщинъ А. Т. Соловьевъ.

Г. Соловьевъ проектировалъ составить и напечатать въ своемъ журналѣ *Дятель* адресъ-календарь казанскихъ развратниковъ.

Для составленія списка развратниковъ имъ рекомендовались удивительныя мѣры вплоть до облавы на развратниковъ въ садахъ и публичныхъ домахъ.

Г. Гордѣевъ также очевидно мечтаетъ о возможности распубликованія во все народное свѣдѣніе московскихъ ругателей и мордобійць.

Не говоря уже вообще о практической невыполнимости этой прекрасной задачи, слѣдуетъ замѣтить, что на этой почвѣ распубликованія возможны страшныя злоупотребленія.

* * *

Какъ бы тамъ ни было, а нельзя не порадоваться, что въ ресторанной атмосферѣ, на этомъ полѣ вѣчной брани раздаются теперь слова, исполненныя человеческого достоинства.

Официантъ проснулся.

Спросонокъ онъ, можетъ быть, говорить и не все понятно, и не все какъ слѣдуетъ, но все же многое, сказанное имъ, хорошо, умно, благородно.

Профессоръ В. И. Герье, когда я бесѣдовалъ съ нимъ о новомъ обществѣ официантовъ, имѣлъ основаніе сказать:

— Положительно недоумѣваешь, какимъ образомъ въ ихъ средѣ находится такъ много свѣтлыхъ, благородныхъ личностей,

Н. Шебуевъ.

Письмо Саратовскихъ официантовъ.

Вторая радость—письмо, полученное изъ Саратова.

Тамошніе официанты, прочитавъ „Негативы“ въ № 181-мъ *Русскаго Слова*, прислали по адресу г. Гордѣва и моему прочувствованное посланіе, подписанное 22-мя лицами.

Голосъ объединенія, раздавшійся въ Москвѣ, „не замедлилъ отразиться и въ нашихъ сердцахъ, какъ брошенная искра благодатнаго огня.

„Пускай насъ считаютъ другіе за грубыхъ и невѣжественныхъ людей, но мы вовсе не такъ грубы, какъ это думаютъ другіе, близко не знающіе насъ.

„Мы способны также выражать чувства радости и обиды, нанесенной намъ, но мы молчимъ. Мы не выражаемъ этихъ чувствъ, потому что они въ насъ придавлены сильнѣйшими насъ людьми“.

И вотъ они просыпаются. Пробуждаетъ ихъ одна изъ тѣхъ свѣтлыхъ личностей, которая сама была близка нашему неблагодарному ремеслу.

„Мы не можемъ описать того восторга, который проявили наши саратовскіе официанты по прочтеніи вышеупомянутой статьи.

Скопившаяся скорбь всеми забытаго, порабощеннаго хозяевами, поруганнаго и униженнаго посѣтителемъ челоѣчества, сразу вырвалась наружу въ формѣ не поддающагося описанію энтузіазма и благодарности.

Такъ бываетъ съ сиротами-дѣтьми, брошенными по волѣ суроваго рока на произволъ судьбы и попавшими въ семью деспотовъ и безсердечныхъ людей.

Они претерпѣваютъ всевозможныя издѣвательства и даже не имѣютъ кому пожаловаться на своихъ по-

кровителей-тирановъ. А подчасъ имъ даже и плакать-то запрещается тѣми же покровителями.

И они уже потеряли всякую надежду вырваться изъ этого омута издѣвательства варваровъ. Притаившись гдѣ-нибудь въ углу, они лишь подавляютъ вздохи въ своей надорванной груди.

И вдругъ является имъ неожиданный освободитель.

Саратовскіе официанты хорошо понимаютъ, что не сразу произойдетъ ихъ освобожденіе.

Но они сознаютъ пользу объединенія, мало-по-малу подойдутъ къ основанію общества вспомошествованія, подобнаго московскому.

Примѣръ Москвы заразилъ уже Петербургъ.

Теперь отзывается отдаленный Саратовъ.

Въ Саратовѣ условія официантской жизни еще тяжелѣе, чѣмъ въ Москвѣ.

Въ Москвѣ хоть средній-то уровень посѣтителей все-таки культурнѣе.

А въ Саратовѣ—сплошной невѣжда.

Право пьянаго невѣжды—на концѣ кулака.

Въ кулакѣ—логика, сила, удалъ, самолюбіе, умъ, воспитаніе невѣжды.

Вотъ почему кулачныя расправы въ Саратовѣ всегдѣ не рѣдкость.

Пожалуйста—„хозяинъ выбрасываетъ“ несчастнаго слугу, даже не выслушавъ его, какъ негодную тряпку“.

Саратовцы надѣются на осуществленіе идеи организовать общество официантовъ и облегченіе участи.

Вѣдь вопросъ о праздничномъ отдыхѣ приказчиковъ получилъ же у нихъ благополучное разрѣшеніе?

Впрочемъ, „объ насъ все забыли, какъ будто мы и не принадлежимъ къ роду челоѣческому. Мы не просили себѣ отдыха подобно приказчикамъ. Гдѣ ужъ

намъ о такихъ вещахъ помышлять? Мы желаемъ лишь, чтобы съ нами обращались, какъ съ людьми, а не какъ ломовые извозчики съ лошадьми“.

Саратовскіе официанты жалуются, что „всѣ о нихъ забыли“.

Не это ужасно, что всѣ о нихъ забыли.

А ужасно то, что сами они о себѣ забыли.

Забыли и примирились со своимъ существованіемъ.

Г. Гордѣевъ *не другимъ* напомнилъ о существованіи ихъ, а *имъ самимъ*.

Московскіе официанты *сами о себѣ вспомнили*.

И саратовскіе тоже должны были вспомнить сами о себѣ, а не дожидаться, когда о нихъ вспомнятъ другіе.

Отъ всей души желаю имъ полного успѣха.

Ихъ жизнь—жизнь каторжника.

Каторжника приковываютъ за провинность къ тачкѣ.

А официанты за грѣхи родителей прикованы къ салфеткѣ.

Благодарю ихъ за теплыя слова, высказанныя по моему адресу въ письмѣ, и обещаюсь передать ихъ привѣтъ и благодарность г. Гордѣеву.

„Рус. Сл.“ № 192. 1902 года.

Общество официантовъ.

23 декабря подъ предсѣдательствомъ С. А. Попова происходило собраніе Общества взаимопомощи официантовъ. Въ собраніи было доложено, что нѣкоторыя торговыя фирмы изъявили согласіе отпустить товары членамъ Общества со скидкой; нѣкоторые врачи согла-

сились принимать больныхъ членовъ Общества бесплатно или за небольшое вознагражденіе. Собраніе рѣшило измѣнить уставъ въ томъ смыслѣ, что въ Общество могутъ приниматься и лица не причастныя къ официантамъ въ качествѣ членовъ-соревнователей, съ правомъ совѣщательнаго голоса, со взносомъ ежегодно въ 5 р. или одновременно 50 р.

Собраніе избрало вновь 377 дѣйствительныхъ членовъ, такъ что общее число членовъ достигаетъ 1.200 человекъ.

Послѣ засѣданія учредители поднесли икону Св. Апостола Матѳея и адресъ официанту М. Г. Гордѣеву по инициативѣ котораго основано Общество.

„Моск. Вѣд.“ № 354. 1902 года.

„ЧЕЛОВѢКЪ“.

Завтра общее собраніе членовъ общества взаимопомощи официантовъ и другой гостиничной и трактирной прислуги.

Словомъ, общества защиты правъ „человѣка“.

Въ два часа дня въ домѣ Гирша, у Арбатскихъ воротъ, соберутся воедино не „люди“, а люди.

Кавычки, отдѣляющія „человѣка“ отъ человѣка, останутся тамъ, въ гостинницахъ, ресторанахъ, за столиками, у буфетовъ, въ полутемныхъ коридорахъ, въ тѣсныхъ каморкахъ для номерной прислуги, которыя тѣмъ тѣнѣе, чѣмъ роскошнѣе и просторнѣе самыя шикарныя номера.

Соберутся полноправные члены полноправнаго общества; соберутся, чтобы потолковать о своихъ профессиональныхъ дѣлахъ.

И вы не узнаете въ этихъ серьезныхъ, порой совершенно интеллигентныхъ на видъ господахъ, одѣтыхъ въ пиджаки и сюртуки, тѣхъ самыхъ слугъ, которые съ подобострастно-почтительной улыбкой расхваливали вамъ качества осетрины, соусъ-тартаръ.

Подобострастно-почтительная улыбка вмѣстѣ съ кавычками осталась на мѣстѣ службы.

Эту улыбку человѣкъ надѣваетъ вмѣстѣ съ фраккомъ, вмѣстѣ съ кавычками.

— Я знаю, что многіе изъ господъ-посѣтителей презираютъ насъ за эту самую улыбку!—жаловался мнѣ одинъ изъ официантовъ,— а по нашему дѣлу безъ нея нельзя. Попробуй-ка сдѣлать непривѣтливое, серьезное лицо ..

Улыбка, какъ и фракъ,—форма официантовъ.

Сама служба сдѣлала ихъ актерами.

Развѣ можетъ балерина плясать не улыбаясь, развѣ можетъ не улыбаться душка-теноръ, развѣ могутъ не улыбаться хористки „капелль“, развѣ могутъ не улыбаться официанты?

Быть вѣчно привѣтливымъ—тяжелѣйшая изъ обязанностей.

Давно извѣстно:

— Служить бы радъ,—прислуживаться тошно!

А между тѣмъ, обязанность „человѣка“, который при современномъ положеніи вещей находится въ кабалѣ у хозяина, не только служить, но, главнымъ образомъ, прислуживаться, подслуживаться, улыбкою встрѣчать незаслуженныя оскорбленія и даже (помните письмо г. Гордѣева?) побои, обманывать посѣтителей, блюдя интересы заведенія, протягивать руку за „чайми“, и т. д., и т. д.

Эти нищенскіе „на чай“ низко уронило достоинство официанта.

Изъ-за нихъ онъ продаетъ свое человѣческое достоинство, свои улыбки, взгляды, свое самолюбіе, свою честь, какъ несчастная женщина, которую судьба заставила торговать улыбками, поцѣлуями, взглядами, самолюбіемъ, честью, человѣческимъ достоинствомъ.

И вотъ первый вопросъ, надъ которымъ должно поработать общество, это—опредѣленіе правового положенія официанта.

Но въ странномъ положеніи очутились официанты. Кому служить они?

Хозяину?—Но отъ хозяина они порой ничего не получаютъ, а порой даже сами платятъ ему.

Посѣтителю?—Но между посѣтителемъ и официантомъ вѣдь не существуетъ никакого договора о вознагражденіи за трудъ.

Посѣтитель обязанъ заплатить по счету только хозяину.

Ни одинъ изъ шестнадцати томовъ свода законовъ не упоминаетъ о „на чайхъ“.

Официантъ, работая, какъ волъ, и служа и своему господину и посѣтителю, юридически безпомощенъ въ дѣлѣ отысканія вознагражденія за трудъ.

Фальсификаціей жалованья являются „на чай“. Они затыкаютъ ротъ официантамъ и заставляютъ ихъ забывать о ихъ правовомъ положеніи.

Для поднятія человѣческаго достоинства, для очищенія официантской службы, для признанія юридическихъ правъ за официантомъ слѣдуетъ прежде всего отмѣнить чаевыя.

Пусть официантъ получаетъ отъ хозяина или жалованье, или процентное вознагражденіе.

Пусть цѣны на кушанья и напитки будутъ повышены на 5—10%, съ тѣмъ, чтобы это повышение пошло на жалованье служащимъ.

И пусть чаевыя, эта позорная милостыня, которую человѣкъ подаетъ „человѣку“, будутъ отмѣнены.

Въ обществѣ взаимопомощи не разъ поднимался этотъ вопросъ.

Задумывался надъ нимъ и проф. В. И. Герье, членъ-учредитель общества, и, кажется, ему съ С. А. Поповымъ, дѣятельнымъ предсѣдателемъ общества, принадлежитъ проектъ этой реформы.

Человѣкъ, который беретъ на чай,—это звучитъ не особенно гордо.

Но человѣкъ, который не беретъ на чай,—это звучитъ ужъ достаточно гордо.

Н. Шебуевъ.

(„Рус. Сл.“ № 51. 1903 г.).

НЕГАТИВЫ.

Вчера, наконецъ, познакомился я съ Матвѣемъ Гордѣвичемъ Гордѣвичемъ, проповѣдникомъ официантскаго объединенія.

До сихъ поръ знакомство съ нимъ было исключительно литературное.

Я получалъ отъ него обстоятельныя письма.

Не я одинъ получалъ ихъ.

Три года каждый московскій журналистъ подвергался время отъ времени бомбардировкѣ этого борца за единеніе.

Ни одна газетная статья, касающаяся официантовъ и ихъ быта, не обходилась безъ инспирированія имъ.

А статей этихъ было много.

Какъ капли онѣ падали на ледяную глыбу общественнаго равнодушія.

И точили ее. И топили ее.

И вотъ, когда этотъ камень, эта глыба растаяла образовалось общество официантовъ, о которомъ слухъ теперь прошелъ безъ преувеличенія по всей Россіи.

Даже въ Ташкентѣ официанты надъ взаимопомощью призадумались.

Даже въ Харбинѣ.

И вотъ вчера въ редакцію заглянуло то лицо, которое надѣлало этотъ шумъ.

Смуглый брюнетъ, лѣтъ 45, съ выразительными умными глазами, живой и умбющій держаться со всякимъ безъ официантскаго фальсифицированнаго подобострастія, М. Г. Гордѣевъ произвелъ на меня въ высшей степени пріятное впечатлѣніе.

Съ нимъ хотѣлось говорить.

И говорить было о чемъ.

Онъ рассказывалъ какъ много пришлось ему вынести насмѣшекъ, обидныхъ глумленій, даже матеріальныхъ лишеній изъ-за того, что онъ взялся помочь официантамъ.

Громче всѣхъ, обиднѣе всѣхъ смѣялись сами официанты.

Матеріальныя же лишенія шли отъ хозяевъ, содержателей ресторановъ и распорядителей.

Всѣ глумились надъ нимъ не потому, чтобы идея объединенія не назрѣла у нихъ.

А потому, что этотъ путь, по которому шелъ Гордѣевъ уже трижды до него обламывался, обрывался.

Три попытки объединиться потерпѣли фіаско.

А первая изъ нихъ — попытка приснопамятнаго П. М. Стоярова — окончилась для многихъ прямо-таки плачевно.

Пропали денежки кровныя, внесенныя за паи.
И вотъ послѣ трехъ проваловъ снова раздается
голосъ официанта-проповѣдника.

Не безуміе ли идти за нимъ!

— Быть можетъ онъ тоже хочетъ только деньги
выманить?—раздались голоса.

Но Гордѣевъ денегъ не бралъ.

Одинъ, безъ денегъ, безъ почвы снизу, т. е. безъ
поддержки официантской среды, безъ поддержки свер-
ху—со стороны хозяевъ, шель онъ впередъ и трубилъ.

Трубилъ и барабанилъ во всехъ газетахъ.

А втихомолку писалъ письма журналистамъ.

Такъ подготовилъ онъ самъ для себя почву.

Когда почва окрѣпла онъ написалъ письмо В. И.
Герье.

И такъ создалось общество.

— Въ послѣднее время газеты что-то замолчали
объ вашемъ обществѣ?

— А къ чему кричать? Мы встали на ноги и дѣ-
лаемъ спокойно и тихо свое дѣло. У насъ уже 810
членовъ, да кандидатовъ въ члены записалось 224
лица.

Для начала это недурно.

А пока общество устраивается со своими хозяй-
ственными нуждами.

Прежде всего удалось раздобыть на Дмитровкѣ
прекрасное помѣщеніе для правленія.

Р. Д. Востряковъ бесплатно отвелъ квартиру въ
своемъ домѣ и въ ней теперь ежедневно дежурятъ
члены правленія.

По понедѣльникамъ, средамъ и субботамъ отъ 10
до 12 часовъ дня, по вторникамъ, четвергамъ и пят-
ницамъ отъ часа до трехъ.

По праздникамъ наема нѣтъ.

Праздники—самые рабочіе дни для официантовъ.

Капиталъ изъ членскихъ взносовъ и пожертвова-
ній возросъ уже до 5,000 руб.

Докторъ С. С. Шнеерсонъ высказалъ желаніе без-
платно принимать членовъ общества въ опредѣленные
часы.

Въ юрисъ-консульты приглашенъ самъ О. Н. Пле-
вако, который узнавъ, что членомъ правленія состоитъ
В. И. Герье воскликнулъ:

— Очень пріятно будетъ поработать съ нимъ
вмѣстѣ!

Въ настоящее время юрисъ-консультомъ состоитъ
пом. прис. пов. Н. П. Дукельскій.

При правленіи имѣется бюро, рекомендующее офи-
циантовъ на балы, обѣды и вечера.

Каждый, кто желаетъ пригласить на вечеръ нѣ-
сколько официантовъ можетъ обращаться въ домъ Во-
стрякова въ пріемные часы.

Это же бюро рекомендуетъ съ ручательствомъ слу-
жащихъ и для хозяевъ ресторановъ, гостинницъ.

Правленіе собиралось уже разъ восемь и въ числѣ
интересныхъ вопросовъ, обсуждавшихся имъ, выдѣ-
ляется вопросъ о бесплатныхъ квартирахъ.

Предполагается нанять цѣлый громадный домъ въ
центрѣ города, разбить его на мелкіе квартиркі и
сдавать ихъ членамъ общества за такую дешевую
плату, чтобы только окупились расходы по дому.

Если въ домѣ окажется удобное помѣщеніе, можно
будетъ сдавать его подъ балы, вечера, свадьбы, кон-
церты, ужины.

Это увеличитъ доходность дома и слѣдовательно
понижитъ квартирную плату.

На балахъ и вечерахъ этого общества официанты
и квартиранты поочередно могутъ находить себѣ работу.

Это будетъ подспорьемъ для неимущихъ мѣста и вспомошествованіемъ для всѣхъ.

Нельзя не привѣтствовать этой грандіозной вмѣстѣ съ тѣмъ простой идеи.

Итакъ общество живетъ, работаетъ, дышетъ полною грудью, думаетъ и додумывается до прекрасныхъ вещей.

— Но главное это то, что обществу нашему удалось уже заручиться симпатіями не только официантовъ, но и самихъ хозяевъ. Правда и до сихъ поръ нѣкоторые изъ нихъ боятся вступить въ члены, думая что это сразу пресѣчетъ ихъ нелегальные поборы въ родѣ „посудныхъ“ и прочее. Но вошли уже такія крупныя въ нашемъ міру имена, которыя безъ сомнѣнія повлекутъ за собой и остальныхъ упорствующихъ хозяевъ.

Изъ хозяевъ ресторановъ вошли сами въ члены и внесли за всѣхъ своихъ служащихъ членскіе взносы А. Т. Гладышевъ, В. П. Бакастовъ и С. А. Поповъ.

Изъ официантской аристократіи выдѣляются С. С. Карзинкинъ, В. В. Мишо, А. А. Судаковъ, С. А. Поповъ, И. И. Тѣстовъ, Ѳ. Г. Шибановъ, В. Ф. Юдинъ, С. А. Альштадтъ, И. И. Егоровъ, В. П. Борисовъ, И. И. Бакастовъ, І. И. Сугѣевъ, А. Г. Щенниковъ, Р. Л. Ритеръ, С. Н. Разумовскій, И. К. Кирилловъ, В. С. Кузнецовъ и В. А. Александровъ, Е. Н. Курнышевъ.

— Не забудьте профессора нашего дѣла, ресторатора Курскаго вокзала Сергѣя Николаевича... Фамиліи его не знаю, но всѣ его по имени въ лицо знаютъ. Не забудьте и патріарха нашего В. Т. Суворова старшаго официанта „Яра“.

Въ членахъ правленія и кандидатахъ къ нимъ состоятъ между прочимъ такія популярныя лица, какъ

Ф. И. Климовъ, Ѳ. И. Назаровъ и г. Струковъ, К. И. Струковъ, П. И. Бѣлянчиковъ.

Секретаремъ избранъ Л. И. Битюковъ.

Я привелъ этотъ списокъ именъ для того, чтобы показать остальнымъ хозяевамъ насколько неосновательны опасенія ихъ.

Новаго симпатичнаго общества нечего бояться, оно принесетъ много пользы, если осуществится хоть десятая доля его проектовъ.

Н. Шебуевъ.

„Русск. Ст.“ № 231. 1902 года).

Чужую бѣду руками разведу...

Пословица эта невольно приходитъ на память, по поводу замѣтки въ одной мѣстной газетѣ, посвященной недавно образовавшемуся обществу взаимопомощи официантовъ.

Бѣда этого молодого общества заключается въ томъ, что большинство его членовъ (всего членовъ 1200) — официанты лучшихъ московскихъ ресторановъ и гостиницъ; наиболѣе-же нуждающаяся часть официантовъ — такъ называемые, „половые“ въ третьестепенныхъ трактирныхъ заведеніяхъ — почему-то сторонятся отъ общества.

Вотъ эту-то бѣду и разводитъ руками авторъ выше-названной замѣтки, по мнѣнію котораго дѣло объясняется очень просто: члены-аристократы (т. е. официанты лучшихъ ресторановъ) загордились передъ своими собратьями, поставленными въ худшія экономическія условія и этой гордостью, понятно, оттолкнули ихъ.

Объясненіе это, однако, какъ оно ни просто, очень далеко отъ истины.

Намъ извѣстно, что и предсѣдатель общества С. А. Поповъ и члены совѣта напрягаютъ все свои силы, чтобы привлечь прислугу мелкихъ трактировъ въ члены общества. Вопросъ о такомъ привлеченіи былъ затронутъ на общихъ собраніяхъ, причемъ все въ одинъ голосъ сѣтовали на то, что „половые“ сторонятся отъ дѣла, которое для нихъ, главнымъ образомъ, и представляетъ существенный интересъ.

„Гдѣ-же тутъ гордость?.. Гдѣ ломаніе официантовъ надъ половыми?“—спрашиваетъ насъ одинъ изъ инициаторовъ общества г. Гордѣевъ, и затѣмъ совершенно резонно замѣчаетъ, что прежде чѣмъ направлять по адресу молодого учрежденія несправедливыя нареканія, слѣдовало бы посерьезнѣе вникнуть въ дѣло и уже тогда только рѣшать больной вопросъ о томъ, — почему „половые“ мелкихъ трактировъ чуждаются единенія со своими братьями, находящимися въ нѣсколько болѣе лучшихъ экономическихъ условіяхъ.

По объясненію г. Гордѣева, причина этого отнюдь не въ разницѣ экономического положенія, вызывающей якобы гордость и „ломанье“. Экономическое положеніе тутъ не причесть. Причина — въ разницѣ умственного развитія всей вообще трактирной прислуги. Уровень этого развитія, далеко не одинаковый, опредѣляется той публикой, среди которой вращаются официанты и половые. Первые имѣютъ дѣло съ такъ-называемой чистой публикой и невольно знакомятся съ интересами нѣсколько болѣе вышшаго порядка, чѣмъ интересы той „сѣрой публики“, среди которой вращаются половые. Официантъ интересуется газетами, даже самъ выписываетъ ихъ, читаетъ книги, бываетъ въ театрахъ, тогда какъ половой, уже не говоря о книгахъ, даже и газету-то не всегда возьметъ въ руки. При такихъ условіяхъ такія понятія, какъ „самопо-

мощь“, „единеніе“ для него—звукъ пустой, ровно ничего не говорящей ни уму, ни сердцу.

„При посѣщеніи мною нѣсколькихъ трактировъ, — пишетъ г. Гордѣевъ, — я убѣдился, что громадное большинство половыхъ совершенно не освѣдомлено о заботахъ и цѣляхъ нашего общества, многіе даже не слышали и о самомъ обществѣ, хотя о немъ не мало писалось во всехъ московскихъ газетахъ. Въ виду этого, на послѣднемъ общемъ собраніи у насъ было выражено желаніе, чтобы болѣе свободные члены посѣщали трактиры и, бесѣдуя съ „половыми“, знакомили ихъ съ обществомъ и съ его дѣятельностью, отъ правильнаго развитія которой они только и могутъ ожидать для себя серьезной помощи „въ минуту жизни трудную“. А такихъ минутъ, — продолжаетъ г. Гордѣевъ, — въ жизни трактирной прислуги, охъ, какъ много, особенно въ жизни „половыхъ“, сплошь да рядомъ остающихся безъ мѣста, вслѣдствіе болѣзни или каприза хозяина, или буфетчика. А потеряешь мѣсто — не скоро найдешь. Вотъ это-то время безработицы особенно страшно, такъ какъ оно сѣдаетъ все припасенное... сначала кое-какія денежные крохи, а потомъ тащится въ закладъ домашній скарбъ, платье. Тутъ ужъ, если даже и подвернется новое мѣсто, бѣднягѣ не поступить на него, такъ какъ не имѣется уже ни залога (обыкновенно 30 — 35 р.), ни платья. Въ концѣ концовъ хитровекія трущобы, осмотръ которыхъ показалъ, что значительный контингентъ ихъ обывателей составляютъ именно бывшіе половые и официанты“.

Въ заключеніе г. Гордѣевъ настойчиво указываетъ на то, что среди членовъ общества взаимопомощи официантовъ рѣшительно не наблюдается никакой розни; что и зажиточные, и мало обезпеченные, и вовсе не-

обезпеченные — всё одинаково вѣрятъ въ то, что „въ единеніи—сила“, всё одинаково надѣются, что въ недалекомъ будущемъ, при посредствѣ сочувствующей дѣлу общества печати и путемъ постоянныхъ бесѣдъ членовъ общества съ ихъ товарищами по профессіи, еще не поступившими въ члены, удастся добиться вполнѣ благопріятныхъ результатовъ.

Съ своей стороны, отъ души желаемъ скорѣйшаго и полнѣйшаго осуществленія этой надежды!

(„Рус. Лис.“ № 24. 1903 года).

Положеніе прислуги въ московскихъ ресторанахъ.

Невеселое дѣло повторять старыя истины. Предаясь этому занятію, рискуешь надоѣсть и себѣ и читателямъ.

А между тѣмъ бываютъ случаи, когда такое повтореніе является насущной необходимостью. Напомнить о старой истинѣ полезно въ тѣхъ именно случаяхъ, когда общество умышленно о ней забываетъ, намѣренно ее замалчиваетъ...

Что, напримѣръ, удивительнаго или неправдоподобнаго въ томъ, что человѣкъ всегда человѣкъ, независимо отъ образованія, имъ полученнаго, или общественнаго положенія, имъ занимаемаго? Кто-бы ни былъ нашъ ближній, какъ-бы низко онъ ни стоялъ на соціальной лѣстницѣ, какое-бы смиренное положеніе въ обществѣ онъ ни занималъ—совершенно ясно, что онъ всегда и всюду долженъ быть и оставаться для насъ человѣкомъ, которому мы должны воздать все, что полагается воздавать существу разумному и безсмертному, созданному по образу и подобию Божію.

Неправда-ли, читатель, повтореніемъ какихъ скучныхъ азбучныхъ истинъ я занимаюсь? Вѣдь эти идейныя положенія всёми извѣстны, каждымъ признаны, и никѣмъ не опровергаются.

Да, но что-же вы прикажите дѣлать бытописателю общественной жизни, если онъ видитъ, что истина, признаваемая въ теоріи, совершенно игнорируется на практикѣ.

Въ данномъ случаѣ я хотѣлъ-бы обратить вниманіе читателей на положеніе прислуги въ гостиницахъ, ресторанахъ, театрахъ и тому подобныхъ учрежденіяхъ.

Положеніе это отвратительно. Трудно представить себѣ нѣчто, болѣе безнадежное и ужасное.

Въ прошломъ году общество и печать заговорили о необходимости улучшить бытъ прислуги. Говорили и писали много, громко, горячо... Наше московское общество такъ много и благородно кипятилось, что официанты приняли эту вспышку всерьезъ и учредили даже общество для поднятія матеріальнаго и духовнаго уровня своей профессіи.

Но изъ этихъ начинаній ровно или почти ничего не вышло. „Общество просто“ поговорило и успокоилось, а „общество официантовъ“, хотя и сформировалось, но предоставленное самому себѣ, собственнымъ молодымъ и неразвившимся силамъ, чувствуетъ себя бессильнымъ въ борьбѣ съ злостью, сѣрою и до омерзительности подлой жизнью.

На дняхъ мнѣ пришлось читать письмо лица, очень свѣдущаго по части быта московской ресторанной прислуги. Письмо это писано не чернилами, а слезами, слезами обиды и горькаго, незаслуженнаго униженія.

Московская ресторанная прислуга влачитъ жалкое существованіе алжирскихъ рабовъ. Эксплоатація, которой подвергаются эти несчастные, груба, безжа-

лостна и омерзительна. Человѣка, который пожелалъ заработать себѣ хлѣбъ, служа въ увеселительномъ заведеніи, не только обираютъ, но и нравственно растлѣваютъ.

Недавно въ газетахъ промелькнуло извѣстіе, что тифлисскіе рестораторы совѣщались о томъ, какъ-бы улучшить бытъ прислуги и, очевидно, вспомнивъ о Богѣ, пришли къ слѣдующему:

1) Рестораторы Тифлиса рѣшили уплачивать своимъ официантамъ жалованье въ размѣрѣ не меньшемъ чѣмъ 10 р. въ мѣсяць.

2) Рестораторы обязались давать своимъ официантамъ обѣдъ и ужинъ.

Наши московскіе рестораторы до сихъ поръ не дѣлаютъ ни того, ни другого. Они не только не платятъ официантамъ жалованья, но и сами берутъ съ нихъ деньги. Поборы эти производятся въ самыхъ многообразныхъ формахъ. Такъ, за право быть официантомъ вносится владѣльцу „заведенія“ залогъ по меньшей мѣрѣ 40 и достигающій даже 1,000 руб. Авторъ прочитаннаго мною письма говоритъ, что, въ случаѣ оставленія службы, получить этотъ залогъ обратно бываетъ трудновато.

Кромѣ того, официантъ вноситъ ежедневно приблизительно 20 копѣекъ (во всякомъ заведеніи своя „такса“) на „бой посуды“ и т. п. Въ тѣхъ ресторанахъ, гдѣ прислуги много, изъ этихъ взносов скапливаются порядочныя суммы, измѣряемая, даже тысячами рублей. Деньги эти поступаютъ въ распоряженіе такъ-называемыхъ „старшихъ официантовъ“, назначаемыхъ владѣльцами заведеній и состоящихъ съ ними въ дружественныхъ отношеніяхъ. На этой почвѣ развивается самая отчаянная „грабировка“. Официантскія деньги, подлежащія, за вычетомъ за разбитую посуду и тому

подобное, возврату официантамъ, на самомъ дѣлѣ имъ никогда не возвращаются, а прилипаютъ къ рукамъ старшихъ официантовъ и хозяевъ.

Общество официантовъ находитъ, что положить конецъ злоупотребленіямъ этого рода будетъ можно только въ томъ случаѣ, если старшіе официанты будутъ избираться самими официантами и притомъ изъ среды лицъ, пользующихся между ними нравственнымъ авторитетомъ.

Крайне было-бы желательно, чтобъ эта мысль была осуществлена.

Эксплатируемые хозяевами, официанты почти ставятъ въ необходимость спасать себя отъ голодовки всѣми средствами. Вырабатывается типъ льстиваго и наглаго лакея, не стѣсняющагося ничѣмъ. Бываютъ случаи, когда официантъ приписываетъ къ счету пьянаго посѣтителя лишнія деньги, бываютъ также случаи, когда онъ дѣлится нажитыми такимъ образомъ деньгами со своимъ „начальствомъ“.

Однимъ словомъ — „рука руку моетъ, и обѣ грязны“.

Я зачерпнулъ лишь одинъ разъ изъ того ведра грязныхъ разоблаченій, коими полно прочитанное мною письмо. Довольно и этого пока. Читатели видятъ, къ какимъ ужаснымъ послѣдствіямъ приводитъ система жестокой и подлой эксплуатаціи, которой подвергается прислуга нашихъ московскихъ ресторановъ.

Гг. московскіе рестораторы, вспомните о Богѣ и послѣдуйте, для перваго раза, примѣру вашихъ тифлисскихъ собратьевъ.

Ибо, если вы сами не захотите вспомнить о Богѣ, то Онъ Самъ вамъ о Себѣ напомнитъ.

Alter Ego.

Случайныя замѣтки.

Имѣется одинъ вопросъ, давно уже поднятый и остающійся до сихъ поръ нерѣшеннымъ, несмотря на всю его простоту.

Это вопросъ о вознагражденіи „человѣковъ“, о вознагражденіи швейцаровъ и лакеевъ при гостиницахъ, трактирахъ, буфетахъ и тому подобныхъ заведеніяхъ.

Лѣтъ шесть тому назадъ московскіе „человѣки“ давали объясненія въ камерахъ мировыхъ судей при разсмотрѣніи цѣлой серіи дѣлъ по искамъ къ содержателямъ трактирныхъ заведеній о возвратѣ сборовъ, взимаемыхъ послѣдними въ обезпеченіе будто-бы сохранности бѣлья и посуды.

— Мы,—сознавались они,—дѣйствительно преслѣдуемъ посѣтителей просьбами „на чаекъ“; иной разъ просимъ, иной разъ вымогаемъ подачи; многіе изъ насъ не останавливаются передъ обсчитываніемъ и другими дурными поступками. Но что-же намъ дѣлать, когда насъ къ этому вынуждаютъ наши хозяева! Безъ попрошайничества, вымогательства, обсчитыванія мы съ нашими семьями, съ нашими дѣтьми должны будемъ умирать съ голоду.

И „человѣки“ были совершенно правы, говоря это.

Трудъ трактирнаго служителя, официанта, далеко не легокъ; длится онъ съ ранняго утра до глубокой ночи, а во многихъ трактирахъ до 2—4 час. утра слѣдующаго дня; при этомъ официанты и вообще трактирные слуги почти все время остаются на ногахъ. Несеніе обязанностей сопряжено съ значительными, сравнительно, расходами: официанты обязаны быть

чисто одѣтыми, носить фраки, крахмальное бѣлье или-же бѣлыя рубахи, постоянно требующія мытья. Несмотря на все это, они жалованье отъ хозяевъ получаютъ въ самомъ ограниченномъ размѣрѣ или вовсе не получаютъ, а, напротивъ, уплачиваютъ хозяевамъ произвольно устанавливаемые ими сборы или поборы въ возмѣщеніе будто-бы разбиваемой посуды и утраты столоваго бѣлья. Сборы эти достигаютъ до 40 коп. въ день съ cadaго официанта и въ общемъ составляютъ очень крупныя суммы.

— Если-бы, — говорилъ намъ одинъ изъ официантовъ,—двугривенные, взимаемые трактиро-содержателями съ официантовъ, шли дѣйствительно на ремонтъ посуды, то вся она во всѣхъ трактирахъ должна-бы быть золотая.

Что-же остается дѣлать официантамъ и вообще служителямъ въ ресторанахъ, какъ не попрошайничать? И дѣйствительно, нигдѣ въ Европѣ систематическое вымогательство „на чаекъ“ не получило такихъ безобразныхъ формъ и не преслѣдуетъ обывателя такъ назойливо, настойчиво на каждомъ шагу, при всякомъ удобномъ и не удобномъ случаяхъ, какъ въ Россіи и особенно въ Москвѣ. И винить официантовъ въ этомъ нельзя. Что-же остается дѣлать имъ, какъ не попрошайничать, какъ не обращаться въ особую разновидность людей, смотрящихъ на все остальное человѣчество съ точки зрѣнія: „сколько кто дастъ?“

Какъ-бы тамъ ни было, но неизбѣжныя, почти обязательныя подачи „на чаекъ“ являются значительнымъ накладнымъ расходомъ на посѣтителей трактировъ, изъ которыхъ очень многіе посѣщаютъ ихъ въ силу необходимости, въ силу того, что не могутъ имѣть домашняго стола. Но необходимость собрать ежедневно опредѣленную сумму подачекъ, чтобы про-

кормить себя и свою семью, приближает трудящихся людей къ положенію промысловыхъ нищихъ, унижаетъ ихъ человѣческое достоинство, заставляя ихъ пресмыкаться ради того, чтобы получить вознагражденіе за свой трудъ.

Безнравственно, конечно, выпрашивать подачки, вымогать ихъ; еще безнравственнѣе — обсчитывать, а тѣмъ болѣе обворовывать захмелѣвшихъ посѣтителей, но наиболѣе безнравственно — ставить трудящихся людей въ такое положеніе, въ которомъ они вынуждены, подъ угрозой голодной смерти, попрошайничать, вымогать и обсчитывать.

Главными виновниками въ данномъ случаѣ являются трактиросодержатели. Это и должно имѣть въ виду при опредѣленіи мѣръ, какія необходимо принять съ цѣлью воспособленія афиціантамъ въ ихъ стремленіи быть людьми, живущими своими трудами, а не пресмыкающимися, получающими вознагражденіе за трудъ цѣною униженій, попрошайничества, а нерѣдко и прямыхъ преступленій.

Если представители труда фабричнаго, заводскаго и ремесленнаго поставлены подъ защиту специальныхъ законовъ, съ установленіемъ надзора за исполненіемъ таковыхъ со стороны фабричной инспекціи, то простая послѣдовательность требуетъ, чтобы подъ защиту тѣхъ-же законовъ и того-же надзора были поставлены и другіе представители труда, а въ томъ числѣ и афиціанты.

Контингентъ афиціантовъ слѣдовало-бы объединить въ цехъ, подобно тому, какъ существуютъ поваренный и кондитерскіе цехи, въ составъ которыхъ входятъ повара, кондитеры, пекари и др. При такой организаціи афиціанты получили-бы свое общественное представительство, которое и позаботилось-бы объ

упраздненіи существующихъ свѣчаевъ и обычаевъ делающихъ изъ тружениковъ всѣми презираемыхъ попрошайекъ поневолѣ.

И чѣмъ скорѣе совершится это, тѣмъ будетъ лучше.

„Моск. Лист.“ № 317. 1903 г.

НЕГАТИВЫ.

Лѣтомъ всѣ дороги ведутъ въ садъ.

Сдѣлайте опытъ: молча сядьте на извозничью пролетку часовъ въ 7—8 вечера.

Вы увидите, что извозчикъ привезетъ васъ въ очередной, т.-е. дежурный садъ.

Сады дежурятъ по днямъ недѣли. По понедѣльникамъ jour fixe въ одномъ саду, по вторникамъ — въ другомъ, по средамъ — въ третьемъ...

Совершенно нечаянно и я попалъ вчера въ „Буффъ“. Адскій холодъ заставлялъ публику интересоваться больше буфетомъ, чѣмъ „Буффомъ“...

Совершенно нечаянно и я заинтересовался буфетомъ и его труппой. А отъ этой труппы мысленно унесся и къ всероссійскому многострадальному „человѣку“...

Занимаясь первыми шагами московскаго общества взаимопомощи афиціантовъ, я изучилъ бытъ этого общества и считаю своимъ долгомъ оповѣстить *urbi et orbi* о язвахъ, о нуждахъ, о скорбяхъ обездоленнаго афиціаниста.

Въ Петербургѣ тоже основано общество для защиты поруганныхъ правъ „человѣка“, но, увы!.. о немъ почти не слышно и на бытъ гостиничной прислуги его существованіе до сихъ поръ не отразилось.

По прежнему ковычки, отдѣляющія „человѣка“ отъ человѣка, находятся на своемъ мѣстѣ.

А какъ „человѣки“ мечтали освободиться отъ нихъ.

И я думалъ, что ковычки эти останутся тамъ въ гостиницахъ, ресторанахъ, за столиками, у буфетовъ, въ полутемныхъ корридорахъ, въ тѣсныхъ каморкахъ для номерной прислуги, которыя тѣмъ тѣснѣе, чѣмъ роскошнѣе и просторнѣе самые шикарныя номера.

Я бывалъ на первыхъ собраніяхъ членовъ этого общества.

Никто не узналъ бы въ этихъ серьезныхъ, порой совершенно интеллигентныхъ на видъ господахъ, одѣтыхъ въ пиджаки и сюртуки, тѣхъ самыхъ слугъ, которые съ подобострастно-почтительной улыбкой расхваливали вамъ качества осетрины, соусъ-тартаръ...

Подобострастно-почтительная улыбка вмѣстѣ съ ковычками осталась на мѣстѣ службы.

Эту улыбку „человѣкъ“ надѣваетъ вмѣстѣ съ фраккомъ, вмѣстѣ съ ковычками.

— Я знаю, что многіе изъ господъ-посѣтителей презираютъ насъ за эту самую улыбку, — жаловался г. Гордѣевъ, инициаторъ общества официантовъ, — а нашему дѣлу безъ нея — нельзя. Попробуй-ка сдѣлать непривѣтливое, серьезное лицо.

Улыбка, какъ и фракъ, — форма официанта.

Сама служба сдѣлала ихъ актерами.

Развѣ балерина можетъ плясать, не улыбаясь? Развѣ можетъ не улыбаться душка-теноръ? Развѣ могутъ не улыбаться хористки „капеллы“? Развѣ могутъ не улыбаться своею профессиональною улыбкою официанты?

Быть вѣчно привѣтливымъ — тяжелѣйшая изъ обязанностей. Давно извѣстно:

— Служить бы радъ, — прислуживаться тошно.

А между тѣмъ, обязанность „человѣка“, который при современномъ положеніи вещей находится въ кабалѣ у хозяина, — не только служить, по главнымъ образомъ, прислуживаться, подслуживаться, улыбкой встрѣчать незаслуженныя оскорбленія и даже (сошлюсь на свидѣтельство того же Гордѣева) пьяные и трезвые побои, обманывать посѣтителей, блюдя интересы заведенія, протягивать руку за „чаями“ и т. д., и т. д...

Эти нищенскіе „на чай“ особенно уронили достоинство официанта.

Изъ-за нихъ онъ продаетъ свое человѣческое достоинство.

Въ странномъ положеніи находится официантъ.

Кому служить онъ?

Хозяину? — Но отъ хозяина они порой ничего не получаютъ, а порой даже сами платятъ ему.

И даже не порой, а почти всегда.

Посѣтителю? — Но между посѣтителемъ и официантомъ вѣдь не существуетъ никакого договора о вознагражденіи за трудъ.

Посѣтитель обязанъ заплатить по счету только хозяину.

Ни одинъ изъ шестнадцати томовъ свода законовъ не упоминаетъ о „чаяхъ“.

Ни одинъ мировой судья въ мірѣ не присудитъ съ посѣтителя вознагражденіе за трудъ официанта.

Официантъ, работая, какъ воль, и служа и своему хозяину, и посѣтителю, юридически безпомощенъ въ дѣлѣ отысканія вознагражденія за свой трудъ.

Фальсификаціей жалованья являются „на чай“. Они то и заставляютъ забывать ихъ о своемъ правовомъ положеніи.

Общество взаимопомощи устами проф. В. И. Герье и напоминало объ этомъ.

Но сдѣлало ли оно что-нибудь. Мало напомнить, нужно и устранить зло,—нужно запретить „чаевые“.

Пусть официантъ получаетъ отъ хозяина или жалованье, или процентное вознагражденіе.

Пусть цѣны на кушанья и напитки будучи повышены на 5—10% съ тѣмъ, чтобы это повышение пошло на жалованье служащимъ.

И пусть „чаевые“, эта позорная милостыня, которую человѣкъ подаетъ „человѣку“, отойдутъ въ область преданія.

Вы, посѣтитель буфета, и не подозреваете даже какая вакханалія разыгрывается на томъ двугривенномъ, который вы подаете официанту.

То же самое общество, учредителями котораго является профессоръ Герье и официантъ Гордѣевъ, всѣми силами старается освѣтить ее.

Главнымъ попирателемъ человѣческихъ правъ „человѣка“ является, какъ этого и слѣдовало ожидать, „человѣкъ“ же.

Зазнавшійся „человѣкъ“, „человѣкъ“, получившій власть, „человѣкъ“, превратившійся изъ Ивана въ Ивана Ивановича, „человѣкъ“, занявшійся садовою антрепризою.

Какъ эксплуатируетъ „человѣка“ „человѣкъ“, на это всего лучше укажетъ судебный процессъ замолчанный почему-то московскими газетами, но въ высшей степени характерный и поучительный и не для одной только Москвы.

Въ разныхъ городахъ и всякъхъ, въ разныхъ масштабахъ повторяется та же картина...

По распоряженію полиціи, былъ внезапно уволенъ отъ должности старшій „человѣкъ“ сада „Аквариумъ“ г. Омона, Францъ Кицнеръ „за недозволенные лоте-

рей, вымогательство подарковъ, беспощадные поборы съ официантовъ, подчиненныхъ ему и т. д.“...

Великолѣпную картину хищней раскрыло слѣдствіе по этому дѣлу.

Кицнеръ, оказывается, обложилъ всѣхъ официантовъ данью по 20 к. въ день съ человѣка. Да послѣ мѣсячной разверстки каждый официантъ обязанъ былъ ему уплатить по 3 рубля.

Служать у Омона 200 „человѣкъ“. Слѣдовательно, одной дани Кицнеръ получалъ 1,800 рублей въ мѣсяцъ.

Но главный доходъ Кицнеровъ всякаго ранга, это— „бой“.

За разбитую посуду Кицнеръ бралъ столько, сколько самъ пожелаетъ.

Когда Кицнера убрали, на одномъ „бой“ было съэкономлено 1,000 рублей въ мѣсяцъ!..

Но прошелъ мѣсяцъ и г. Омонъ вновь пригласилъ г. Кицнера. А тотъ выжилъ всѣхъ тѣхъ официантовъ, которые свидѣтельствовали противъ него.

Слѣдствіе же выяснило, что самъ Омонъ обложилъ официантовъ данью.

Онъ положительно торгуетъ официантскими мѣстами: за мѣсто „на песокъ“ или верандѣ, взимается съ официанта 40 руб., за мѣсто въ кабинетахъ—100—500.

Есть даже и такія тепленькія мѣстечки, за право быть официантомъ въ которыхъ платятъ, подъ видомъ „залоговъ“.

Г. Омонъ увѣряетъ, что такъ всѣ дѣлаютъ, и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ, и въ провинціи, что иначе нельзя.

Но профессоръ Герье не согласенъ съ нимъ и внесъ въ думу предложеніе объ упорядоченіи „залогового права“.

Раскрылось, что даже въ такихъ солидныхъ фирмахъ, какъ булочная Д. И. Филиппова, не все по этой части благополучно.

Тамъ взимаются дани не подъ видомъ „залоговъ“, а „на судомойку“.

До октября прошлаго года взималось съ каждого официанта по 10 руб. въ мѣсяць, а съ октября по 25, а затѣмъ и по 35 рублей.

„Человѣкъ“ служить у Филиппова 20 дней въ мѣсяць (больше не даютъ) и платитъ за это 35 рублей контрибуціи!

Сколько же долженъ заработать официантъ, чтобы прокормиться и г. Филиппова прокормить!

34 „человѣка“ по 35 рублей — это составляетъ 1,190 рублей въ мѣсяць.

14,280 рублей въ годъ!..

Какую армію судомоекъ можетъ нанять г. Филипповъ на эти деньги!..

Можно приглашать даже съ французскимъ языкомъ и кэквокомъ!..

У меня есть цифры, сколько въ другихъ гостиницахъ, садахъ и кофейняхъ взимается антрепренерами съ труппы официантовъ, но приводитъ ихъ боюсь — скучно.

Это все будетъ ужъ „повтореніемъ пройденнаго“.

Фактъ остается фактомъ, антрепренерская кабала и здѣсь давитъ несчастныхъ, порабощаетъ, принижаетъ, обезличиваетъ и обезчеловѣчиваетъ „человѣка“.

За него слѣдуетъ вступиться.

Проф. Герье думаетъ, что это должна сдѣлать дума, выработавши типъ нормальнаго контракта.

А я думаю, что на помощь должна придти печать и общество взаимопомощи официантовъ.

Пусть будутъ упразднены „чаевые“ — и сразу невозможны станутъ продѣлки съ „залогами“, съ „боемъ“, съ „судомойками“ и продажей мѣсть...
Московское общество уже дѣлаетъ шаги въ этомъ направленіи.

Посмотримъ, что сдѣлаетъ для улучшенія быта „человѣка“ петербургское общество...
Н. Шебуевъ..

(„Русь“ № 155. 1904 года).

Разныя разности.

Въ понедѣльникъ 1 ноября члены нашей думской комиссіи о пользахъ и нуждахъ общественныхъ въ компаніи съ нѣкоторыми юристами изъ гласныхъ собирались для обсужденія чрезвычайно интереснаго вопроса: дѣло идетъ объ урегулированіи отношеній между предпринимателями и предлагающими свой трудъ служителями разныхъ ресторановъ, трактировъ, буфетовъ и т. п. На первый взглядъ это какъ будто ничтожно и мелко; но если вспомнить, какая бездна такихъ заведеній имѣется въ Москвѣ, то сразу изъ-за этихъ освѣщенныхъ электричествомъ храмовъ чревоугодія, изъ дымной атмосферы всевозможныхъ харчевень и трактирныхъ притоновъ выступаетъ армія людей изможденныхъ, переутомленныхъ, съ зелеными чахоточными лицами, людей, почти не знающихъ отдыха и ведущихъ точно жизнь добровольныхъ каторжниковъ. Это все официанты, половые, трактирные мальчишки и т. п. Помимо лишней физической, кромѣ тяжелой работы съ ранняго утра до ночи, на сцену выступаетъ эксплуатація ихъ со стороны хозяевъ.

Дѣло возбудили двое гласныхъ, профессоръ Герье и г. Поповъ, Они подали въ городскую думу заявленіе, въ которомъ было сказано, приблизительно, такъ:

„Офиціанты и другіе служащіе въ ресторанахъ и театрахъ становятся въ Москвѣ жертвою злоупотребленія и обмана. Поступая на мѣста, служащіе по большей части обязаны вносить хозяину или предпринимателю значительные денежные залого. Этимъ обстоятельствомъ пользуются недобросовѣстные предприниматели. Набирая большое количество служащихъ, они получаютъ значительныя суммы денегъ въ видѣ залоговъ и затѣмъ, подчасъ пускаясь въ легкомысленныя предпріятія, растрачиваютъ эти деньги или даже просто исчезаютъ съ ними, не начавъ никакого дѣла. Такъ, недавно исчезъ изъ Москвы предприниматель, присвоивъ себѣ около 40,000 руб. набранныхъ имъ отъ служащихъ денегъ. Лица, сдѣлавшіяся жертвою такого обмана, не только теряютъ свои послѣднія деньги, но, потерявъ ихъ, лишаются навсегда возможности получить новое мѣсто. Между тѣмъ не трудно обезпечить людей отъ подобныхъ злоупотребленій изданіемъ обязательнаго постановленія, которое понуждало бы предпринимателя вносить чужіе залого въ банки и держать тамъ въ процентныхъ бумагахъ до надлежащаго срока“.

Собственно говоря, заявленіе это рекомендуетъ мѣру вполне правильную. Существуетъ много обязательныхъ постановленій, утвержденныхъ думой; отчего же не ввести таковыя въ щекотливыя отношенія „хозяина и работника“ не только въ сферахъ ресторано-трактирныхъ, но и вообще тамъ, гдѣ есть наемъ многихъ лицъ однимъ предпринимателемъ? Въ заключеніи гг. Герье и Попова говорится о случаяхъ явныхъ злоупотребленій со стороны нанимателей, и даже при-

веденъ примѣръ, какъ „одинъ хозяинъ“ бѣжалъ изъ Москвы, присвоивъ себѣ 40,000 рублей. Интересно спросить, почему въ такихъ случаяхъ не называются имена подобныхъ предприимчивыхъ господъ? У насъ вообще заведена какая-то странная и вредная деликатность съ явно злонамѣренными лицами. Напримѣръ, если взять санитарные отчеты городскихъ врачей, гдѣ приводятся факты возмутительной фальсификаціи пищевыхъ продуктовъ—и опять-таки не называются фамиліи, а стоятъ безобидныя фразы: „въ одномъ колониальномъ магазинѣ“, „одна изъ молочныхъ выпустила въ продажу совершенно негодное для питья молоко“ и т. д. Между тѣмъ, огромное распространеніе фальсификаціи московскихъ пищевыхъ продуктовъ первой важности заставляетъ именно обнаруживать особенно рьяныхъ сбытчиковъ поддѣльныхъ товаровъ. Назовите въ печати трехъ-четырехъ такихъ господъ—и фальсификація сильно понизится, а въ концѣ-концовъ почти совсѣмъ прекратитъ свою дѣятельность.

Комиссія о пользахъ и нуждахъ общественныхъ, куда попало заявленіе гг. Герье и Попова и гдѣ, сказать кстати, председателсмъ состоитъ самъ г. Герье, высказала свои соображенія въ особомъ докладѣ, который недавно обсуждался въ думѣ и привелъ къ неожиданнымъ результатамъ. Комиссія говоритъ, что столичная жизнь своими особенностями создаетъ нерѣдко такія условія, въ которыхъ складываются своеобразныя отношенія между отдѣльными лицами, не находящія себѣ гарантіи въ дѣйствующемъ правѣ. Такія особенныя условія въ нѣкоторыхъ случаяхъ создаются для цѣлой группы лицъ, занимающихся одной профессіей, и ставятъ ихъ въ положеніе постоянного риска. Мало того, получаютъ явленія полного безправія подчиненныхъ за отсутствіемъ достаточныхъ средствъ къ

защитѣ имущественныхъ интересовъ. Вотъ какъ развѣ въ такомъ положеніи очень часто оказывается многочисленная въ Москвѣ группа лицъ, служащихъ въ ресторанахъ, буфетахъ и трактирахъ высшихъ разрядовъ. Установился обычай, чтобы эти служащіе, поступая на мѣсто, вносили хозяину особый залогъ, который однако жъ не обезпеченъ никакими надлежащими актами, могущими впоследствии облегчить взысканіе. Другими словами, иногда залого вносятся „на слово“, и предприниматель, въ силу подобнаго порядка вещей, воленъ отдать или не отдать деньги обратно. Вотъ тутъ-то и начинается произволъ хозяина. Последній если и не бѣжитъ съ залогомъ прислуги, то по крайней мѣрѣ держитъ ее въ рукахъ и выдумываетъ всевозможные штрафы. Такъ, съ лакеевъ въ трактирныхъ рестораторахъ берутъ „за бой посуды“ определенную сумму, хотя бы служитель и ни единого блюда не разбилъ—такъ ужъ остроумно долгимъ временемъ установлено; а кто не хочетъ подчиняться, того изгоняютъ немедленно. Есть трактиры, гдѣ полные за право служить платятъ самому хозяину. Вотъ до какихъ размѣровъ дошла эксплуатація трактирной прислуги!

Комиссія о пользахъ и нуждахъ прежде всего обратила вниманіе на залогъ:

— Куда дѣвать эти капиталы? Какъ уберечь ихъ отъ хозяйскихъ покушеній?

Городской юрисконсультъ, по просьбѣ той же комиссіи, выработалъ проектъ правилъ, регулирующихъ взаимныя отношенія хозяевъ и прислуги.

Надо сказать правду, этотъ неудачный проектъ хотя сначала и понравился комиссіи о пользахъ и нуждахъ, но городскую думу не удовлетворилъ. Особенно думскіе юристы, впоследствии приглашенные въ

качествѣ экспертовъ и совѣтчиковъ при выработкѣ новаго проекта правилъ, не одобрили старый.

— Да что же въ проектѣ неподходящаго?—спрашивали нѣкоторые члены комиссіи, подписавшіе докладъ.

— Вы лучше скажите, что въ немъ „подходящаго?“—возражали опытные юристы, вгоняя этими словами въ тоску и комиссію и юрисконсульта.

Главнымъ образомъ теперь заспорили о томъ, куда именно вносить залого. Юрисконсультъ думы, г. Мининъ, имѣ „уготовилъ мѣсто“ въ канцеляріи г. оберъ-полицеймейстера, а гласные теперь желаютъ, чтобы залого вносились въ управу.

Лично я не знаю и не буду спорить, гдѣ надлежитъ сохранять залогъ. Думается, что этотъ вопросъ—дѣло второстепенное. Всего нужнѣе собрать матеріаль о предметѣ, который вызвалъ такой разговоръ и думскія хлопоты. Надобно привести рядъ фактовъ офиціантскаго житья-бытья и тогда ужъ приступить къ урегулированію отношеній. Профессоръ В. И. Герье фактовъ не собралъ, онъ ограничился лишь сочувствіемъ по адресу прислуги. Вещь похвальная—сочувствовать обиженнымъ; но чтобы искоренить всякое общественное зло все-таки прежде нужно съ нимъ ближе ознакомиться. Не только денежные залого, которые легко хозяину растратить, здѣсь важны. Великое значеніе имѣетъ та тлетворная обстановка, въ которой живутъ все эти лакеи, офиціанты и другая трактирная прислуга. Ограждая денежные интересы людей, необходимо попутно облегчить ихъ трудъ, заставить предпринимателей смотрѣть на прислугу не какъ на животныхъ, а какъ на людей.

Въ Москвѣ въ разныхъ трактирахъ мелкой и средней руки жизнь „половыхъ“ проходитъ прямо удру-

чающе. Они работают съ 5 часовъ утра до глубокой ночи, еле успѣвая наскоро поѣсть, причемъ ихъ пища подчасъ бываетъ отвратительна, а ихъ ночлегъ—вповалку, подъ билліардами или въ какомъ-нибудь чуланѣ, на грязномъ полу—ужасенъ. Половые-подростки особенно терпятъ суровую участь, потому что на нихъ ложатся всѣ черныя работы и побѣгушки. А эти трактирныя безобразія, развратъ, буйства, допускаемые всегда въ такихъ неряшливыхъ притонахъ,—развѣ ихъ можно терпѣть? Конечно, не думѣ специально слѣдить за порядкомъ въ трактирахъ и харчевняхъ; но она можетъ собрать факты и огласить ихъ. И это принесетъ ощутительную пользу, потому что зло будетъ ярко освѣщено.

Само собою разумѣется, что комиссіи о пользахъ и нуждахъ необходимо, помимо совѣта съ гласными-адвокатами, пригласить обѣ стороны: хозяевъ и служащихъ. Пусть и тѣ и другіе выскажутъ свои мнѣнія и требованія и иллюстрируютъ свои слова подкрѣпленіемъ дѣйствительности. И тогда легко будетъ создать такія обязательныя постановленія, которыми на самомъ дѣлѣ урегулируются взаимныя отношенія официантовъ и рестораторовъ.

А то вѣдь, чего добраго, раздадутся голоса, что прислуга говоритъ вздоръ, что ея претензіи неосновательны и т. д. Напримѣръ думскій гласный Сальниковъ, прославившійся въ прежніе годы заступничествомъ за порядки кредитнаго общества, ужъ возопилъ противъ затѣи г. Герье.

— Не обижайте трактирщиковъ!—внезапно разразился онъ курьезнымъ монологомъ.—Ресторанные лакеи лукавятъ, изъ нихъ много богатыхъ людей, они себѣ дома строятъ, за что же ихъ брать подъ опеку? и т. п.

Ну вотъ, для такихъ-то союзниковъ трактиросо-держателей и надобно нарисовать картину полную реальныхъ и яркихъ красокъ. Тогда можетъ быть и выяснится, кто правъ и кто виноватъ, крокодилы-официанты или агнцы-рестораторы: это съ одной стороны дастъ поводъ г. Сальникову изыскать инныя темы для своихъ думскихъ монологовъ, а также облегчить воистину горькую участь нашихъ наймитовъ. Пора это сдѣлать.

(„Нов. Вр.“ № 10,304. 1904 года).

Письмо въ редакцію.

Принимая къ сердцу всѣ человѣческія интересы, не могу я умолчать, чтобы не сказать въ защиту всероссійскаго многострадальнаго человечества ресторанной прислуги. Эта огромная армія благодаря своей неразвитости терпитъ всякія униженія, оскорбленія и даже издѣвательство надъ своей личностью до зуботычинъ включительно; кромѣ того, подвергаются со стороны хозяевъ самой жестокой эксплуатаціи, которая переходитъ всякія границы, обращаясь прямо въ дневной грабежъ, въ снятіе послѣдней рубахи съ бѣдняковъ тружениковъ. Стоитъ только заглянуть, на какихъ условіяхъ служатъ московскія официанты: 1) они вносятъ денежныя залоги, 2) они не только не получаютъ жалованья, а сами должны уплачивать ежедневно хозяину отъ 20 до 50 коп., 3) въ нѣкоторыхъ ресторанахъ съ нихъ берется 20 коп. за харчи, 4) они обязываются отвѣчать за неоплаченные счета посѣтителей, 5) они же должны платить хозяйскимъ

служащимъ, распорядителю, мужику, судомойкѣ, мальчику и т. п., б) они же выносятъ беспощадные штрафы и разные специальные поборы; одинъ изъ ресторано-содержателей даже до того додумался, что обязалъ своихъ официантовъ платить жалованье домашнему лакею, который ничего общаго съ рестораномъ не имѣетъ; кромѣ того, собралъ съ cadaго официанта по 10 руб. на Красный Крестъ. Разумѣется, внесъ деньги не въ редакцію газеты, навѣрно вы сами догадываетесь куда, а какъ собирали официанты эти деньги, про то знаютъ они же, потому не у cadaго была въ карманѣ асигнованная хозяиномъ сумма 10 руб. пришлось пойти къ знакомымъ просить въ займы или что-нибудь снести въ закладъ. Принять во вниманіе, что многіе изъ нихъ—запасные нижніе чины, сами могутъ каждую минуту быть призваны въ дѣйствующую армію для защиты дорогого отечества, останутся жена, 5—6 человекъ дѣтей, престарѣлые отецъ и мать останутся безъ всякихъ средствъ къ существованію, а тутъ, ради славы, выжимаютъ соки съ бѣдныхъ людей, заработанные каторжнымъ трудомъ и беззащитнымъ выпрашиваніемъ—на чаекъ.

Нужда заставляетъ этихъ людей нести на себѣ личину въ теченіе 16—17 часовъ въ сутки, перебѣгая отъ стола къ столу съ одной неизмѣнной, заискивающей улыбкой, затаивъ, въ тоже время, тамъ, въ далекомъ уголкѣ сердца, слезы и стыдъ своего званія. Кромѣ того и самому ѣсть и пить надо, нужна квартира, стирка бѣлья, необходимы сорочки, служебный костюмъ, обувь, все это должно быть въ приличномъ видѣ. Большинство изъ насъ связаны съ родной деревней, въ деревнѣ жена, дѣти, престарѣлые отецъ и мать, братъ на военной службѣ, все это проситъ помощи, сестра въ невѣстахъ, женихи сватаютъ, нужно

уплатить оброкъ, земскія повинности, крестьянскіе сборы и т. п.

Хорошо-ли съ точки зрѣнія общественной нравственности цѣлаго класса рабочихъ людей, у которыхъ вся жизнь возведена въ систему сдѣлокъ съ совѣстью, плутней и попрошайничества. Иной, быть можетъ, и радъ-бы оставаться честнымъ человѣкомъ; въ иномъ, какъ говорится, душа и переворачивается, когда онъ затаиваетъ гривенники отъ сдачи или выпрашиваетъ ихъ, но страхъ передъ тѣмъ же царемъ-голодомъ заглушаетъ и стыдъ, и совѣсть, и сознание своего человѣческаго достоинства.

Но вѣдь не родились-же мы официантами со всеми присущими этому званію достоинствами. Эти гнетущія думы, повѣрьте, не покидаютъ нѣкоторыхъ изъ насъ и тогда, когда мы съ равнодушной, по наружному виду, улыбкой прислуживаемъ своимъ господамъ. Во имя подачекъ человѣкъ долженъ терпѣть всякія издѣвательства надъ своей личностью, плюньте ему въ глаза, онъ только утрется и попроситъ на чаекъ, бейте его по мордѣ, ругайте его площадной бранью, онъ приметъ какъ за должное, въ ожиданіи все того же двугривеннаго, потому что весь заработокъ нашъ поставленъ на этихъ подачкахъ; а разъ уже это такъ, то человѣкъ долженъ переносить всякія униженія, оскорбленія до поврежденія скуль и поламыванія реберъ включительно. Печальнѣе всего безчеловѣчное обращеніе съ прислугой со стороны лицъ съ обширными познаніями, даже встрѣчаются титулованныя особы, за которыхъ намъ, маленькимъ и необразованнымъ людямъ, дѣлается совѣстно. Стоишь и думаешь: какое вы, баринъ, скверное воспитаніе получили! Много бы я могъ указать этихъ прославленныхъ

героевъ ругателей и мордобоевъ, но воздержусь, потому здѣсь не мѣсто.

Какъ эти люди стремятся освободиться отъ хозяйской кабалы и мечтаютъ о хорошемъ обращеніи со стороны посѣтителей, но, увы, все это остается глазомъ вопіющаго въ пустынь.

Они много лѣтъ кричатъ о помощи на каждой улицѣ, перекресткѣ, переулкѣ, но никто не отзывается на ихъ вопль, потому что каждый чувствуетъ себя счастливымъ только тогда, когда онъ въ своемъ домѣ за семью замками, куда не доходятъ ни стоны, ни крики о помощи другихъ. Неужели они такъ малы и ничтожны, что не заслуживаютъ никакой защиты? Гдѣ же тутъ человѣчество, куда же дѣвалось человѣколюбіе, такъ-ли поучаетъ Спаситель міра и Его Святое Евангеліе?

Этотъ вопль истерзанной души раздается скорбнымъ упрекомъ по адресу нашихъ власть имущихъ и интеллигенціи, которые привыкли смотрѣть на этихъ людей, какъ на неразумныя существа, т. е. на породу животныхъ, забывая то, что по природѣ люди все равны, что съ номерами въ петлицѣ и безъ оныхъ получили то духовное начало божественнаго творчества первобытнаго человѣка.

Въ шумной столицѣ на улицахъ, озаренныхъ электрическими солнцами мы вездѣ встрѣчаемъ своихъ собратіевъ, истомленные, хмурые, злобныя лица. Среди наибольшаго скопленія богатства люди чуть не умираютъ съ голода, и болѣзненные дѣти въ грязныхъ и сырыхъ каморкахъ, одѣтыя въ жалкія рубища, сосутъ изсохшія груди своихъ матерей. Всюду въ ресторанахъ жажда наживы и поклоненіе богатству. Евангельской притчи о богатомъ и о Лазарѣ не утратили своей жгучести и доселѣ.

Общество вмѣсто того, чтобы общими силами выразить протестъ противъ такого распространившагося зла, прежде всего обрушилось своимъ негодованіемъ на прислугу: они плуты, они обманщики, они готовы каждую минуту обчитать посѣтителя, а если подъ хмѣлькомъ, то и прямо залѣзть въ карманъ.

Все это нравственное растлѣніе людей вредныхъ отзывается не только на самихъ официантахъ, но и на государствѣ и общественной жизни. Развернешь № газеты, заглянешь въ дневныя происшествія—воровство, грабежи, разбои, взломы до убійствъ включительно, все это потому, что люди усвоили только одни дурныя наклонности, то само собою разумѣется ясно, какъ Божій день, такіе люди не передъ чѣмъ не остановятся, лишь бы достигнуть своей цѣли, т. е. достать денегъ. Многіе изъ нашихъ собратьевъ сравнительно въ молодомъ возрастѣ попадаютъ на скамью подсудимыхъ, судъ, тюрьма, гдѣ свыкаются съ арестантской братьею, загрубѣетъ и зачерствѣетъ его сердце, родная деревня, родительскій домъ, отецъ и мать, — все это остается въ области забвенія, рѣдкій кто воротится опять въ лоно официантской профессіи, большинство изъ нихъ остается навсегда барахтаться въ омутѣ разврата. Жизнь разбивается въ дребезги.

Примите отъ насъ, маленькихъ людей, на „Фондъ народнаго просвѣщенія“, скромную лепту, при всемъ желаніи болѣе не въ силахъ, у всехъ большія семьи.

Московскіе официанты *М. Г. С. Б. Ф. Н.*

„Русь.“ № 330. 1904 года.

«На чаекъ съ вашей милости».

(Очеркъ).

Давать „на чай“ приходится очень много, шагу въ Москвѣ не ступишь безъ того, чтобы кому-нибудь не дать „на чай“. Не говоря уже о праздничныхъ дняхъ, когда „на чаекъ“ даютъ и богатые и бѣдные и когда обязанность давать „на чаекъ“ ложится рѣшительно-таки тяжелымъ бременемъ на небогатаго обывателя, приходится давать и втеченіе всего года, при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ.

Даютъ дворнику, если онъ любезно укажетъ квартиру отыскиваемого знакомаго, даютъ посыльному, когда онъ принесетъ какую-нибудь записку, иногда очень неприятнаго содержанія, даютъ кстати и некстати, даютъ не столько съ желаніемъ дать, сколько ради освященнаго вѣками обычая, даютъ, ругаясь и проклиная, даютъ, называя этотъ обычай глупымъ, варварскимъ, но всего болѣе даютъ „на чаекъ“ въ ресторанахъ „господамъ служающимъ“.

Этотъ обычай очень многіе называютъ нелѣпымъ, дикимъ и для обывателя обременительнымъ. Оно и на самомъ дѣлѣ обычай этотъ довольно-таки стѣнительный. Если еще вы попируете съ компаніей довольно долго и если вамъ въ ресторанѣ человѣкъ служить подрядъ часа три, четыре, такъ дать ему „на чай“ за эту услугу не жаль.

Но вѣдь приходится московскому обывателю давать „на чай“ въ ресторанѣ и тогда, когда обыватель зайдетъ туда для того, чтобы выпить стаканъ чаю или бутылку сельтерской воды. Приходится иногда такъ,

что „чаевые“ превышаютъ сдѣланный въ ресторанѣ расходъ. Напримѣръ, вы зашли выпить стаканъ чаю, который стоитъ во многихъ ресторанахъ десять копѣекъ, — столько-же, а иногда и больше, даете вы и человѣку на чай, а потомъ еще принуждены, именно принуждены, — я подчеркиваю это слово, — дать швейцару, который подастъ вамъ пальто.

Публика ропщетъ на этотъ обычай справедливо, но тѣмъ не менѣе даетъ, усиленно даетъ и, конечно, будетъ давать еще очень долго.

Если кто-нибудь захотѣлъ-бы познакомиться съ бытомъ ресторанной прислуги, съ этими огромными кадрами людей, которыхъ мы называемъ официантами и половыми и которыхъ подзываемъ короткимъ и выразительнымъ словечкомъ „ч-экъ“, такъ нашель-бы, пожалуй, при всей своей скупости необходимымъ дать „на чай“.

Это, по истинѣ, жалкій, обиженный и нуждающійся въ помощи народъ.

Въ то время, какъ многіе работники, поставленные въ отличныя иногда условія, бастуютъ и выражаютъ протесты, эти вотъ несчастные труженики, эти „ч-эки“ терпятъ молча, терпятъ безъ всякаго протеста, не думаютъ ни о какихъ забастовкахъ и только надѣются на милость Божию, въ которой увѣрены, какъ истинно православные русскіе люди.

Да, они страдаютъ совершенно молча и безропотно. Безъ ропота и безъ протеста.

А что они „страдаютъ“, такъ это не подлежитъ сомнѣнію, и читатель убѣдится въ этомъ, если возьметъ на себя трудъ дочитать этотъ очеркъ до конца.

Я сидѣлъ какъ-то въ ресторанѣ. Расположившійся неподалеку отъ меня какой-то раздражительный полно-

кровный баринъ, бросивъ тридцать копѣекъ половому на чай, брюзжалъ и сердился.

Препротивный обычай! — говорилъ онъ. — Давно бы его пора искоренить и уничтожить... И вѣдь до чего избаловали московскихъ халуевъ этими подачками „на чай“, такъ просто ужасъ... Вѣдь, если ты дашь ему двугривенный, такъ онъ отъ тебя рыло воротитъ, между тѣмъ какъ за границей, въ Парижѣ, на примѣръ, „на чай“ даютъ какіе-нибудь гроши, и это наше русское расточительство прямо-таки коробитъ французъ...

Добродушный половой-ярославецъ, солидный уже мужчина съ окладистою бородой, съ умнымъ, выразительнымъ, чисто русскимъ лицомъ, усмѣхнулся и, подмѣтивъ, должно быть, что баринъ совсѣмъ не сердитый и не злой человѣкъ, а только брюзжитъ, быть-можетъ отъ дурной погоды, осмѣлился заговорить съ нимъ.

— Эхъ, батюшка, — добродушно заговорилъ онъ. — Да вѣдь за границей-то, поди, нашъ братъ не такъ живетъ. Тамъ, чай, условія совсѣмъ иныя... А ужъ нашему московскому слугѣ, ей-Богу, не жаль дать „на чайшко“. Лучше вы, сударь, нищему не подайте, а пожертвуйте какому-нибудь официанту „на чайшко“, — повѣрьте, что и пользы больше принесете, и Богу угоднѣе ваша жертва будетъ...

Баринъ былъ, должно-быть, дѣйствительно, не злой, потому что сейчасъ-же смягчился отъ этихъ добродушныхъ словъ полового и взглянулъ на него.

— А чѣмъ-же плоха ваша жизнь? — спросилъ онъ. — Сыты вы, одѣты, въ теплѣ, чего-же вамъ еще?..

Половой вздохнулъ.

— Долго, сударь, рассказывать, — промолвилъ онъ.

— Нѣтъ, однако...

Публики въ ресторанахъ было немного; распорядитель, величественный мужчина во фракѣ, дремалъ въ сосѣдней комнатѣ, прикрывшись газетою, буфетчикъ тоже клевалъ носомъ, и половой, разговорчивый, словоохотливый и общительный ярославецъ, закинувъ руки на спину и стоя у стола, принялся рассказывать картинки и очерки изъ быта своихъ собратьевъ.

Это было нѣчто ужасное.

Я слышалъ все, что онъ рассказывалъ, многое занесъ въ записную книжку и потомъ тщательно и смѣю сказать, добросовѣстно, въ разныхъ мѣстахъ, въ разныхъ пунктахъ разспросами свѣдущихъ людей провѣрилъ все слышанное.

Оказалось все правдою, и я думаю, что мой очеркъ не будетъ лишенъ интереса.

Если общество и печать справедливо упрекаютъ, на примѣръ, нашихъ купцовъ за слишкомъ безцеремонное отношеніе къ приказчикамъ, то отношеніе рестораторовъ и трактирщиковъ къ своимъ служащимъ не поддается никакому описанію.

Тутъ надо свою Бичеръ-Стоу, чтобы описать исторію этого страшнаго, безправнаго и жестокаго рабства.

Бичеръ-Стоу писала о страданіяхъ негровъ во времена давно прошедшія. Теперь отъ этихъ временъ осталось только печальное преданіе.

Черные негры давно освобождены, болѣе сорока лѣтъ пало крѣпостное право на Руси, заботятся о рабочихъ усиленно, много дѣлаютъ для нихъ и правительство, и печать, и общество, но „рабы ресторановъ“ остаются рабами, и положеніе ихъ по-истинѣ ужасно...

Маленькіе размѣры фельетона не позволяютъ, конечно, во всѣхъ подробностяхъ коснуться этого быта, и мнѣ приходится ограничиться небольшими картин-

ками и очерками. Но, быть может, я вернусь еще къ этому предмету, а быть может, кто-нибудь займетя изученіемъ быта ресторанныхъ служащихъ по-дробнѣе и освѣтитъ жизнь этихъ „рабовъ“ какъ слѣдуетъ.

— Сколько вы получаете жалованья? — спросилъ я у одного официанта.

— Жалованья?.. Мы, сударь, не получаемъ жалованья, а платимъ его...

— То-есть, какъ?..

— Такъ... Въ нашемъ, на примѣръ, ресторанѣ, каждый платитъ хозяину двадцать копѣекъ въ день за бой посуды, за порчу мебели и бѣлья. Въ другихъ ресторанахъ размѣръ платы значительнѣе, а кромѣ того, во многихъ ресторанахъ, особенно при лѣтнихъ садахъ, съ насъ берутъ еще солидные залогов... Это, конечно, берется не ради чего-нибудь иного, а только ради пополненія хозяйской кассы. Деньги ему нужны при началѣ сезона, вотъ онъ на наши деньги и орудуетъ... Это еще ничего, пусть беретъ, пусть вычитаетъ изъ залога за все, про все, ужъ мы какъ-нибудь при помощи хорошихъ господъ семьи свои прокормимъ, повинности деревенскія исправимъ, а вотъ плохо, если дѣло у хозяина не пойдетъ, онъ его ликвидируетъ, насъ безъ мѣста, безъ куска хлѣба оставить, а съ залогомъ съ нашими куда-нибудь за границу скроется, либо хоть и не скроется, да все истратитъ, прикарманитъ и взять съ него нечего... Пожалуйте, нанимайте адвоката, платите ему деньги, — онъ обидчика вашего въ судъ вызоветъ и даже по всей строгости закона въ тюрьму его уконопатитъ. Вотъ вы и утѣшайтесь этимъ, а кровныя денежки ваши пропали, да и безъ дѣла вы на все лѣто остались... Мы платимъ за все... Платимъ за разбитую гостями

посуду, платимъ за посуду, которую бьютъ повара и кухонные мужики, платимъ за порчу мебели, ковровъ, и на это должны вымалывать у публики... Господа, конечно, даютъ, и щедро иногда даютъ, а только вѣдь унижительно это для очень многихъ, потому среди насъ есть люди степенные, солидные, отцы семейства, въ деревняхъ многимъ изъ насъ большой почетъ оказываютъ, а мы не болѣе, не менѣе, какъ попрошайки, нищія... Да ужъ и взыскиваютъ-же съ насъ господа посѣтителы за эти „чаевые!..“

Слуга махнулъ рукою и отошелъ.

Взыскиваютъ господа посѣтителы съ половыхъ и официантовъ дѣйствительно сильно, круто и многообразно.

Иной мелкой душонкѣ ужасно какъ хочется покуражиться, поломаться и поиздѣваться надъ человѣкомъ, а сдѣлать этого негдѣ. Хорошо еще, если у иного жена безотвѣтная имѣется, надъ которой можно ломаться безнаказанно. Ну, а если жены нѣтъ, или жена сама сумѣетъ дать отпоръ, такъ вотъ онъ, руководимый побужденіями своей мелкой, низменной, лакейской душонки, и идетъ ломаться и „измываться“ надъ рестораннымъ лакеемъ.

Тотъ все стерпитъ, все снесетъ.

Сидитъ этакій „баринъ“ за столомъ въ ресторанѣ и пируетъ, быть-можетъ на деньги, добытыя не совсѣмъ честнымъ трудомъ.

— Ты, хамъ! — кричитъ онъ. — Поди сюда!..

„Хамъ“ подходитъ.

— Какой ты мнѣ ножикъ подаль, а?..

„Баринъ“ показываетъ величественнымъ жестомъ на пятнышко, замѣченное на лезвіе ножа. Дома у него, быть-можетъ, и ножа-то совсѣмъ нѣтъ, да, можетъ, и дома-то нѣтъ совсѣмъ никакого, но тутъ онъ изобра-

жаеть изъ себя „аристократа“ и за свои пропиваемые пять цѣлковыхъ, желаетъ показать себя во весь ростъ.

— Я тебѣ, ска-ти-на-а, по мордѣ за это!.. Слышишь?..

— Слушаю-съ... Виновать...

Это смиреніе иногда успокоитъ „барина“. Онъ ограничится только тѣмъ, что швырнетъ ножикъ или нечистую салфетку на полъ, выругаетъ всякими словами пологого и тѣмъ ограничится. Но бѣда, если пологой вздумаетъ хотя-бы слабо возразить, хотя-бы слегка протестовать!..

— Позвать управляющаго!.. Позвать хозяина! — оретъ на весь ресторанъ „баринъ“.

Въ огромномъ большинствѣ случаевъ одной жалобы хозяину или распорядителю на пологого достаточно для того, чтобы его немедленно прогнали на улицу и оставили безъ куска хлѣба и его, и его семейства.

Желающихъ трудиться и зарабатывать кусокъ хлѣба такъ много, что каждаго свободнаго мѣста въ ресторанѣ дожидается двадцать-тридцать человѣкъ.

И вотъ, по жалобѣ этого „барина“, служащаго увольнять, прогонять, и онъ пополнить собою кадры тѣхъ пролетаріевъ, которые сперва слоняются по городу, отыскивая „мѣстечко“, потомъ либо просятъ милостыню, либо дѣлаются тѣми удалъ-добрыми молодцами, которые составляютъ большое мѣсто всякаго большого города и причиняютъ огромное безпокойство полиціи.

Такихъ „баринѣвъ“ по Москвѣ очень много. Ему только и поломаться въ трактирѣ. Тамъ его царство, тамъ онъ господинъ, тамъ онъ съ своими пятью цѣлковыми Крезъ и владыка.

Смотря на такого „барина“, измывающагося надъ лакеемъ, хочется сказать: „на немъ лакейская ливрея, а у васъ, сударь, лакейская душа!..“

Но такой „баринъ“ еще ничего. Есть еще хуже.

Придетъ иногда въ ресторанъ компанія этакихъ молодыхъ людей, которые въ „Разбойникахъ“ Шиллера въ ремаркѣ автора названы: „развратные молодые люди, впоследствии разбойники“, придетъ компанія такихъ молодыхъ людей и начнетъ пить, ѣсть и веселиться.

Спрашиваетъ компанія различныя тонкія блюда, бракуетъ ихъ, требуетъ самое лучшее вино, ликеры, сигары, а потомъ одинъ изъ компаніи, въ родѣ ея атамана, принимаетъ такую безпечную позу и, перекатывая въ губахъ сигару съ одного угла на другой, говорить:

— Послушай, э... запиши это за мной... Сколько тутъ слѣдуетъ?..

Официантъ блѣднѣетъ.

— Помилуйте, мы васъ не знаемъ... — лепечетъ онъ.

— Такъ вотъ узнаешь, милый мой... Моя фамилія Фортоплюсовъ... Я дамъ тебѣ мою карточку...

— Да, помилуйте... какъ-же... это?.. Я васъ не знаю... я не могу... Если вы не захватили денегъ, такъ я провожу васъ до дому...

— У меня, мой милый, и дома нѣтъ денегъ... Я имѣю обыкновеніе деньги носить въ карманѣ, а не оставлять ихъ дома... Ха-ха-ха!..

— Такъ, какъ-же вы распоряжаетесь, ежели у васъ нѣтъ денегъ?.. Какъ-же вамъ не стыдно, не грѣхъ?..

— Ну, ты, хамъ, не смѣй мнѣ нотаціи читать!.. — грозно замѣчаетъ франтъ.

— Пожалуйте въ участокъ...

— Это вот ты можешь, а замѣчаній мнѣ дѣлать не смѣешь, а то я тебѣ мо-ррр-ду разобью...

Лѣтъ двадцать, двадцать пять тому назадъ случилось, что такую компанію, особенно вечеромъ и особенно за городомъ или гдѣ-нибудь на окраинѣ, тѣ-же половые жестоко избивали. Но теперь порядки не тѣ, и пострадавшему половому приходится ограничиться тѣмъ, что онъ препровождаетъ компанію въ участокъ, гдѣ составляется надлежащій протоколъ, по которому предоставляется половому право вчинить къ компаніи искъ.

Но читатель, быть-можетъ, удивится и спросить: причемъ-же тутъ половой?

А при томъ, милостивые государи, что во всѣхъ московскихъ ресторанахъ, за исключеніемъ лишь одного, за такихъ гостей отвѣчаютъ половые.

Почему это такъ, почему нищій-половой, обремененный иногда семьею, долженъ отвѣчать за негодяя, кутившаго безъ денегъ, — неизвѣстно. Но это такъ, это ставится непременнымъ условіемъ нанимающемуся служить официанту, и бываетъ весьма часто, что бѣдный официантъ принужденъ отдать хозяину за такую компанію весь свой годовой заработокъ, всѣ тѣ гроши, которые онъ, унижаясь и кланяясь, подличая и попрошайничая, собралъ съ гостей.

Въ Москвѣ среди темныхъ людей, живущихъ игрою въ тотализаторъ, среди различныхъ шуллеровъ и альфонсовъ, есть много такихъ, которые приходятъ въ ресторанъ безъ гроша мѣднаго и угощаются на десятки рублей, — это вѣдь совершенно безопасно, и все дѣло сводится къ тому, что половому будетъ предо-

ставлено право искать съ такого франта свои деньги черезъ мирового судью.

Разумѣется, ни одинъ изъ пострадавшихъ официантовъ къ мировому не пойдетъ, во-первыхъ, потому, что ему некогда ходить по мировымъ, а во-вторыхъ потому, что съ такого франта и взять нечего.

Поплачетъ бѣдный официантъ и заплатитъ хозяину. Онъ платитъ хозяину и за порчу зеркаль.

Вы, вѣроятно, видали въ ресторанныхъ кабинетахъ зеркала, исписанныя при помощи брилліантоваго кольца вензелями, узорами и нецензурными надписями.

Придетъ этакій саврасъ безъ узды, займетъ кабинетъ съ компаніей и вотъ, желая шегольнуть передъ товарищами своимъ брилліантовымъ кольцомъ, быть-можетъ гдѣ-нибудь украденнымъ, подойдетъ къ зеркалу, которое стоитъ сто—двѣсти рублей, и „своимъ хамскимъ почеркомъ“, по выраженію Кречинскаго, напишетъ: „пилъ здѣсь шампанское съ Васей и Вѣрочкой“.

Въ кабинетѣ полумракъ, лакею не до того, чтобы смотрѣть за зеркалами, — онъ занятъ службою пріѣхавшей компаніи, да и доказать вѣдь трудно, что надпись сдѣлалъ именно этотъ вотъ посѣтитель!.. Хозяинъ за испорченное зеркало получить изъ залога официанта, если-же суммы залога недостаточно, то отвѣчаетъ на основаніи круговой поруки весь штатъ прислуги.

Теперь во всѣхъ шикарныхъ ресторанахъ по кабинетамъ есть надписи, извѣщающія о томъ, что за „порчу зеркаль отвѣчаетъ прислуга“. Быть-можетъ, нѣкоторыхъ эта предупреждающая надпись и остановитъ, но только нѣкоторыхъ.

Какъ-то недавно я обѣдалъ въ ресторанѣ съ знакомымъ докторомъ. Послѣ обѣда докторъ ушелъ по своимъ дѣламъ, а я остался пить кофе.

— Ахъ, хорошій баринъ этотъ докторъ!—сказалъ половой.—Дай Богъ ему здоровья... Всѣхъ онъ насъ бесплатно лѣчитъ, всѣ мы къ нему со своими ногами ходимъ...

— То-есть, какъ съ ногами? — спросилъ я, не вполне понимая это выраженіе.

— Ногами очень, сударь, страдаемъ, — пояснилъ половой.—Вѣдь съ раннего утра до поздней ночи на ногахъ... Бѣгаешь по комнатамъ, бѣгаешь въ кухню, и сѣсть не смѣешь даже тогда, когда гостей нѣтъ... Все стоять долженъ, такое у насъ правило. А если распорядитель или хозяинъ замѣтитъ, что ты сѣлъ хоть на минутку, такъ на первый разъ штрафъ, а на второй, — паспортъ въ зубы и на улицу. Ну и страдаемъ ногами... Этакая особенная болѣзнь какая-то бываетъ: съ жилами что-то дѣлается, ну вотъ господинъ докторъ и лѣчитъ насъ... Конечно, они, дай имъ, Господи, здоровье, облегчаютъ насъ, да только они-же и говорятъ, что подъ старость это крѣпко отзовется...

Да, несомнѣнно отзовется...

Въ одномъ ресторанѣ мнѣ рассказывали, что каждому половому, кажется разъ въ двѣ недѣли, приходится работать по тридцать четыре часа подрядъ...

По тридцать четыре часа подрядъ!..

— А вотъ-съ это, когда мы дежурными бываемъ,—пояснилъ мнѣ половой. — Съ восьми часовъ утра мы становимся на работу. Въ часъ ночи ресторанъ запирается, и дежурный обязанъ привести все въ поря-

докъ, что онъ и дѣлаетъ почти втеченіе всей ночи, а затѣмъ всегда найдется еще какое-нибудь дѣло, да и спать по положенію дежурному не полагается... Въ восемь часовъ слѣдующаго утра дежурство по ресторану кончается, но на дежурномъ лежитъ обязанность посылнаго въ это утро. И онъ еще десять часовъ бѣгаетъ въ молочную, въ мясную, по дѣламъ хозяина, по дѣламъ приказчика и лишь черезъ тридцать четыре часа освобождается на двѣнадцать часовъ... Вотъ тутъ мы бываемъ вродѣ какъ-бы помѣшанные, и ужъ при всей бѣдности ѣдешь домой на извозчикѣ...

Много еще есть у меня матеріаловъ изъ быта этихъ „бѣлыхъ рабовъ“, но размѣры статьи не позволяютъ использовать весь матеріалъ, и я оставлю это до слѣдующаго благоприятнаго случая.

А. Пазухинъ.

(„Моск. Лис.“ № 44. 1905 года).

НЕГАТИВЫ.

Вчера я получилъ отъ А. М. Пѣшкова (Максима Горькаго) записку, въ которой онъ проситъ меня обратить вниманіе на подателя ея.

А податель — официантъ Морозовъ — одинъ изъ яркихъ типовъ нашего времени, Донъ-Кихоть, ищущій законности и сражающійся съ вѣтряными мельницами нашего безвременія.

Гдѣ только не проснулась, въ какихъ только уголкахъ не раздалась теперь настойчивая и назойливая мысль:

— Такъ дальше жить нельзя!

Но что же дѣлать? Какъ быть? Куда идти?

Отвѣтъ туманенъ, не ясенъ, не видѣнъ.

— Какънибудь иначе, только не такъ какъ теперь!

И въ первый разъ это почувствовалъ Морозовъ, когда его въ Нижнемъ-Новгородѣ уволили изъ ресторана Наумова за то, что онъ не подалъ спичку пьяному музыканту-румыну.

Хозяинъ позвалъ полицію, та продержала Морозова въ участкѣ, при чемъ особенно переусердствовалъ тотъ помощникъ пристава, который даромъ обѣдалъ у Наумова.

Подавалъ Морозовъ жалобу на административный произволъ губернатору, но помощникъ пристава отписался:

Но хоть и пять дней просидѣлъ чиновникъ въ отдѣльномъ кабинетѣ ресторана Лянчио, а все-таки не нашелъ въ жалобѣ ничего, за что можно было бы ресторатора наказать...

Жалоба оставлена безъ послѣдствій для Лянчио.

Но зато съ послѣдствіями для сослуживцевъ Морозова,—можно себя представить, какъ издѣвался надъ ними и ихъ неудавшейся жалобой рестораторъ.

Одною изъ новыхъ формъ издѣвательства онъ выбралъ Красный Крестъ.

— Назначаю тебѣ штрафъ въ столько-то рублей въ пользу Краснаго Креста. А чтобы вы, прохвосты, не жаловались, что я въ Красный Крестъ не жертвую, потрудись прогуляться лично въ контору Краснаго Креста, лично внести деньги, а квитанцію мнѣ подать...

Къ штрафу прибавился еще прогулъ того времени, которое нужно для посѣщенія конторы Краснаго Креста.

Клянуть теперь сослуживцы Морозова.

А онъ, чувствуя себя безъ вины виноватымъ, безсильнымъ и еще болѣе помятымъ произволомъ, надругательствомъ надъ личностью, продолжаетъ искать правосудія...

Но къ кому онъ въ Кіевѣ изъ властей ни обращался—и ни у кого на Лянчио рука не подымается.

Даже къ редактору одной изъ вліятельныхъ кіевскихъ газетъ,—и у того руки отнялись...

И вотъ онъ ѣдетъ со своей жалобой къ самому Максиму Горькому, въ которомъ чувствуетъ силу, мощь, а главное—правду.

А отъ него попадаетъ сюда въ Петербургъ...

7/1289³

— Бросилъ все и, пока не найду правды, не будетъ мнѣ покоя въ сей жизни...

Я подумалъ:

— Зачѣмъ Горькій прислалъ мнѣ этого человѣка? Развѣ время теперь заниматься официантскими вопросами, когда со всѣхъ сторонъ надвигаются тучи иныхъ, болѣе важныхъ, неотложныхъ?..

Не захотѣлъ ли онъ показать фельетонисту своего Луку, ищущаго „земли праведной“, въ официантскомъ платьѣ.

О, тогда онъ правъ, тысячу разъ правъ.

И. Шибуевъ.

(„Русь“ № 134. 1905 года).

рнв
шв